

**СОВЕТСКАЯ
ПРОЕКТА**

ЮРИЙ МУХИН

**АРМИЯ
ПОБЕДЫ**

**СОВЕТСКИЙ
ПРОЕКТ**

ЮРИЙ МУХИН

**АРМИЯ
ПОБЕДЫ**

Москва
алгоритм
2010

УДК 338
ББК 65.9(2)
М 92

Художественное оформление *Б. Протопопова*

Мухин Ю. И.

М 92 Армия Победы / Юрий Мухин. - М.: Алгоритм, 2010. - 240 с. -
(Советский проект).

ISBN 978-5-9265-0718-5

Готовое к войне государство - это готовое к победе в войне государство. Это государство, в котором максимально устранены все причины, ведущие к поражению, а обстоятельства, являющиеся причинами победы, усилены до нужной величины.

Надо ли доказывать, что всю эту работу необходимо делать в мирное время? Именно для того, чтобы это мирное время сохранить.

Мы представляем вам книгу, в которой последовательно разбираются все причины, приведшие к Победе в Великой Отечественной войне, и все причины, приведшие к поражениям на начальном ее этапе.

**УДК 338
ББК 65.9(2)**

©Мухин Ю. И., 2010
© ООО «Алгоритм-Книга», 2010
© Оформление.
ООО «Алгоритм-Книга», 2010

ISBN 978-5-9265-0718-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще в 1996 г. в газете «Дуэль» в статье «В дерьме Россия. Думать надо» я написал:

«В войне побеждают не армии, а государства. Армии лишь уничтожают войска противоборствующей стороны.

Государство, способное победить любого противника, является лучшим гарантом мирной жизни своих граждан.

Объектом нападения всегда является слабый или тот, кого считают слабым. Работает старый римский принцип: хочешь мира — готовься к войне. Готовое к войне государство охладит любую горячую голову.

Готовое к войне государство — это готовое к Победе в войне государство. Это государство, в котором максимально устранены все причины, ведущие к поражению, а обстоятельства, являющиеся причинами победы, усилены до нужной величины.

Надо ли доказывать, что всю эту работу необходимо делать в мирное время? Именно для того, чтобы это мирное время сохранить.

Мы начинаем работу, в которой будем последовательно разбирать все причины, приведшие к Победе в Великой Отечественной войне, и все причины, приведшие к поражениям на начальном ее этапе.

Читатель воскликнет — да сколько же можно? Уже все причины давно исследовали и описали — от того, как Сталин прятался под кроватью от известия о начале войны,

до того, что перед войной было убито НКВД 50 тысяч самых лучших генералов и 60 млн. советских граждан в придачу. И кто только этим ни занимался — от подлого (выдающегося?) предателя Резуна (Суворова), до не менее подлого (выдающегося?) генерал-полковника поповской службы Волкогонова.

Хорошо! Все уже описано. Но значит ли это, что мы хотя бы чему-то научились?..»

Именно поэтому я написал эту книгу, в которой постараюсь рассмотреть причины побед и поражений в войне. Не для вящей славы нашей Родины (прославят ее и без меня) и не для унижения ее (и таких мерзавцев сейчас хоть пруд пруди), а для того, чтобы у истории чему-нибудь научиться, приобрести что-либо полезное для сегодняшнего дня.

* * *

Итак, я полагаю, что Победу в войне одержит государство, которое в мирное время заботится о том, чтобы иметь:

1. Сильную армию.
2. Надежных союзников.
3. Высокий морально-патриотический уровень народа.

Но, главное, есть причина с номером 0 — государство должно иметь правительство, понимающее, что для обеспечения мира своего народа три перечисленных выше составляющих государство должно иметь. Это уж, как говорится, само собой...

Для создания сильной армии государство в мирное время должно позаботиться, чтобы:

1.1. Развитие экономики дало возможность оторвать от сферы производства необходимое для армии количество людей.

1.2. Научить этих людей науке и искусству уничтожать войска противника.

1.3. Оснастить их современным оружием и боевой техникой.

Для создания надежных союзников необходимо в мирное время:

2.1. Заботиться о своих союзниках и помогать им, укрепляя дружбу

2.2. Вызвать ссоры и напряжение в стане союзников противника.

Для создания высокого морально-патриотического уровня в мирное время необходимо:

3.1. Создать в стране общественное мнение о службе Родине как о высшем предназначении человека, как о цели его жизни.

3.2. Не желающих служить Родине перевести в разряд изгоев.

3.3. Чтить и возвеличивать героев на службе Родине, при их недостатке – создавать героев искусственно.

Короче – мирные договоры со всеми странами, ООН и прочее – это очень хорошо. Но если к этому добавить и государство, способное победить в войне, то это не только хорошо, но и надежно. Потому что еще Никколо Макиавелли заметил, что любят тебя по желанию того, кто любит, а боятся – по твоему собственному. И гораздо разумнее опираться на то, что зависит от тебя, а не от других.

Давайте думать всем миром, товарищи. Давайте искать и обсуждать. Мы не подумаем – за нас никто не подумает. Мы не найдем выхода – кто за нас его найдет?..

Глава 1

ВОЙНА КАК ЛЕКАРСТВО ОТ ГЛУПОСТИ

Думаю, что в вопросе о расширении НАТО на Восток, мы ведем себя так, как хотят наши противники — мы этому сопротивляемся. А надо ли?

Эти сомнения пришли мне в голову, когда я задумался о советско-финской войне — о самой глупой войне нашего столетия.

Прежде всего, поговорим о защите Ленинграда. Ленинград с военной точки зрения чрезвычайно уязвим. Даже без авиации для сильного вражеского флота взятие Ленинграда не является большой проблемой. Для главных калибров артиллерии вражеских линкоров Кронштадт не велика помеха, а при захвате ленинградских гаваней подвоз войск морем превращает Ленинградскую область в район, из которого вражеская армия легко может наносить удары в сердце и России, и потом СССР.

Поэтому и у царей главной идеей обороны Петербурга было недопущение флота противника к петербургским подступам. Для этого Финский залив и все подходы к нему в Первую мировую войну перегораживались минными заграждениями. Но мины можно снять. Поэтому главной задачей Балтийского флота было недопущение прорыва этих минных позиций — его корабли должны были топить корабли противника при попытке ими снять мины.

Но царю было проще. Если вы взглянете на карту Российской империи, то увидите, что северный берег

Финского залива — это Финляндия, входившая тогда в состав Российской империи, а южный берег — это имперская Прибалтика. Балтийский флот был везде дома, по обоим берегам залива стояли его береговые батареи, прикрывавшие минные поля и не дававшие вражеским кораблям пройти мимо них к Петербургу.

Еще за день до объявления Первой мировой войны вице-адмирал Эссен, командующий Балтфлотом, на линии Таллин — Хельсинки (Центральная позиция) выставил более трех тысяч мин, затем их количество было доведено до 8 тысяч, с финского и эстонского берегов позицию защищали 25 береговых батарей, на которых было 60 только 305-мм мощнейших орудий, стрелявших снарядами весом в полтонны. Поэтому за всю войну немцы практически не делали серьезных попыток прорваться к Петрограду.

Но ведь в СССР после революции от этого ничего не осталось. Южный берег почти весь был у Эстонии, а от финской границы можно было обстреливать Ленинград из полевых орудий. Мины, конечно, можно было поставить, но не защищенные с берега, они были бы моментально сняты. Положение и Ленинграда, и СССР по своей беззащитности было трагическим.

Гитлер в «Майн кампф» не скрывал, что рейх будет построен на территориях СССР. Поэтому, когда 12 марта 1938 года Германия присоединила Австрию, для СССР это был первый звонок. И в апреле 1938 года финскому правительству тайно поступили первые советские предложения. СССР просил Финляндию гарантировать, что она окажет сопротивление немцам в случае нападения на нее, для чего Советский Союз предлагал свои войска, флот и оружие. Финны отказались от этого.

СССР искал варианты. К осени он уже не предлагал прямого договора, не предлагал войск, а лишь просил договор

о защите берегов Финляндии Балтфлотом, если Финляндия подвергнется нападению немцев. Финны отказались и даже не пытались продолжить переговоры. А между тем Англия и Франция уже предали Чехословакию и СССР в Мюнхене. Союзник СССР — Франция отказалась защищать Чехословакию, второй союзник — сама Чехословакия сдала немцам Судетскую область без выстрела. Стало ясно, что для Запада все эти договоры не более чем бумажка. Для защиты Ленинграда требовалось что-то более реальное, требовался расчет только на собственные силы.

В октябре 1938 года СССР предложил финнам помощь в постройке военной базы на финском острове Гогланд в Финском заливе и права, если Финляндия не справится с обороной этого острова, оборонять его. Финны отказались.

Тогда Советский Союз попросил у Финляндии в аренду на 30 лет четыре маленьких острова в Финском заливе. Финны отказались.

Тогда СССР попросил обменять их на свою территорию. На этом этапе о переговорах узнал бывший храбрый (орден Святого Георгия) генерал русской армии, а к тому времени главнокомандующий финской армией, маршал Маннергейм. Он немедленно предложил финскому правительству обменять не только запрошенные острова, но и территорию Карельского перешейка, о которой советская сторона даже не вспоминала. Это говорит о том, насколько понятны с военной точки зрения были просьбы Советского Союза. Насколько глупы были последующие утверждения о том, что СССР, якобы, хотел «захватить» Финляндию.

В марте 1939 года Германия со своим союзником Польшей полностью оккупировала Чехословакию. В этих условиях у Советского Союза практически сформулировались окончательные предложения Финляндии: сдать ему в аренду на 30 лет участок земли на мысе Ханко (у входа в Финский залив) и обменять с выгодой финскую территорию Карельского перешейка (до оборонительной линии

Маннергейма) на значительно большую территорию СССР. Причем, именно мыс Ханко был главной просьбой. И это видно по переговорам.

Когда финны вроде бы согласились передвинуть границу на Карельском перешейке не на просимые 20—70 км, а лишь на 10 и обменять эту территорию на советскую, то в ответ получили: «предложение не приемлемо, но подлежит повторному рассмотрению», — а на языке дипломатов, не решивших главный вопрос, такой ответ является согласием. Но в вопросе о военной базе на мысе Ханко советская сторона по понятным причинам была принципиальна и искала мыслимые и немыслимые варианты. Характерно то, что если даже с Германией переговоры вел Молотов, то с финской делегацией переговаривал лично Сталин. Чего он только не предлагал! Мы не будем говорить об экономической стороне, о размерах компенсаций, о ценах во взаимной торговле. Когда финны заявили, что не могут терпеть иностранную базу на своей территории, он предложил выкопать поперек мыса Ханко канал и сделать базу островом, предлагал купить на мысе кусок земли и этим сделать территорию советской, а получив отказ и прервав переговоры, казалось бы, полностью, через несколько дней снова вернулся к ним и предложил финнам купить несколько мелких необитаемых островов у мыса Ханко, о которых финская делегация даже не слышала.

В журнале «Родина» за декабрь 1995 года была дана карта последних территориальных предложений СССР Финляндии. По несуразности малости просимой у финнов территории и по огромности предлагаемой им советской территории уже видно, насколько важен был для СССР этот проклятый мыс Ханко.

Когда читаешь описание тогдашних переговоров, становится очевидным, что финны никогда бы не пошли ни на какие просьбы СССР и ни в каких случаях. То есть, если бы, скажем, СССР согласился на предложение финнов по

передвижке границы на 10 км и только, то следующим шагом финны забрали бы назад и это свое согласие. Когда стороны хотят договориться, то они ищут выгоды. Скажем, СССР предложил заплатить за переселение финнов с Карельского перешейка, но финскую сторону не интересовало, сколько он заплатит. Финны вроде согласились на обмен, но их не интересовало, где им даст СССР землю, насколько эта территория будет им выгодна, не торговались. А это очевидно показывает, что сами переговоры финны вели для проформы, не собираясь действительно достигать соглашения. Они вели переговоры с позиции силы. Читатель может удивиться — откуда у Финляндии сила против СССР?!

Дело в том, что мы почти всегда допускаем ошибку — мы на события тех дней смотрим сегодняшними глазами. Сегодня мы знаем, чем был СССР, мы знаем, что он почти один на один выдержал натиск всей Европы и победил. Но кто это знал тогда?..

. . .

Давайте вернемся в 1939 год и посмотрим на Россию глазами тех людей. Более 100 лет Россия не способна была выиграть ни одной войны. Десант англичан и французов под Севастополь в 1854 году принудил Россию сдаться. Балканская война, формально выигранная, была проведена столь слабо и бездарно, что ее старались не рассматривать даже при обучении русских офицеров. Проиграна война Японии, маленькой стране. В 1914 году русская армия почти вдвое превосходила армию австро-немецкую и ничего не способна была сделать. В 1920 году только оперившаяся Польша отхватывает у СССР огромный кусок территории. Да что Польша! В 1918 году белофинны со зверской беспощадностью громят советскую власть в Финляндии. И если в ходе боев с обеих сторон числится всего 4,5 тысячи убитых, то после них белофинны расстреливают 8000

пленных и 12 000 умирают с голода в их концлагерях. Были безжалостно убиты на территории Финляндии все русские большевики. А Советская Россия в помощь им даже пальцем не способна была пошевелить. Ведь гитлеровский «колосс на глиняных ногах» не из вакуума взялся, не таким уж дураком был Гитлер.

Вся разведка Финляндии наверняка велась через тогдашних диссидентов, поскольку не принималась во внимание их заинтересованность в соответствующем искажении действительности. Финская тайная полиция, к примеру, докладывала правительству накануне войны, что в СССР 75% населения ненавидит режим. А ведь это означало, что нужно только войти в СССР, а население само уничтожит большевиков и встретит «армию-освободительницу» хлебом-солью. Генштаб Финляндии, базируясь на анализе непонятных действий Блюхера на Хасане, докладывал, что Красная Армия не способна не только наступать, но не способна и обороняться. Учитывая такую слабость противника, грех было не воспользоваться ею, и финское правительство не сомневалось, что один на один Финляндия способна вести войну с СССР не менее шести месяцев и победить. И оно было уверено, что за такой огромный срок сумеет привлечь на свою сторону какую-либо из великих стран в союзники.

Поэтому обычные для любой страны планы войны с соседом по отношению к СССР были у Финляндии исключительно наступательные. И отказалась от этих планов Финляндия только через неделю после начала войны, когда реально попробовала наступать. По этим планам линия Маннергейма отражала удар с юга, а финская армия наступала по всему фронту на восток в Карелию. При этом граница новой Финляндии должна была быть отодвинута и проходить по линии Нева — южный берег Ладожского — восточный берег Онежского озер — Белое море. Новая территория включала Кольский полуостров, при этом пло-

щадь Финляндии увеличивалась вдвое, а сухопутная граница с СССР сокращалась более чем вдвое. Она начинала проходить сплошь по глубоким рекам и мореподобным озерам. Надо сказать, что цель войны, поставленная перед собою финнами, если бы она была достижима, не вызывает сомнений в своей разумности.

Даже если бы не было финских документов по этому поводу, то об этих наступательных планах можно было бы догадаться и самому. Посмотрите еще раз на карту. Финны укрепили линией Маннергейма маленький кусочек (около 100 км) границы с СССР на Карельском перешейке и именно в том месте, где по планам и должна была проходить их постоянная граница. А тысяча километров остальной границы? Ее почему не укрепляли? Ведь если бы СССР хотел захватить Финляндию, то Красная Армия прошла бы туда с востока, из Карелии. Линия Маннергейма просто бессмысленна, если Финляндия действительно собиралась обороняться, а не наступать. Но в свою очередь при наступательных планах строительство оборонительных линий на границе с Карелией становилось бессмысленным. Зачем бессмысленно тратить деньги? Ведь укрепления надо было построить, вернее — достроить, на новой границе!

Еще момент. Ведь если СССР, начав войну, решил захватить Финляндию, то остальные Скандинавские страны становились в очередь. Они должны были бы перепугаться, они должны были бы немедленно вступить в войну. Но... Когда СССР стали исключать из Лиги Наций, то из 52 государств, входивших в Лигу, 12 своих представителей на конференцию вообще не прислали, а 11 не стали голосовать за исключение. И в числе этих 11 — Швеция, Норвегия и Дания. То есть Финляндия для этих стран не казалась невинной девочкой, а СССР не выглядел агрессором.

Захватнические планы Финляндии подтверждаются и прямо. В 1941 году финны вместе с немцами напали на СССР. Мы начали энергично пробовать мирно вывести Финляндию из войны. По просьбе СССР посредниками

стали Англия и США. Советский Союз предлагал вернуть Финляндии занятые в зимней войне 1939/40 года территории и еще пойти на территориальные уступки. Англо-американцы настаивали, угрожая Финляндии войной. Но финны не уступали, и в ответной ноте США 11 ноября 1941 года Финляндия заявила: «Финляндия стремится обезвредить и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года. Было бы действительно необходимо для Финляндии и в интересах действительности ее обороны предпринять такие меры уже в 1939 году во время первой фазы войны, если бы только ее силы были для этого достаточны». Об этом вы можете сами прочесть в подборке документов упомянутого мной журнала «Родина». Они тем более убедительны, что весь журнал выдержан в сугубо антисоветском духе.

Все выше написанное я бы не назвал глупостью, в данном случае финское правительство опиралось в своих решениях на явно ошибочные данные. Глупость его в другом.

Столько лет живя с Россией и в России, финны не поняли ее, не поняли, что от нее они могут получить и в тысячу раз больше преимуществ, и максимально возможную защиту, если только будут дружелюбны к ней.

Не поняли, что нет на Западе стран, которые бы в деле войны действительно бы помогли такой маленькой стране, как Финляндия. Ведь к тому времени финны уже видели, как Запад, презрев тогдашнее НАТО — Восточный пакт, — бросил на растерзание немцам Чехословакию. Как оставил без защиты Польшу. Как можно было на Запад надеяться?..

* * *

Осенью 1939 года СССР заключил договоры о помощи с прибалтийскими странами. Их статус не менялся. Они остались буржуазными и самостоятельными, но на их территории были размещены советские военные базы. Южный берег Финского залива стал более-менее защищен. Как от-

ветный жест Советский Союз передал буржуазной Литве большой кусок своей территории вместе с литовской столицей Вильнюсом, тогда — Вильно.

Оставалась проблема северного берега залива. Сталин пригласил финскую делегацию на переговоры, намереваясь их лично вести. Приглашение сделал Молотов 5 октября. Финны немедленно забряцали оружием и встали на тропу войны. 6 октября финские войска стали выдвигаться на исходные рубежи. 10 октября началась эвакуация жителей из приграничных городов, 11 октября, когда финская делегация прибыла в Москву, была объявлена мобилизация резервистов. До 13 ноября, более месяца, Сталин пытался уломать финнов предоставить СССР базу на Ханко. Бесполезно. Если не считать, что за это время финская сторона демонстративно эвакуировала население приграничных районов, из Хельсинки и довела численность армии до 500 тысяч человек.

Что же тут поделаться? Война так война. И 30 ноября Ленинградский военный округ начал укрощать строптивую Финляндию. Дело шло не без трудностей. Время было зимнее, местность очень тяжелая, оборона подготовленная, Красная Армия мало обученная. Но главное, финны — не поляки. Они дрались жестоко и упорно. Само собой разумеется, что маршал Маннергейм просил финское правительство уступить и не доводить дело до войны, но когда она началась, то руководил войсками умело и решительно. И только к марту 1940 года, когда финская пехота потеряла 3/4 своего состава, финны запросили мира. Ну что же — мир так мир. На Ханко начали создавать военную базу, вместо территории до линии Маннергейма на Карельском перешейке, забрали весь перешеек с городом Випури, ныне Выборгом. Границу почти на всем протяжении двинули в глубь Финляндии. Сталин убитых советских солдат финнам прощать не собирался.

В 1941 году Финляндия опять начала войну и союзника себе подобрала достойного — Гитлера. В 1941-м, напо-

минаю, мы просили ее образумиться. Бесполезно. В 1943 году снова предложили мир. В ответ премьер Финляндии заключил с Гитлером личный пакт о том, что не выйдет из войны до полной победы Германии. В 1944 году наши войска пошли в глубь Финляндии, без больших проблем взломав отстроенную линию Маннергейма. Дело запахло жареным. Премьер с его личным обязательством фюреру ушел в отставку, на его место был назначен барон Карл Маннергейм. Он и заключил перемирие. В ходе мирных переговоров Молотов заставил финнов обезоружить немцев на своей территории и обстругал Финляндию со всех сторон. На болота особенно не зарился, взял что получше. Такая тогда у министров иностранных дел СССР выучка была. На севере отобрал область Петсамо с ее запасами никеля, Выборгскую область и прочее. Единственно— вместо 600 млн. долларов контрибуции в пять лет смилостивился на 300 и в шесть лет.

Ну не глупо ли? Предлагали Финляндии мирно увеличить ее территорию. Так нет — почти шесть лет войны, самое большое военное напряжение, убитые, калеки. Во имя чего? Чтобы Финляндия стала меньше, чем до войны?

А давайте представим, что финны были бы нашими союзниками и бились бы с немцами, скажем, в Норвегии. Они ведь показали себя отличными солдатами, да и Маннергейма царь не без заслуг награждал.

В 1945 году Сталин, невзирая на протесты США и Англии, передал Польше огромные территории Германии. И Черчилль, и Рузвельт считали Польшу недостойной, протестовали, и, как сейчас выяснилось, они были правы. Сталин ошибался, когда считал, что поляки излечились от подлости. Но если бы Финляндия участвовала в войне на нашей стороне, то не исключено, что Сталин бы, одновременно с передачей Польше немецких земель, двинул на запад и нашу границу, дав Калининградской области более надежную опору. Тогда почему не предположить, что

он передал бы Финляндии, как союзнице и победительнице Гитлера, Карелию?

Глупая, крайне глупая война. Единственный ее положительный момент — у Финляндии началось просветление в мозгах.

* * *

После войны на Финляндию опустилась Божья благодать — у пришедших к власти политиков началось просветление в умах. Финляндия стала не просто нейтральной, для СССР она стала дружественно-нейтральной и от этого стала возможно единственным независимым государством мира.

Ведь по большому счету независимость нужна только для того, чтобы никому ничего лишнего не платить, чтобы никто тебя не грабил.

Даже СССР никогда не был вполне независимым, он зависел от своих союзников, он обязан был помогать им. И Финляндии он стал обязан за дружественное расположение, за то, что огромный кусок его нескончаемых границ прикрыло дружественное государство. Он распахнул для Финляндии свой рынок.

Но и Запад не мог оставаться безучастным. Ему никак не улыбалось, чтобы дело зашло еще дальше, чтобы Финляндия вступила в Варшавский договор. Поэтому и Запад распахнул свой рынок.

Сложилась ситуация, при которой два жениха-соперника, отчаявшись жениться, все же продолжают делать крутящей носом невесте подарки в надежде, что она, по крайней мере, не выйдет замуж за соперника.

Численность населения Финляндии не сильно отличается от Швеции или Швейцарии. Но весь мир знает первую по автомобилям «вольво» и оружию, вторую — по часам и точной механике. Никакого подобного товара финны не делают, у них товар среднего европейского качества.

Тем не менее расцвет ее экономики был таков, что в 70-х ее стали называть «европейской Японией».

Это, кстати, не льстит японцам. Они вассалы США и Запада. Им никто преимуществ не дает и они всего достигли за счет высочайшего качества своих товаров и при яростном сопротивлении мирового рынка. Скажем, Франция не могла найти закона, препятствующего продаже у себя японских товаров. Тогда она перенесла единственную таможенную для проверки японского экспорта в маленький городок и там несколько французских таможенников, не спеша, распаковывая каждую коробку с телевизором, проверяли дневную норму. Остальные японские товары многие месяцы ждали проверки на складах.

С Финляндией так никто не поступал, а если ее товар был уж очень не высок качеством, то его без проблем забирали советские внешторговые организации.

Это материальный итог действительной независимости, которой обладала Финляндия. Умная женщина, порадуемся за нее. И сегодня, когда наши придурки — бывшие братья — вопят о приеме в НАТО, финны презрительно заявили, что не видят опасности от России. Хотя, объективности ради, финны от развала СССР потеряли очень много, и мы обязаны испытывать к ним чувство признательности за то, что они практически не участвуют в беснующемся в мире антисоветском и антироссийском хоре.

* * *

Думаю, что на западных границах нам одной независимой Финляндии больше чем достаточно.

На кой ляд нам надо, чтобы независимыми были прибалты, поляки, чехи, венгры? Ведь за их независимость нам как-то придется платить. У нас что — есть лишние деньги? Пусть вступают в НАТО.

Однако здесь главный вопрос — чисто военный. Остановимся на нем. Судя по тем сведениям, что я имею,

военная доктрина Варшавского Договора заключалась в следующем. В случае войны ракетные войска и ВМФ наносят атомные удары по США до тех пор, пока те не запросят мира. Захватывать США никто не собирался, сил для этого не было. А вот Европу щадили, ее предполагалось взять сухопутными войсками и заставить смириться. Для Варшавского договора такой план был по силам, но для России, даже для будущей России — независимой, это немыслимо.

Следовательно, в будущей войне мы наступать на НАТО не сможем, отражать сухопутные удары блока нужно будет на своей территории. Думаю, что тут и вариантов нет — жечь ядерными ударами придется и Америку, и Европу. Но надежно мы это сделать не сможем, сколько бы боеголовок ни имели.

Я вспоминаю прочитанные когда-то давно данные об американском компьютерном проигрывании нападения СССР на США. По условиям игры американцы пропускали ядерный удар 1444 боеголовок, суммарной мощностью 6550 мегатонн. При внезапном ударе их потери достигали 40% населения и всего прочего. Но если войне предшествовал угрожающий период и они успевали эвакуировать города, то потери сокращались до 6%. А это меньше, чем мы или Германия потеряли в ту войну.

То есть как бы удачно мы ни нанесли ядерный удар по НАТО, ожидать оттуда вражескую сухопутную армию приходится. А у нас на границах нет морей и океанов, как у США. Поэтому полагаю, что нам их придется создать искусственно — полосу радиоактивного, химического и бактериологического заражения, отсекающую нас от НАТО.

Вопрос — где ее создать? У себя? Нежелательно, все же это своя земля и отчуждать ее на тысячелетия не хотелось бы. Значит, в сопредельных странах. Но чем дальше эти страны будут от наших границ, тем труднее будет эту полосу создать — и враг будет перехватывать средства доставки, и полоса будет длиннее. Опять выбирать практически не из чего. Создавать ее надо по территории

Польши, Венгрии, Чехословакии, не исключено, что и по территории прибалтов.

Но если эти страны будут нейтральны, то это свяжет нам руки. А вот если они входят в НАТО, тогда — они сами этого захотели. Вообще-то это ведь не трудно догадаться, что они пушечное мясо, а их страны — поле боя.

Что касается того, что эти страны усиливают НАТО, то это чушь. Во-первых, НАТО и без этого во много раз сильнее России. Во-вторых, подлецами не усилишься. Сильно нас в ту войну усилил эстонский корпус? Он только попал на фронт, и эстонцы сотнями стали перебегать к фашистам. Пришлось его переформировать в строительный.

А какую военную коалицию в обозримом прошлом усилила Польша или Чехословакия? Не беда, если они «усилят» НАТО.

Единственно, что надо было сделать России обязательно — это не признать вступления в НАТО этих стран. Это ведь нарушение ранее заключенных договоров. Построить для США, Англии и Германии «золотой мост». Для чего?

Эти страны двуличны до степени, при которой забывают, что такое подлость. Ради каких-то литовцев, эстонцев или поляков они не жертвуют ни единым своим солдатом, ни одной жизнью.

И если в будущем у России возникнет необходимость военным путем разобраться с Польшей или Литвой, то надо будет действовать решительно, скажем — бросить пару боеголовок на Варшаву, и западные юристы на основании нашего непризнания вхождения этих стран в НАТО, немедленно подтвердят, что — да, что действительно — Польша не член НАТО по законам и должна разбираться с Россией самостоятельно.

Вопрос этот рассмотрен в принципе, конечно, он не так прост, но все же это один из вариантов решения и, как мне видится, не самый плохой или бессмысленный.

Глава 2

ГЕНЕРАЛЫ

Дискуссия о причинах поражения Красной Армии в начале Великой Отечественной войны уходит в глубь военного дела. Думаю, что уместно будет поговорить о тех, кто заказывает оружие и готовит армию к войне, — о генералах. По отношению к ним у историков и в обществе сложились совершенно искаженные представления: по описаниям историков невозможно понять, кто является хорошим генералом, а кто лишь создает о себе такое впечатление, являясь на самом деле пустым местом.

Давайте для начала зададим себе чапаевский вопрос: где должен находиться командир, настоящий генерал-профессионал? Уверен, что подавляющее большинство историков определит ему место там, где обычно наших генералов и снимали фотокорреспонденты, — в штабе у топографических карт. У нас сложился стереотип, что если умный и грамотный генерал — то работает с картами, а если вроде Чапаева, безграмотный, — то тогда впереди, на лихом коне.

Во многом это идет от политработников, начиная от Фурманова. Они всегда у нас этикие интеллектуалы. Кроме того, они непосредственно не командуют войсками и уже в силу этого безделья чаще сидят во время боя в штабе, что правильно, — никому не мешают. А когда они в штабе, а командир где-то впереди, то выглядит это не совсем красиво, думаю, что и поэтому тоже у нас в обществе вла-

ствуется мысль, что грамотный генерал сидит за столом, окруженный телефонами, смотрит на карту и отдает распоряжения.

Вот, например, о маршале Кулике («железной маске» РККА) я встретил упоминания, причем пренебрежительные, всего у двух мемуаристов, и оба они политработники: Н.К. Попель и Д.Т. Шепилов. Думаю, что рабочее место у телефона и самим генералам не вопреки, чем плохо — сидеть в штабе и считаться грамотным полководцем? А в Генеральном штабе — так еще и великим.

Вот, к примеру, историк Зенькович описывает начальный период войны: с ее началом на Западный фронт были посланы маршалы Г.И. Кулик и Б.М. Шапошников: «Военачальники засели за карты и документы. Кулику такой род деятельности был в тягость, то ли дело живая организаторская работа в войсках. Узнав о готовящемся контрударе на Белостокском направлении, где находился заместитель Павлова генерал-лейтенант Болдин, маршал решил лично побывать там».

По тону этой цитаты легко понять, кого из маршалов Зенькович считает профессионалом, а кого — нет. Как видите, по его оценке Шапошников грамотный профессионал, а Кулик — глуповатый солдафон, который в картах не разбирается, поэтому и поехал в войска. (Попал вместе с ними в окружение и вышел из него пешком.)

Между тем топографическая карта — это лист бумаги с обозначенной условными знаками местностью. Генералу на нее имеет смысл смотреть только тогда, когда работники штаба на карту нанесли расположение своих войск и войск противника. Но Западный фронт с самого начала войны потерял всякую связь со своими войсками и его штаб ничего не знал ни о них, ни о противнике. Работникам штаба фронта нечего было нанести на карту, они не знали обстановки. И что же на этой карте рассматривал маршал Шапошников?

А Кулик, поскольку в штабе обстановка была неизвестна, уехал изучать ее на месте, т.к. настоящий военный профессионал изучает не карту, а местность, не донесения об обстановке, а непосредственно обстановку.

Вот где, к примеру, находился командующий второй танковой группой немцев Г. Гудериан утром 22 июня 1941 г.

«В 6 час. 50 мин. у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг. Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений вопреки моему указанию бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты».

* * *

Судя по дневникам Гальдера, он и Гитлер в начале войны с наибольшим уважением относились к маршалу С.К. Тимошенко. Кстати, и предавший Родину генерал Власов, давая немцам показания о качестве советского командования, также отметил Тимошенко как наиболее сильного полководца.

Генерал И.И. Федюнинский пишет в своих мемуарах, что маршал Тимошенко изучал обстановку не так, как «профессионал» Шапошников: «С.К. Тимошенко очень детально изучал местность перед нашим передним краем. Целую неделю мы с ним провели в полках первого эшелона. Ему хотелось все осмотреть самому. При этом он проявлял исключительное спокойствие и полное презрение к опасности.

Однажды гитлеровцы заметили наши автомашины, остановившиеся у опушки леса, и произвели артиллерийский налет. Я предложил маршалу Тимошенко спуститься в блиндаж, так как снаряды стали рваться довольно близко.

— Чего там по блиндажам лазить, — недовольно сказал он. — Ни черта оттуда не видно. Давайте останемся на опушке.

И он невозмутимо продолжал рассматривать в бинокль передний край обороны противника. Это не было рисовкой, желанием похвалиться храбростью. Нет, просто С.К. Тимошенко считал, что опасность не должна мешать работе.

— Стреляют? Что ж, на то и война, — говорил он, пожимая широкими плечами».

Надо сказать, что и у нас были генералы, которые, как и Гудериан, ясно представляли себе свои обязанности и то, где они должны находиться во время боя. Вот генерал А.В. Горбатов, осмысливая итоги своего блестящего, по моему мнению, рывка от реки Сож к Днепру в конце 1943 г., решившего вопрос освобождения Гомеля, пишет: «Я всегда предпочитал активные действия, но избегал безрезультатных потерь людей. Вот почему мы так тщательно изучали обстановку не только в своей полосе, но и в прилегающих к нам районах соседей; вот почему при каждом захвате плацдарма мы старались полностью использовать внезапность и одновременно с захватом предусматривали закрепление и удержание его; я всегда лично следил за ходом боя и, когда видел, что наступление не сулит успеха, не кричал: «Давай, давай!» — а приказывал переходить к обороне, используя, как правило, выгодную и сухую местность, имеющую хороший обзор и обстрел».

И еще: «Большую роль сыграло вошедшее у нас в правило личное наблюдение командиров дивизий за полем боя с приближенных к противнику НП; это и позволяло вводить резервы своевременно. Оправдал себя и такой

риск, как ввод в бой последней, резервной дивизии в той критической обстановке, когда на фронте в сто двадцать километров было так много больших разрывов».

Но в 1941 г. представление о том, где должен находиться генерал, было далеко не таким. Писатель А. Бек в декабре 1941 г. захронометрировал один день генерала А.П. Белобородова, командира 9-й гвардейской дивизии. Дивизия целый день вела неудачный наступательный бой, тем не менее, целый день Белобородов не выходил из здания, в котором располагался его штаб, командовал по картам и донесениям.

А маршал Г.К. Жуков даже после войны пояснял, что 33-ю армию, выполнявшую главную задачу фронта Жукова, под Вязьмой немцы окружили потому, что ему, Жукову, из штаба фронта не было видно — оставил генерал Ефремов силы для прикрытия своего прорыва к Вязьме или нет. (Генерал Ефремов вывел для прикрытия прорыва 9-ю гвардейскую дивизию, но Жуков ее забрал и отдал 43-й армии, так как ему из штаба фронта не было видно, зачем эта дивизия в это место идет. Немцы по этому пустому месту и ударили, причем сначала всего лишь силами батальона, отрезав 33-ю армию от фронта).

Но наши историки Жукова считают военным гением, а Тимошенко чуть ли не таким же глупым, как и Кулика.

* * *

В связи с тем, что я часто пишу о Г.И. Кулике как об умном полководце, меня спрашивают— если это так, то за что же Сталин его разжаловал? В плане этой главы вопрос этот уместен.

Напомним обстановку осени 1941 г.

8 сентября немцы прорвались к Ладожскому озеру. По одну сторону их прорыва был Ленинград с войсками Ленинградского фронта, по другую— 8 дивизий 54-й ар-

мии. 10 сентября в командование Ленинградским фронтом вступил Г.К.Жуков, а в командование 54-й армии — Г.И.Кулик. Им была поставлена задача — встречными ударами уничтожить немецкий прорыв и деблокировать Ленинград. 12 сентября Гитлер запретил фельдмаршалу Леебу брать Ленинград и приказал его только блокировать, а основными силами прорваться через войска маршала Кулика на Тихвин и дальше вокруг Ладоги на соединение с финнами. Таким образом Кулик прорывался к Ленинграду, одновременно отражая атаки основных сил Лееба, а Жуков, которого немцы после 12 сентября вообще не атаковали, организовать прорыв со стороны Ленинграда оказался неспособен.

Когда через месяц стало ясно, что блокаду не прорвать, Сталин забирает Жукова к себе на Западный фронт, а Кулика посылает представителем Ставки на самый юг. Под командование Кулика попадает и подчиняющаяся Ставке 56-я армия, штаб которой находился в Ростове на Дону, а сам город был в тылу Южного фронта. Кроме этого Г.И.Кулик отвечал за оборону всего побережья Азовского моря от Ростова и Черноморского побережья Кавказа. На тот момент в его распоряжении были только пограничники, так как Крым был еще наш. Но вот Манштейн громит в Крыму наши Приморскую и 51-ю армии, которые были под общим командованием заместителя наркома ВМФ вице-адмирала Левченко. Приморская армия отступает в Севастополь, а 51-я армия бежит в Керчь. Из Керчи стрелковые части практически неуправляемой 51-й сами переправляются через Керченский пролив и бегут дальше — на Кавказ. Немцы окружают Керчь и выходят на Тузлскую косу, перед ними узкий Керченский пролив, не имеющий обороны Таманский полуостров и... Кубань и Кавказ!

В ночь на 10 ноября Сталин по телефону дает Кулику приказ: «Помогите командованию 51-й армии не допустить противника форсировать Керченский пролив, овладеть

Таманским полуостровом и выйти на Северный Кавказ со стороны Крыма». Кулику дополнительно давалась одна горная дивизия и приказ выехать в Керчь.

Кулик выезжает в Керчь, на Таманском полуострове встречает стрелковые части 51-й армии, которые уже переправились через Керченский пролив и бегут. Останавливает их, разворачивает, назначает участки обороны на Таманском полуострове. Переправляется 12 ноября в Керчь и видит следующее.

Немцы вокруг Керчи захватили все высоты, чуть больше взвода немецких автоматчиков захватила крепость, разогнав защищавший ее батальон нашей морской пехоты. Город забит артиллерийскими и техническими частями, тылами и базами. Управление войсками утеряно, стрелковых подразделений для отбития у немцев высот практически нет, хотя Кулик и организывает такие попытки. Было очевидно, что как только немцы подтянут артиллерию, то уничтожат с высот наши войска так, что наши войска не смогут нанести немцам никаких ответных потерь.

13 ноября Кулику удается связаться с Москвой и передать в Генштаб обстановку. Кулик предлагает, пока не поздно, эвакуировать Керчь. Москва и не подтвердила Кулику оборону Керчи, и не разрешила эвакуацию.

Связь с Москвой пропала на несколько дней. Что должен был делать Кулик? Будь он карьеристом, а не солдатом, он бы ждал. А вдруг приказ на эвакуацию уже дан, но Москва не может довести его до Керчи? Ведь тогда Кулик своим ожиданием явился бы виновником бессмысленной смерти тысяч человек и дорогостоящей техники. И не только это. Уничтожив или заблокировав 51-ю армию в Керчи, немцы не имели практически никаких советских войск перед собой в Тамани. И Кулик, вопреки ранее полученному приказу Сталина, эвакуирует Керчь, спасая людей и, кстати, около 2 тыс. стволов артиллерии. Начинает организовывать оборону Таманского полуострова. 16 ноября

Шапошников передает наконец Кулику приказ Сталина: «Керчь держать до конца». Но Керчь уже сдана. Вернуть Керчь нечем и невозможно...

А в это время на его правом фланге 1-я танковая армия Клейста, прорвав Южный фронт выходит к Ростову. Кулик бросается в Ростов, в 56-ю армию. Командующий 56-й генерал Ремезов, которому не улыбается гибель Маршала Советского Союза в полосе его армии, жалуется в Генштаб Шапошникову: Немцы взяли Ростов, Кулик организует войска 56-й армии для его освобождения, но освободили Ростов без него.

Его отозвали в Москву. Государственный Комитет Обороны принял решение:

«3. Попытка т. Кулика оправдать самовольную сдачу Керчи необходимостью спасти находившиеся на Керченском полуострове вооружение и технику только подтверждают, что т. Кулик не ставил задачи обороны Керчи во что бы то ни стало, а сознательно шел на нарушение приказа Ставки и своим паникерским поведением облегчил врагу временный захват Керчи и Керченского полуострова.

...На основании всего сказанного, Государственный Комитет Обороны постановляет привлечь к суду маршала Кулика и передать его дело на рассмотрение прокурора СССР. Состав суда определить особо».

А прокурор СССР В. Бочков подписал обвинительное заключение с такими словами:

«В Керчь Маршал Кулик Г.И. прибыл днем 12 ноября, застав панику в городе и полное отсутствие руководства боевыми операциями и управления войсками. Вместо организации обороны и насаждения жесткой дисциплины в войсках, а также вместо упорядочения руководства и управления ими — он без ведома и разрешения Ставки отдал приказание об эвакуации войск в течение двух суток и оставлении Керчи и ее района противнику.

Это преступное распоряжение грубейшим образом нарушало приказ Ставки, для проведения которого в жизнь Маршал Кулик Г.И. и был послан».

Суд признал правоту прокурора, Кулик был лишен всех наград и звания Героя Советского Союза, понижен в звании до генерал-майора, но из партии не исключен.

* * *

На примере Г.И.Кулика удобно ответить на вопрос — где должен находиться полководец-профессионал? Где должен был находиться тот, кто дал команду защищать Керчь? В Москве или Керчи? Может, это была и правильная команда, но тот, кто ее дал, был обязан увидеть Керчь своими глазами, лично увидеть обстановку, чтобы ее оценить перед принятием решения, либо довериться тому, кто там командует.

Поэтому у немцев было правило — их генералы находились на передовой линии огня там, где происходил решающий бой. Так воевал Гудериан, фельдмаршал Роммель в Африке неделями не появлялся в штабе, переезжая или перелетая на самолете связи от одного места боя своей армии к другому. У нас, похоже, такого правила не было.

Кстати, и у немцев с этим были не все согласны. Гудериан в «Воспоминаниях солдата» писал:

«Значительно тяжелее было работать с новым начальником Генерального штаба генералом Беком... С Беком мне преимущественно и приходилось вести борьбу по вопросам формирования танковых дивизий и создания уставов для боевой подготовки бронетанковых войск...

Особенно был недоволен Бек уставными требованиями, что командиры всех степеней обязаны находиться впереди своих войск.

«Как же они будут руководить боем, — говорил он, — не имея ни стола с картами, ни телефона? Разве вы не читали Шлиффена?» То, что командир дивизии может выдви-

нуться вперед настолько, что будет находиться там, где его войска вступили в соприкосновение с противником, было свыше его понимания».

Чему тогда удивляться, что это было свыше понимания наших, начитавшихся Шлиффена, партийных идеологов и полководцев типа Жукова, свыше понимания большинства историков?..

Тут есть еще один момент. Есть наука стратегия – как выиграть войну. И есть тактика – как выиграть бой. У меня сложилось впечатление, что у нас, в среднем, как только генерал получает стол с картой и телефон, то он сразу становится стратегом и тактика ему уже не нужна. Это удел всяких там капитанов и майоров. Генерал уже не думает над тем, как выиграть бой, каким оружием это сделать, как подготовить и экипировать для боя солдат. Зачем ему это, раз он уже генерал?

Но, сидя в Москве, он пишет уставы и наставления, как вести бой, он заказывает оружие и экипировку для солдат. А потом получается, что вроде и оружие есть, и солдаты есть, а толку – нет.

У немцев, похоже, ни один генерал не мыслил себя не тактиком, они все были прежде всего тактиками, специалистами по победе в бою. Эту разницу следовало бы отметить и пояснить примерами, но сначала, все же, закончим с Г.И.Куликом.

Тут я должен перейти в область догадок на основе своего знания людей. Думаю, Г.И. Кулик был чрезвычайно самолюбивым человеком и припадки самолюбия его оглуляли.

Скажем, конструкторы В.Г. Грабин и А.Э. Нудельман отзывались очень высоко об уме и профессионализме Кулика, но вот, что рассказывал Нудельман. Любое совещание, хоть у военных, хоть у штатских, начинается с того, что опрашиваются все присутствующие по вопросу повестки, а затем ведущий совещание принимает решение – «подводит черту». А Кулик, возглавляя совещание, сначала объявлял всем свое решение, а потом предлагал посоветовать-

ся, т.е. это был «та еще штучка» — очень своевольный и самодушный человек. Он был честен, никогда свою вину не перекладывал на других, но и свою правоту отстаивал бескомпромиссно и не сообразуясь с уместностью.

Смотрите на развитие событий. «За оставление Керченского полуострова и Керчи» еще суровее был наказан вице-адмирал Г.И. Левченко. Суд приговорил его к 10 годам лагерей. Но Левченко признал свою вину. И что? Лагерь ему заменили разжалованием в капитаны первого ранга, а к 1944 г. он снова зам. наркома ВМФ и стал даже не вице-, а полным адмиралом.

Ведь для чего были все эти суды? В конечном итоге для того, чтобы 2 марта 1942 г. Верховный Главнокомандующий и нарком обороны мог подписать приказ с такими словами:

«...Кулик по прибытии 12 ноября 1941 года в г. Керчь, не только не принял на месте решительных мер против панических настроений командования крымских войск, но своим пораженческим поведением в Керчи только усилил панику и деморализацию в среде командования крымских войск.

...Верховный Суд 16 февраля 1942 г. приговорил лишить Кулика Г.И. званий Маршала и Героя Советского Союза, а также лишить его орденов Союза ССР и медали «XX лет РККА».

...Предупреждаю, что и впредь будут приниматься решительные меры в отношении тех командиров и начальников, невзирая на лица и заслуги в прошлом, которые не выполняют или недобросовестно выполняют приказы командования, проявляют трусость, деморализуют войска своими пораженческими настроениями и, будучи запуганы немцами, сеют панику и подрывают веру в нашу победу над немецкими захватчиками.

Настоящий приказ довести до военных советов Западного и Юго-Западного направлений, военных советов фронтов, армий и округов.

Народный комиссар обороны *И.В. Сталин*».

Нужен ли был такой приказ и нужна ли была такая жертва от Кулика? Думаю, что да.

Вот смотрите. Июль 1942 г., немцы рвутся к Сталинграду. В пересказе генерала Меллентина, вспоминает полковник немецкого Генштаба Г.Р. Динглер, служивший в это время в 3-й моторизованной дивизии немцев:

«Как правило, наши подвижные войска обходили узлы сопротивления противника, подавлением которых занималась шедшая следом пехота. 14-й танковый корпус без особого труда выполнил поставленную задачу, заняв оборонительные позиции фронтом на север. Однако в полосе 3-й моторизованной дивизии находилась одна высота и одна балка, где русские не прекращали сопротивления и в течение нескольких недель доставляли немало неприятностей немецким войскам.

Динглер указывает, что сперва этой высоте не придавали серьезного значения, полагая, что она будет занята, как только подтянется вся дивизия. Он говорит: «Если бы мы знали, сколько хлопот доставит нам эта самая высота и какие большие потери мы понесем из-за нее в последующие месяцы, мы бы атаковали более энергично».

...Балка удерживаемая русскими, находилась в тылу 3-й моторизованной дивизии. Она была длинной, узкой и глубокой; проходили недели, а ее все никак не удавалось захватить. Изложение Динглером боевых действий показывает, какой стойкостью отличается русский солдат в обороне:

«Все наши попытки подавить сопротивление русских в балке пока оставались тщетными. Балку бомбили пикирующие бомбардировщики, обстреливала артиллерия. Мы посылали в атаку все новые и новые подразделения, но они неизменно откатывались назад с тяжелыми потерями — настолько прочно русские зарылись в землю. Мы предполагали, что у них было примерно 400 человек. В обычных

условиях такой противник прекратил бы сопротивление после двухнедельных боев. В конце концов русские были полностью отрезаны от внешнего мира. Они не могли рассчитывать и на снабжение по воздуху, так как наша авиация в то время обладала полным превосходством.

...Балка мешала нам, словно бельмо на глазу, но нечего было и думать о том, чтобы заставить противника сдаться под угрозой голодной смерти. Нужно было что-то придумать».

Немцы, конечно, в конце концов придумали и взяли эту балку. Но: «Мы были поражены, когда, сосчитав убитых и пленных, обнаружили, что вместо 400 человек их оказалось около тысячи. Почти четыре недели эти люди питались травой и листьями, утоляя жажду ничтожным количеством воды из вырытой ими в земле глубокой ямы. Однако они не только не умерли с голоду, но еще и вели ожесточенные бои до самого конца».

А в это же время, и в этом же месте, но с другой стороны фронта, генерал В.И. Чуйков, проезжая на Сталинградский фронт мимо штаба нашей 21-й армии, вскользь отметил:

«Штаб 21-й армии был на колесах: вся связь, штабная обстановка, включая спальный гарнитур командарма Гордова, — все было на ходу, в автомобилях. Мне не понравилась такая подвижность. Во всем здесь чувствовалась неустойчивость на фронте, отсутствие упорства в бою. Казалось, будто за штабом армии кто-то гонится и, чтобы уйти от преследования, все, с командармом во главе, всегда готовы к движению» (командовал этой армией генерал В.Н. Гордов).

* * *

Чем Сталин должен был пресечь у своих генералов эту «готовность к движению»?

Вообще-то на эту тему можно порассуждать, но другого пути пресечь бегство своих войск, кроме показательных наказаний бегущих, — нет.

Левченко это понял, а Кулик — нет. Он писал и доказывал свою правоту в Керчи: 30 января 1942 г. он написал Сталину в одной из многих объяснительных:

«Если дающие эти показания и составители этого письма называют правильную мою оценку обстановки, а исходя с оценки обстановки и правильное мое решение паникерским, пораженческим и даже преступным, то я не виновен в том, что они не понимают самых элементарных познаний в военном деле. Нужно было бы им усвоить, что самое главное преступление делает командир, если он отдает войскам заведомо невыполнимый приказ, войска его выполнить не в силах, гибнут сами, а приказ так и остается невыполненным».

Правы, Вы, Григорий Иванович, правы, но помолчите об этом до Победы. Ведь каждое Ваше слово — это основание другим советским генералам сдать советский город с надеждой потом оправдаться.

Ведь Сталин начал восстанавливать Г.И. Кулика, как и Г.И. Левченко. Ему было присвоено звание генерал-лейтенанта, он получил в командование гвардейскую армию. Молчи и воюй! Но Кулик не молчит, и Шепилов доносами вместе с Жуковым его снова легко валят. Ну теперь-то уж хоть помолчи!

Но Кулик клятый. 18 апреля 1945 г. Председатель КПК Шкирятов предъявляет ему уже партийное обвинение: «Ведет с отдельными лицами недостойные разговоры, заключающиеся в восхвалении офицерского состава царской армии, плохом политическом воспитании советских офицеров, неправильной расстановке кадров высшего состава армии».

Думаю, что насчет «неправильной расстановки» Кулик мог говорить о том, что если бы в Ленинграде не было Жукова, то блокада бы его была прорвана еще осенью 1941 г., если бы в Крыму и на Кавказе не было генералов И.Е.Петрова и Г.Ф.Захарова, то Крым бы не сдали и

т.д. Доносы на Кулика Сталину и в КПК написали генералы И.Е. Петров и Г.Ф. Захаров. Кулика исключили из партии и вновь понизили в звании до генерал-майора.

(И ведь Жуков, Захаров, Петров тоже правы — как им посылать на смерть людей, если Кулик утверждает, что они бездарны?)

После войны он служил в Приволжском военном округе замом командующего генерал-полковника В.Н. Гордова, тоже обиженного назначением в такой непрестижный округ. Круг говорящих и темы расширялись, теперь уже говорили о том, что колхозники ненавидят Сталина, что Сталин и года не удержится у власти, что Жуков в этом плане не оправдывает надежд генералов и т.д. Короче, в 1950 г. Кулик был приговорен к высшей мере наказания, вместе с Гордовым и некоторыми другими любителями прощупывать почву в генеральской среде на предмет объединения недовольных.

Так и закончил свою жизнь, на мой взгляд, очень и очень неординарный Маршал Советского Союза. Трагическая и непростая история, но это наша история, и ее надо бы знать, поскольку и на ней можно многому научиться.

* * *

Но вернемся к генералам и тактике — к искусству и науке выигрывать бой.

Раньше мне уже приходилось писать, что, возможно, важнейшей субъективной причиной поражений Красной Армии в начальном периоде Великой Отечественной войны было то, что наши генералы (в сумме) готовились к прошлой войне, а не к той, в которой им пришлось реально воевать.

Но этот вопрос можно поставить еще более определенно и более актуально: а готовились ли они к войне вообще? Делали ли они в мирное время то, что нужно для

победы в будущей войне, или только то, что позволяло им делать карьеру? Прочитав довольно много мемуаров наших полководцев, я не могу отделаться от чувства, что они, по сути, были больше профессионалами борьбы за должности и кабинеты и только во вторую очередь — военными профессионалами. Остается чувство, что их военное дело интересовало не как способ самовыражения, способ достижения творческих побед, а как способ заработка на жизнь. Это видно не только по мемуарам, а и по тому, как была подготовлена Красная Армия к войне.

В войне побеждает та армия, которая уничтожит наибольшее количество солдат противника. Их уничтожают не генералы и не офицеры, а солдаты, в чью боевую задачу входит непосредственное действие оружием.

И у профессионалов военного дела, как и у профессионалов любого иного дела, голова болит, прежде всего, о том, насколько эффективны их солдаты, их работники. Все ли у них есть для работы, удобно ли им работать? Бессмысленно чертить стрелки на картах, если солдаты неспособны достать противника оружием. А, глядя на тот период, складывается впечатление, что у нас до войны об этом думали в среднем постольку-поскольку, если вообще думали. Похоже, считалось, что главное — чтобы солдат был идейно подготовлен, а то, что он не умеет или не имеет возможности убить противника, оставалось в стороне.

Немцы исключительное внимание уделяли конечному результату боя и тому, кто его обеспечивает — солдату, у немецких генералов голова об этом болела постоянно, и это не могло не сказываться на результатах сражений начала войны.

Когда читаешь, скажем, о немецкой пехоте, то поражает — насколько еще в мирное время немецкие генералы продумывали каждую, казалось бы, мелочь индивидуального и группового оснащения солдат. И дело даже не в механизации армии, механизация — это только следствие вдумчивого отношения немецких генералов к военному делу.

К примеру, у нас до конца войны на касках солдат не было ни чехлов, ни сеток для маскировки, и они отсвечивали, демаскируя бойцов. А у немцев не то что чехлы или резиновые пояски на касках — по всей полевой одежде были нашиты петельки для крепления веток и травы. Они первые ввели камуфляж и разгрузочные жилеты. В походе немецкий пехотинец нес ранец, а в бою менял его на легкий штурмовой комплект — плащ и котелок с НЗ. Основное оружие — обычная, неавтоматическая винтовка, поскольку только она дает наивысшую точность стрельбы на расстояниях реального боя (400-500 м). У тех, для кого непосредственное уничтожение противника не являлось основным делом, скажем, у командиров, на вооружении были автоматы (пистолеты-пулеметы). Но немецкий автомат, по сравнению с нашим, имел низкую скорострельность, чтобы обеспечить высокую точность попадания при стрельбе с рук. (У нашего автомата ППШ темп стрельбы — 1000 выстрелов в минуту, а у немецкого МП-40 всего 350.) А вот у немецкого пулемета, из которого стреляют с сошек или со станка, темп стрельбы был вдвое выше, чем темп стрельбы наших пулеметов: от 800 у МГ-34 до 1200—1500 выстрелов в минуту у немецкого пулемета МГ-42 против 600 выстрелов в минуту нашего ручного пулемета Дегтярева и станкового пулемета Максима.

В немецком пехотном отделении не было пулеметчика — владеть пулеметом обязан был каждый. Но вручался пулемет самому лучшему стрелку. При постановке на станок на пулемет ставился оптический прицел, с которым дальность стрельбы доходила до 2000 м. Наши пулеметы тоже могли забросить пулю на это расстояние, но кого ты невооруженным глазом на такой дальности увидишь и как по нему прицелишься? Бинокли, кстати, в немецкой армии имели очень многие, он полагался уже командиру немецкого пехотного отделения. Кто хоть однажды в жаркий день пил воду из горлышка нашей солдатской алюми-

ниевой фляги в брезентовом чехле, тот помнит отвратительный, отдающий алюминием вкус перегретой жидкости. У немцев фляги были в войлочных чехлах со стаканчиком, войлок предохранял воду от перегрева. И так во всем — вроде мелочи, но когда они собраны воедино, то возникает совершенно новое качество, которое заставляет с уважением относиться к тем, кто продумывал и создавал армию противников наших отцов и дедов.

Скажем, у командира немецкого пехотного батальона в его маленьком штабе был солдат-топограф, непрерывно определявший координаты объектов на местности и специальный офицер для связи с артиллерией. Это позволяло немецкому батальону в считанные минуты вызвать точный огонь полковой и дивизионной артиллерии на сильного противника. В немецкой гаубичной батарее дивизионного артполка непосредственно обслуживали все 4 легкие гаубицы 24 человека. А всего в батарее было 4 офицера, 30 унтер-офицеров и 137 солдат. Все они — разведчики, телефонисты, радисты и т.д. обеспечивали, чтобы снаряды этих 4-х гаубиц падали точно в цель и сразу же, как только цель появилась на местности. Стреляют ведь не пушки, стреляют батареи. Немецкие генералы не представляли бой своей пехоты без непрерывной ее поддержки всей артиллерией.

(Надо сказать, что и у нас кое-где было нечто похожее, но к 1943 г. генерал А.В. Горбатов вспоминает о боях за Гомель: «Вообще артиллеристы потрудились хорошо. Они расчищали огнем дорогу пехоте как при прорыве обороны противника, так и в ходе всего наступления. Квалифицированные офицеры-артиллеристы, как правило, были при батальонах; благодаря этому удавалось поражать цели с минимальным расходом боеприпасов».)

И возникает вопрос: а чем же занимались наши генералы, наши славные теоретики до войны? Ведь речь в подавляющем большинстве случаев идет о том, что до войны можно было дешево и элементарно сделать.

Кстати о теориях. В литературе часто встречается, что до войны у нас были гениальные военные теоретики, которые разработали гениальные военные теории. Но как-то не упоминается о том, что за теории в своих кабинетах разрабатывали эти военные теоретики и кому, в ходе какой войны, онигодились.

А на совещании высшего руководящего состава РККА в декабре 1940 г., в частности, вскрылось, что в ходе советско-финской войны войска были вынуждены выбросить все наставления и боевые уставы, разработанные в московских кабинетах теоретиками. Выяснилось, что если действовать по этим теориям, то у наступающей дивизии практически нет солдат, которых можно послать в атаку. Одни, по мудрым теориям, должны охранять, другие отвлекать, третьи выжидать и т.д. Все вроде при деле, а атаковать некому. Дело доходило до того, что пулеметы сдавали в обоз, а пулеметчикам давали винтовки, чтобы пополнить стрелковые цепи. Такие были теории...

Командовавший в советско-финской войне 7-й армией генерал К.А. Мерецков докладывал на этом совещании:

«Наш опыт войны на Карело-финском фронте говорит о том, что нам немедленно надо пересмотреть основы вождения войск в бою и операции. Опыт боев на Карело-финском театре показал, что наши уставы, дающие основные направления по вождению войск, не отвечают требованиям современной войны. В них много ошибочных утверждений, которые вводят в заблуждение командный состав. На войне не руководствовались основными положениями наших уставов потому, что они не отвечали требованиям войны.

Главный порок наших боевых порядков заключается в том, что две трети наших войск находится или в сковывающих группах, или разорваны.

Переходя к конкретному рассмотрению боевых порядков, необходимо отметить следующее.

При наступлении, когда наша дивизия готовится к активным действиям в составе корпуса, ведущего бой на главном направлении, идут в атаку 16 взводов, причем из них только 8 ударных, а 8 имеют задачу сковывающей группы. Следовательно, в ударной группе имеется только 320 бойцов, не считая минометчиков. Если допустить, что и ударная и сковывающая группы идут одновременно в атаку, то атакующих будет 640 бойцов. Надо признать, что для 17-тысячной дивизии такое количество атакующих бойцов слишком мало.

По нашим уставам часть подразделений, расположенных в глубине, предназначены для развития удара. Они распределяются так: вторые эшелоны стрелковых рот имеют 320 бойцов, вторые эшелоны стрелковых батальонов — 516 бойцов, вторые эшелоны стрелковых полков — 762 бойца и вторые эшелоны стрелковых дивизий — 1140 бойцов. В итоге получается, что в атаку на передний край выходят 640 бойцов и для развития успеха в тылу находятся 2740 бойцов...

Крайне неудачно построение боевых порядков. Начальствующему составу прививаются неправильные взгляды на характер действия сковывающих групп, наличие которых в атаке действующих частей первой линии создает видимость численного превосходства в силах, тогда как на самом деле в атаке принимает участие только незначительная часть войск. На войне это привело к тому, что в боях на Халхин-Голе немедленно потребовали увеличения численности пехоты, считая, что в дивизии некому атаковать.

На войне на Карельском перешейке вначале командующие 7-й и 13-й армиями издавали свои инструкции, а когда появился командующий фронтом, он дал свои указания, как более правильно, на основе опыта и прошлой

войны, и текущей войны, построить боевые порядки для того, чтобы повести их в атаку.

По нашим предварительным выводам, отмена по существу установленных нашими уставами боевых порядков во время атаки линии Маннергейма сразу же дала большие успехи и меньшие потери».

. . .

Рассмотрим еще кое-какие теоретические находки наших генералов, к примеру, требования наших тогдашних уставов, чтобы солдаты в обороне рыли не траншеи, а ячейки. В кабинете теоретика это требование выглядит блестяще. Ячейка — это круглая яма в рост человека. Боец в ней защищен от осколков землей со всех сторон. А в траншее он с двух сторон защищен плохо. Вот эти ячейки и ввели в Устав, запретив рыть траншеи. Под Москвой Рокоссовский залез в такую ячейку и переждал в ней артилет. Понял, что в ячейке солдат одинок, он не видит товарищей, раненому, ему невозможно помочь, командир не может дать ему команду. Рокоссовский распорядился вопреки уставам рыть траншеи. А до войны сесть в эту ячейку и представить себе бой было некому? От теорий некогда было отвлечься?

И ведь таких мелочей было тысячи! И из них слагались наши поражения и потери.

Рассказывал ветеран танкового сражения под Прохоровкой на Курской дуге 1943 г. В этом месте 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова контратаковала атакующий 3-й танковый корпус немцев. Считается, что в этом сражении участвовало 1200 танков и немцы потеряли здесь 400 танков. Но когда после сражения к месту боя приехал Жуков, то он сначала собрался отдать Ротмистрова и остальных под суд, поскольку на полях сражения не было подбитых немецких танков — горели только сотни совет-

ских танков, в основном полученных по ленд-лизу американских и английских машин. Но вскоре выяснилось, что немцы начали отступать, то есть победили мы, и под суд никого не отдали и начали радоваться победе. Вопрос: а куда же делись немецкие подбитые танки? А немцы их за ночь все вытащили с поля боя и направили в ремонт. У нас таких мощных ремонтных служб не было: мы строили новые танки, а немцы обходились отремонтированными. Спасали они не только танки — в немецком танковом батальоне врач имел персональный танк, чтобы оказывать танкистам немедленную помощь прямо на поле боя.

А вот выписка из журнала боевых действий 16 танкового полка, 109 мотострелковой дивизии РККА, потерявшего все свои танки в ходе контрудара в районе Сенно-Лопель: «За период с 2.07 по 19.07.41 г. Отряд 109 мсд прошел 500 км... из 113 танков боевые потери — 12, остальные вышли из строя по техническим причинам».

Но раз мы могли построить танки, значит, могли их и отремонтировать, в том числе и в полевых условиях, и так же быстро, как и немцы. Почему же мы танки бросали? Видимо, до войны из Москвы нашим генералам эта проблема не была видна, как и Мерецкову, который ничего не имел против полевых уставов, пока не начал по ним воевать.

Кстати, чтобы закончить о рассказе этого ветерана о сражении под Прохоровкой. Он был командир танка в этом сражении. Развернувшись в атаку против немцев, их рота в дыму и пыли потеряла ориентировку и открыла огонь по тем танкам, которые ей встретились. Те, естественно, открыли огонь по роте. Вскоре вышестоящий штаб выяснил, что они стреляют по своим. Но радиостанция во всей роте была только в танке этого ветерана. Он вынужден был вылезти из танка и под огнем бегать с лопатой от машины к машине, стучать ею по броне, передавая выглядывающим танкистам приказ прекратить огонь. Такая была связь, такое было управление.

А мы по-прежнему гордимся: наши пушки могли стрелять дальше всех! Это, конечно, хорошо, да только интереснее другой вопрос: как часто они попадали туда, куда надо? Мы гордимся — наш танк Т-34 был самым подвижным на поле боя! Это хорошо, да есть вопрос: а он часто знал, куда двигаться и куда он двигается?

А основатель немецких танковых войск Г. Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата» писал о 1933—1935 гг.:

«Много времени потребовалось также и на то, чтобы наладить производство радиоаппаратуры и оптики для танков. Однако я не раскаивался, что в тот период твердо настаивал на выполнении своих требований: танки должны обеспечивать хорошее наблюдение и быть удобными для управления. Что касается управления танком, то мы в этом отношении всегда превосходили своих противников; ряд имевшихся не очень существенных недостатков мы смогли исправить в дальнейшем».

Немцы абсолютно ясно представляли себе, что такое единоначалие и чем оно достигается. Э. Манштейн об единоначалии немецкой армии написал так: «Самостоятельность, не представлявшаяся в такой степени командирам никакой другой армии — вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты, — вот в чем состоял секрет успеха».

Заботились немцы не только о, так сказать, деловом оснащении своих солдат, но и о моральном, причем, без партполитбесед. Скажем, о каждом случае геройства, о наградах, о присвоении званий сведения посылались не в какие-то армейские газеты, а в газеты в города на родину героя, чтобы его родные и друзья им гордились. А такой контроль тех, за кого солдат воюет, значил много. Помимо орденов, были значки, которыми отмечались менее значительные подвиги, скажем, участие в атаке. В нашей армии офицеры имели специальные продовольственные пайки, полковники — личных поваров, генералы возили с собой спальные гарнитуры и даже жен. В немецких дивизиях не

только офицеры, но и генералы ели из одного и того же солдатского котла. И это тоже делало немцев сильней.

Упомянутый Манштейн в своих мемуарах даже пожаловался на такой демократизм, правда, вскользь. Описывая быт штаба командующего группой армий Рундштедта, он сетует: «... наш комендант штаба, хотя он и служил раньше в мюнхенской пивной «Левенброй», не проявлял стремления избаловать нас. Естественно, что мы, как и все солдаты, получали армейское снабжение. По поводу солдатского супа из полевой кухни ничего плохого нельзя было сказать. Но то, что мы изо дня в день на ужин получали только солдатский хлеб и жесткую копченую колбасу, жевать которую старшим из нас было довольно трудно, вероятно, не было абсолютно необходимо».

* * *

Если подытожить сказанное, то можно утверждать, что немецкое командование было гораздо ближе к тому, кто делает победу — к солдату, к бою. Это звучит странно, но это, похоже, так. Причем, идеология играла, и это точно, второстепенное значение. На первом месте была тактика, военный профессионализм — понимание, что без сильного солдата бесполезен любой талантливый генерал. Без выигранного боя бесполезен стратег. Мы за непонимание этого платили кровью.

Сделали ли мы на опыте той войны какие-либо выводы для себя в этом вопросе? Глядя на сегодняшнюю армию, можно сказать твердо — никаких!..

Глава 3

ТВОРЧЕСТВО СОЛДАТА

Творчество— это деятельность человека, порождающая качественно новые решения. Добавим— полезные людям. А то ведь, скажем, кто-либо прилюдно помочится в штаны — поступок качественно новый, но кому это надо?

Поскольку у нас в СМИ главенствующее место имеют комедианты, то в головы людей вбивается, что творчество присуще только комедиантам, в крайнем случае — ученым. И вот какой-нибудь комедиант, который всю жизнь на сцене говорил «кушать подано» с ударением на втором слове, вдруг скажет ту же мысль с ударением на первом — и мы обречены годами любоваться его физиономией на экране с его рассказами об этом «творчестве».

Между тем вряд ли есть творчество выше творчества борца вообще и творчества солдата (в общем смысле слова), в частности.

Ведь комедианту на сцене в его творчестве помогают все — от режиссера до осветителя. А генералу, офицеру, солдату, в принятии тех единственно правильных, нужных людям решений, мешает противник, мешает всей силой своего интеллекта и профессионализма. Генерал, в отличие от комедианта, не может свое решение опробовать на репетициях, найти нужное решение порою нужно за считанные секунды, последствия ошибок— ужасны. Порою таковы, что для ошибшегося генерала с совестью наказанием за ошибку является уже не смерть, а жизнь — так тяжело на совесть ложится эта ошибка.

Между прочим, это мало кто понимает из писателей, возможно, потому, что писатели не способны понять смысла действий офицера и, как следствие, не способны его описать. Я, к примеру, считаю, что только писатель В. Карпов оказался способным показать творчество генерала в своей книге «Полководец», да А. Бек в «Волоколамском шоссе». А большинство писателей написать роман о войне, без любовной интриги главного героя, просто не способны.

* * *

Но возвращаясь к творчеству. Герой Советского Союза В. Карпов отлично описал примеры полководческого творчества генерала И.Е. Петрова в книге «Полководец». Перескажу один.

В чем суть проблемы, потребовавшей от И.Е. Петрова творческого решения? К концу обороны окруженной Одессы требовалось эвакуировать оттуда наши войска в Севастополь. Эвакуировать можно было только морем.

Представьте на бумаге точку на линии — это Одесский порт и берег Черного моря. Обведите полукруг вокруг точки — это наши, обороняющие Одессу войска. Как их вывезти, чтобы немцы и румыны на их плечах не ворвались в порт и не утопили всех прямо в порту? В одну ночь погрузить всю Приморскую армию на суда невозможно, да и ночь является спасением до тех пор, пока противник не поймет, что наши войска эвакуируются.

Можно было бы эвакуироваться по частям — в одну ночь одну часть дивизий, в другую ночь другую часть дивизий и т.д. Но при этом большой полукруг обороны уже нельзя было бы удержать, надо было оставшимся войскам отступить и защищать оборону ближе к порту. Но ведь противник не дурак, он бы понял, что Одесса эвакуируется и, кроме этого, чем ближе к порту, тем удобнее ему обстреливать суда в порту своей артиллерией. То есть оставшаяся часть войск была обречена на уничтожение.

Можно было эвакуироваться, как англичане в 1940 г. эвакуировались из французского Дюнкерка на Острова. Все английские граждане, имевшие хоть какие-то суда, по призыву правительства приплыли на пляж у Дюнкерка, английский экспедиционный корпус в одни сутки примчался на этот пляж, бросил все оружие, танки, технику (одних боеприпасов 70 тыс. тонн), сел на эти суда и с 20%-ными потерями добрался до родины.

Генерал Иван Ефимович Петров, командовавший Приморской армией и обороной Одессы, сделал так. В течение ряда ночей из Одессы эвакуировались все подразделения и техника, которые непосредственно на переднем крае не участвовали в обороне Одессы. Были выведены даже маневровые паровозы из порта. В последнюю ночь в порт зашли суда и пришвартовались в заранее определенных местах. Строго по временному графику, без шума, батальоны и батареи стали покидать передний край, а вместо них у редко расставленных пулеметов остались одесские подпольщики и комсомольцы, которые всю ночь постреливали. Чтобы не было путаницы, для каждого батальона мелом по земле была просыпана дорожка до самых судовых трапов. К утру судов не было видно даже на горизонте, а немцы и румыны еще долго не могли понять, что произошло во вдруг утихшей Одессе? По-моему до сих пор нет аналога столь блестяще проведенной операции по эвакуации целой армии.

Второй пример творчества я хотел бы привести из воспоминаний К.К. Рокоссовского.

Кстати, он написал книгу в очень интересной манере. С одной стороны она почти научна, в ней очень много обобщений опыта войны и мыслей о войне. Если у Жукова в мемуарах сплошной надрыв и его личный героизм и гений, то у Рокоссовского книга очень спокойна, в ней нет истерики даже в описании тяжелейших моментов (а Рокоссовский ведь сражался от выстрела до выстрела, под Москвой был тяжело ранен). У него все всегда нормаль-

но. Да, положение тяжелое, но ведь он солдат — чего кричать, дело обычное, привычное. И все прекрасно — подчиненные прекрасные, население встречало прекрасно, и т.д. Практически ни о ком нет ни единого плохого слова. Но...

Но он дает много фактов, как бы говоря читателю: «Кто потрудился их понять, тому и без моих слов все станет ясно».

К примеру, Рокоссовский вводит нас в курс дела:

«В середине января по решению Ставки Верховного Главнокомандования на разных участках советско-германского фронта было предпринято новое наступление. Войска Западного фронта тоже продолжали наступательные действия. И мы в них участвовали, но теперь уже не на правом, а на левом крыле фронта. 10-я армия, которой командовал генерал Ф.И. Голиков, переживала тяжелые дни. Немцы не только остановили ее, но, подбросив силы на жиздринском направлении, овладели Сухиничами — крупным железнодорожным узлом. Пути подвоза войскам левого крыла фронта, выдвинувшегося далеко вперед, в район Кирова, были перерезаны.

Управление и штаб 16-й армии получили приказ перейти в район Сухиничей, принять в подчинение действующие там соединения и восстановить положение.

Передав свой участок и войска соседям, мы двинулись походным порядком к новому месту. М.С. Калинин повел нашу штабную колонну в Калугу, а мы с А.А. Лобачевым заехали на командный пункт фронта.

Здесь нас принял начальник штаба В.Д. Соколовский, а затем и сам командующий.

Г.К. Жуков ознакомил с обстановкой, сложившейся на левом крыле. Он предупредил, что рассчитывать нам на дополнительные силы, кроме тех, что примем на месте, не придется.

— Надеюсь, — сказал командующий, — что вы и этими силами сумеете разделаться с противником и вскоре донесете мне об освобождении Сухиничей.

Что ж, я принял эти слова Георгия Константиновича как похвалу в наш адрес ...

От Ф.И. Голикова 16-й армии передавались 322, 323, 324 и 328-я стрелковые дивизии и одна танковая бригада вместе с участком фронта протяженностью 60 километров. Из наших старых соединений, с которыми мы сроднились в боях под Москвой, получили только 11-ю гвардейскую».

И дальше у Рокоссовского все прекрасно; командующие соседними армиями оказались однофамильцы Поповы — очень хорошо и т.д.

Но оцените суть приказа Жукова. По нормам той войны, полнокровной стрелковой дивизии в наступление давался участок фронта в 1,5-3 км. С теми силами, что Жуков выделил Рокоссовскому для этого наступления, участок фронта у него должен был бы быть максимум 15 км, а не 60! Более того, дивизия в обороне должна была занимать участок фронта в 6—14 км, т.е. наличных сил даже для обороны едва хватало. Но Рокоссовский истерики не устраивает и не требует дать ему резервы:

«Поставленная фронтом задача не соответствовала силам и средствам, имевшимся в нашем распоряжении. Но это было частым тогда явлением, мы привыкли к нему и начали готовиться к операции...»

В Сухиничах укрепились вновь прибывшая из Франции пехотная дивизия под командованием немецкого генерала фон Гильса, и плевать она хотела на те 4 дивизии, которые Жуков вручил Рокоссовскому. Ведь эти дивизии участвовали в наступлении зимы 1941 г., прошли с боями более 300 км и именно их немцы погнали обратно и выбили из Сухиничей. В этих дивизиях почти не было людей.

Немцы сидели в теплых домах, блиндажи и огневые точки у них были в теплых подвалах— чего им было бояться русских, наступающих по голым промерзшим полям, русских, которых они только что разгромили?

И Рокоссовский делает следующее. Он «покупает» немцев на их техническом превосходстве над нами. У немцев

ведь была мощная радиосвязь и, в том числе, в каждой дивизии — рота радиоразведки. Рокоссовский приказал, чтобы переезжавшая к фронту колонна его штаба вела открытые переговоры так, как будто к Сухиничам передислоцируется не штаб 16-й армии, а вся 16-я армия, все ее дивизии. По довоенным нормам в общевойсковой армии РККА полагалось иметь 12—15 дивизий. Для одной немецкой дивизии силы все же несоизмеримые. И когда артиллеристы Рокоссовского стали пристреливаться по целям в Сухиничах, а его жалкие войска стали обозначать свое присутствие на исходных позициях, немцы не выдержали и ночью прорвались из города, не дожидаясь штурма.

Чтобы немцы не очухались и снова не взяли Сухиничи, а они впоследствии непрерывно делали такие попытки, Рокоссовский немедленно переместил туда свой штаб.

«Везде следы поспешного бегства. Улицы и дворы захламлены, много брошенной немцами техники и разного имущества. Во дворе, где размещался сам фон Гильс, стояла прекрасная легковая автомашина. В полной исправности, и никаких «сюрпризов». Вообще в городе мы нигде не обнаружили мин. Вряд ли можно было поверить, что гитлеровцы пожалели город. Они просто бежали без оглядки, спасая свою шкуру. Им было не до минирования».

И конечно:

«В Сухиничах штаб и управление устроились прекрасно ... Гражданское население относилось к нам прекрасно».

* * *

Давайте скажем пару слов о принципах действия полководца, ведущих к победе. Шаблонов у полководцев не бывает, как и у любого человека, отвечающего перед Делом. Но есть несколько проверенных способов победы, против которых, образно говоря, как против лома — нет приема.

Оборона и наступление. Опыт показывает, что если противоборствующая сторона подготовила себе оборону (отрыла окопы, укрытия, пристрелялась, поставила мины и т.д.) и заняла ее, то даже грамотный и сильный атакующий противник будет иметь в 3 раза больше потерь, чем обороняющийся. И сил для наступления ему надо в 3 раза больше, а порою — значительно больше.

Это надо знать, чтобы понять, к примеру почему немецкий генерал Гильс бросил Сухиничи. Четыре наши ослабленные дивизии против его полнокровной дивизии, сидевшей в обороне, составляли всего 1,5-2-кратный перевес — пустяки. Но вся 16-я армия Рокоссовского, как Гильс ее себе представлял, составляла, как минимум, 5-6-кратный перевес. Согласно военной науке его дивизия подлежала окружению и полному уничтожению, поэтому он ее и отвел.

Окружение. Так как в наступлении потери втрое выше, чем при обороне, то наступающий полководец стремится сделать следующее. Он прорывает оборону на двух узких участках фронта (т.е. — несет большие потери только в этих местах), а затем вводит свои войска за спину противника (там где у него нет войск) и создает для него сплошное кольцо своей собственной обороной.

Окруженному противнику перерезаются пути снабжения, ему надо обязательно соединиться со своими войсками, а для этого надо атаковать. Поэтому тот полководец, кто окружает, не только резко ослабляет своего противника, но и превращает его из обороняющегося в атакующего, заставляет его нести большие потери на прорыве окружения.

Эти обстоятельства часто приводят к тому, что окруженный сдается, тогда «чистая» победа. Тогда по итогам безвозвратные потери того, кто окружил, в десятки раз меньше безвозвратных потерь того, чьи войска попали в окружение.

Но окруженный не всегда сдается. Примеры из той войны — Ленинград, Севастополь, немцы в демьянском котле, сидевшие сначала в полном окружении, а потом — в неполном более года. В таких случаях окруженный противник начинает сковывать свои войска (не давать воевать в другом месте), тогда он становится проблемой, порой нерешаемой (Ленинград, немцы в демьянском котле) или труднорешаемой (Сталинград).

Удары по флангам и тылам. Основой сухопутных войск является пехота (танковые войска следует рассматривать так, как их рассматривали немцы — очень хорошо вооруженной и очень подвижной пехотой). Если мы возьмем соединение пехоты — дивизию, то окажется, что в ней тех, кто непосредственно уничтожает врага лицом к лицу (стрелков, пулеметчиков, танкистов и т.д.), очень немного. Скажем, до войны полностью укомплектованная людьми стрелковая дивизия РККА должна была состоять из 17 тыс. человек, но тех, кто непосредственно ведет уничтожение врага, тех, кто именно для этого обучен и вооружен, в ней должно было быть чуть более 3 тыс. То же и в немецкой дивизии. Но эти 3 тыс. без остальных 14 тыс. воевать не могут. Скажем, если непрерывно не подавать войскам сотни тонн боеприпасов и горючего, то вся артиллерия и танки — не более чем груда металла. Это не оружие.

Вот эти 14 тыс. солдат дивизии должны всегда стоять за спиной 3 тыс. стрелков, поскольку сами они либо вообще не бойцы (шоферы, связисты, снабженческие службы), либо не бойцы без прикрытия стрелков (артиллерия, саперы).

Смысл удара в тыл и фланг — это обойти стрелков и нанести удар по многочисленной, но слабой части соединений противника, оставив этим его стрелков без боевого обеспечения, а потом расправиться с ослабленными стрелками. В общем заход во фланг и тыл — это предвестник окружения, но и без него такие удары вызывают у противника большие потери при относительно небольших своих.

В конечном итоге все способы боев, применяемые солдатами-творцами сводятся к принципу: заставь противника атаковать там, где ты силен, и атакуй его сам там, где он слаб. Если так делать, то его безвозвратные потери намного превысят твои и он потерпит поражение.

* * *

Но, конечно, отступление — самое тяжелое дело на войне — считают многие специалисты. Почему?

Пока войска находятся в обороне, они способны отбить атаки втрое превосходящего по силе врага. Они в окопах, в дотах и дзотах, перед ними минные поля и колючая проволока. Чтобы отступить им нужно бросить окопы и собраться в колонны. Противник может в промежутках между этими колоннами рвануться вперед и, если он более подвижный, чем свои войска, опередив отходящих, занять окопы и укрепления их нового рубежа обороны. А затем громить их спереди и сзади в чистом поле. Успешно отвести войска — это большое искусство и командиров, и штабов. Например, когда Юго-Западный фронт в начале войны попробовал отвести войска от границы на рубеж укрепленных районов (УР) старой границы, то 1-я танковая группа немцев элементарно опередила наши войска и захватила УРы и Житомир за ними. Пришлось занимать оборону в укрепленных районах непосредственно под Киевом. (Эти УРы были построены еще в 30-х годах.)

Маршал Баграмян об отступлении пишет:

«С военной точки зрения, отступление — сложнейший маневр. Надо суметь перехитрить противника, из-под самого его носа вывести войска с минимальными потерями, чтобы сохранить, а в дальнейшем накопить силы для нового удара. И все это в условиях, когда инициатива находится в руках врага, когда трудно определить, где он готовит очередной удар, где собирается устроить тебе ловушку».

И в 1941 г. труд этого тяжелейшего маневра взяли на себя «старые» маршалы: Ворошилов, Буденный, Кулик, Тимошенко. Но кто из историков оценил этот труд? Сейчас этих маршалов считают чуть ли не идиотами, да и в мое время, надо сказать, они были в тени. Я и в юности, к примеру, очень мало слышал о Тимошенко, а ведь он, кавалер ордена «Победа» и орденов Суворова I степени у него было больше, чем у остальных кавалеров этого ордена. Все, как сговорились, пишут, что в Ленинграде талантливый Жуков сменил неспособного Ворошилова. И, как один, забывают упомянуть, что Жуков сменил раненного в бою Ворошилова.

Между тем Ворошилову досталась тяжелейшая задача. Он должен был не дать немцам разгромить войска Северо-западного направления. А Гитлер считал их разгром обязательным условием наступления на Москву. В своей директиве №21 «План "Барбаросса"» А.Гитлер приказывал:

«Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее нее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих задач одновременно».

Но разгромить советские войска, управляемые К.Е. Ворошиловым, группа армий «Север» не смогла, — и не потому, что он их отводил слишком быстро. Ворошилов дрался и упорно, и умело.

Генерал-полковник Гот, командовавший в 1941 г. 3-й танковой группой немцев, после войны написал для создаваемого бундесвера военно-научную работу «Операция «Барбаросса». Он пишет:

«56-й танковый корпус должен был продвигаться от Порхова через Сольцы на Новгород, а 41-й танковый корпус — от Острова через Псков на Лугу. Имея перед собой слабого противника, они тем не менее продвигались вперед очень медленно».

Или:

«Несмотря на то что вышестоящее командование портапливало, ожесточенные бои на плацдармах задержали наступление почти на четыре недели, пока не подошла 18-я армия. В результате отхода 41-го танкового корпуса на запад 56-й танковый корпус, который 15 июля подошел к Сольцам, оказался еще более изолированным. Не имея достаточного флангового прикрытия, обе дивизии подверглись ударам крупных сил противника с юга, северо-востока и с севера. Под угрозой окружения они отошли к городу Дно».

Еще штрих к деятельности Ворошилова. Танковый корпус Манштейна вместе с 41-м танковым корпусом составляли танковую группу Гепнера. Но задача корпусам была поставлена в расходящихся направлениях: 41-й корпус шел на Ленинград, а 56-й на Новгород. Манштейн этот план непрерывно критиковал, он убеждал, что нужно оба танковых корпуса собрать в единый кулак и ударить по Ленинграду с тем, чтобы взять его сходу. Наконец, он убедил в этом начальство, и ему 15 августа дали команду переводить 56-й корпус на соединение с 41-м корпусом. Он со штабом вы-

ехал по очень плохой (как он пишет) дороге и, проехав 200 км, оказался на месте. За ним двинулась 3-я мехдивизия. Но совместного удара по Ленинграду не получилось, так как уже 16 августа он получил команду ехать обратно и разворачивать обратно дивизию. А причина была в том, что войска маршала Ворошилова окружили в это время 10-й армейский корпус 16-й армии немцев, и теперь Манштейну поручили выручать эту армию.

Далее Гот пишет:

«Таким образом, в то время как ОКХ еще предавалось надежде в конце августа нанести решающий удар по Москве, Гитлер снова под влиянием одной неудачи группы армий «Север», имевшей местный характер, 15 августа принял решение: «Группе армий «Центр» дальнейшее наступление на Москву прекратить. Из состава 3-й танковой группы немедленно передать группе армий «Север» один танковый корпус (одну танковую и две моторизованные дивизии), так как наступление там грозит захлебнуться...

Один из двух корпусов 16-й армии, продвигавшихся южнее озера Ильмень на восток, а именно 10-й армейский корпус, был атакован значительно превосходящими силами русских (восемью дивизиями 38-й армии) и оттеснен на север к озеру. В ответ командование группы армий «Север», стремясь облегчить весьма тяжелое положение 10-го армейского корпуса, решило выделить для нанесения контрудара одну дивизию СС и одну моторизованную дивизию, которые до этого принимали участие в боевых действиях под Лугой и в районе озера Ильмень... Сейчас же группа армий «Центр» была ослаблена на половину танковой группы, и это в момент, когда оставалось сделать последний шаг к достижению цели операции, то есть к овладению Москвой. Выделенный из состава 3-й танковой группы 39-й танковый корпус (12-я танковая, 18-я и 20-я моторизованные дивизии) был использован не на месте, где решался исход операций, а направлен далеким круглым путем через Вильнюс на северное крыло группы ар-

мий «Север». Этому корпусу предстояло выполнить основное желание Гитлера: захватить Ленинградский промышленный район и изолировать «цитадель большевизма» от Москвы. Продвигаясь южнее Ленинграда на восток и преодолевая невероятные трудности, корпус достиг Тихвина. Несколько недель спустя 41-й танковый корпус, до этого успешно наступавший на Ленинград, вынужден был остановиться и отойти».

Из последней цитаты Гота следует, что действия именно Ворошилова поставили крест на плане «Барбаросса» и заставили Гитлера отменить наступление на Москву уже летом и еще раз попытаться разгромить войска Северо-западного направления, и опять — неудачно. Вопрос: почему же Ворошилов в нашей истории считается военной бездарностью?..

. . .

Характеризуя действия маршала Буденного, Гальдер отметил в своем дневнике 26 июля 1941 г.:

«Противник снова нашел способы вывести свои войска из-под угрозы наметившегося окружения. Это, с одной стороны, — яростные контратаки против наших передовых отрядов 17-й армии, а с другой — большое искусство, с каким он выводит свои войска из угрожаемых районов и быстро перебрасывает их по железной дороге и на автомашинах».

Если бы был жив Гудериан к тому моменту, когда наши историки начали вещать о том, что Тухачевский — гений и что немцы заимствовали у него идею использования масшированных подвижных соединений, — это его бы сильно позабавило. Немцы действительно заимствовали советский опыт, но не опыты кабинетного Бонапарта. На второй день войны, когда еще ничего не было понятно, Гальдер записал в дневнике:

«Фон Бок с самого начала был против совместного наступления обеих танковых групп на Смоленск и хотел нацелить группу Гота севернее. В этом случае танковые группы Гота и Гудериана оказались бы разделенными почти непроходимой полосой озер и болот, что могло бы дать противнику возможность по отдельности разбить их обе. Эту опасность следует учитывать тем более, что именно русские впервые выдвинули идею массирования подвижных соединений (Буденный)».

Разгром советских войск, которыми командовал С.М. Буденный, Гитлер предусмотрел в плане «Барбаросса» следующим образом.

«Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадает задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

на юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн;

на севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла».

И с этой частью плана у Гитлера ни черта не получилось — не смогли они замкнуть окружение у Киева, и румыны не помогли. Не смогли немцы занять Донецкий бассейн и двинуться к Москве. Наоборот, Гитлеру пришлось отказаться от «Барбаросса» (это вам не Франция!) и начать

импровизации — снять танковую группу Гудериана с московского направления и бросить на юг. И это советским командованием было предусмотрено: планировалось зажать Гудериана между двумя фронтами и уничтожить, но, как я уже писал, помешало господство немцев в воздухе.

Фактически план «Барбаросса» получился у немцев только на Западном фронте предателя Павлова.

Сорвало немцам план «Барбаросса» мужество и стойкость советских войск, но разве справедливо забыть, кто ими тогда командовал?

* * *

А теперь о жестокости. Немцы величайшие знатоки войны (были), они много о ней думали и сделали массу общих, очень точных теоретических выводов. Начальник немецкого Генштаба прошлого века генерал Мольтке как-то сказал, что высшей формой гуманизма на войне является жестокость. Наверное, подавляющее число читателей воспримет это как шутку или парадокс. Но это не так. Сама война является парадоксом — ведь в мирной жизни мы стараемся уберечь человека, а на войне его требуется уничтожить.

Причем, на войне жестокость является гуманной акцией при применении ее как к противнику, так и к своим войскам.

Возьмите, к примеру, Чечню. В 1944 г. две дивизии НКВД осуществили операцию по восстановлению суверенитета на территории СССР — выселению с территории Чечено-Ингушской АССР всех чеченцев и ингушей. Причем, это были не безобидные и безоружные крестьяне. У них было изъято несколько тысяч стволов оружия, включая немецкое автоматическое и минометы. Никто не оказал ни малейшего сопротивления, в результате чего чеченцы и ингуши были расселены на востоке в подготовленное жилье (по военным возможностям) и обеспечены работой. Почему не было пролито крови? Потому что

Сталин был истинным полководцем, следовательно – жестоким. У тогдашних чеченцев не было ни малейшего сомнения, что, окажи они сопротивление, и безусловно будут беспощадно уничтожены все сопротивляющиеся, кем бы они ни были – взрослыми, детьми или женщинами. Своей жестокостью Сталин проявил к чеченцам милосердие, он не дал им пролить своей, чеченской крови.

А наши нынешние гуманные, демократические, то ли подлецы-предатели, то ли идиоты, а скорее и то и другое? В 1995 г. начали восстанавливать суверенитет Чеченской Республики «гуманным» (в понимании этих и остальных кретинов) способом. В результате вся Чечня оказалась в развалинах, несколько сот тысяч человек убито, 400 тысяч собственно чеченцев бежало из Чечни куда попало – туда, где их никто не ждал.

Видя это, разве трудно согласиться с Мольтке, что на войне жестокость гуманна?

А теперь о жестокости по отношению к своим. Представим образно двух хирургов. К ним поступает женщина с перитонитом, нужно срочно оперировать. А ей страшно, она просит «каких-нибудь» таблеток и даже согласна на «укольчик» и на компресс. Она плачет, и добрый хирург «жалеет» женщину, откладывает операцию, и пациентка умирает от его доброты. А жестокий хирург воплей не слушает, немедленно кладет больную на стол и спасает. Примерно такое же положение с полководцами.

Представьте, что вы в составе фронта своим полком атакуете врага с задачей продвинуться на 5–10 км. Но огонь силен, в ваших рядах убитые, а вы «добрый» и, чтобы не увеличивать числа убитых, прекращаете атаку. А рядом полки прорвались, и враг, не уничтоженный вами, бьет им во фланг и тыл. Вы сохранили жизнь одного солдата, а в соседних полках из-за вашей «доброты» убито десять.

Война не бывает без своих убитых, с этим необходимо смириться и понимать главное – если стоящая перед командиром задача не выполнена, то даже единственный

погибший солдат будет на совести командира, не выполнившего задачу из-за жалости к своим солдатам. Тогда такой жалостливый командир — фактический убийца своих солдат.

Вот как командовавший под Москвой кавалерийской дивизией А.Т. Стученко описывает один из боев:

«8 февраля после небольшого пулеметно-артиллерийского налета по сигналу (общему для всех дивизий. — Ю.М.) поднялись в атаку жидкие цепи кавалеристов. На моих глазах десятки людей сразу же упали под пулями. Огонь был настолько плотный, что пришлось залечь всем... Волновали мысли: почему же соседи не поддержали нас? Правый наш сосед — 3-я кавдивизия. Временно ею командует полковник Картавенко. Храбрый в бою, не теряющийся в самой сложной ситуации, веселый, жизнерадостный, он мне очень нравился. Только одно в нем выводило меня из равновесия — излишняя осторожность, которая зачастую дорого обходилась соседям.

Пробравшись к нему на наблюдательный пункт и очень обозленный на него, я спросил:

— Андрей Маркович, почему твоя дивизия не поднялась в атаку одновременно с двадцатой?

Картавенко, не обращая внимания на мой раздраженный тон, спокойно ответил:

— А я и не пытался поднимать ее. Людей на пулеметы гнать не буду. У меня и так одни коноводы да пекаря остались.

Телефонный звонок прервал наш разговор. На проводе комкор. Картавенко сразу меняет тон:

— Дивизию поднять в атаку невозможно, немцы огнем прижали ее к земле. Вот лежим и головы поднять не можем.

Положив телефонную трубку, Андрей Маркович лукаво покосился на меня:

— Понял? А ты — в атаку ...

Может быть, он прав? Может, так и мне надо было поступить? А приказ? Ведь его выполнять надо?.. Безусловно, надо!

Раздраженный своими сомнениями, я покинул Картавенко и направился на свой командный пункт, находившийся в густом лесу в 700-800 метрах от передовой».

Это только ведь в мемуарах все генералы и умные и храбрые. А в жизни было далеко не так. И Жуков со своей жестокостью и целеустремленностью на выполнение приказа был смертельно опасен для таких хитрых командиров. Вот Д.Т. Шепилов, больше известный как «примкнувший к ним», вспоминает:

«Комдив доложил, что в первом же бою с танками противника дивизию самовольно покинул командир артиллерийского полка Глотов. Жуков нажал кнопку звонка. Вошел генерал. Жуков: «Комдив 173-й докладывает, что в разгар боя дивизию покинул командир арtpолка полковник Глотов. Полковника Глотова разыскать и расстрелять».

Сталин, надо думать, ценил Жукова во многом за это — за способность заставить исполнять решение Ставки и трусов, и хитрых.

Вот в упоминавшейся уже книге В. Карпова «Полководец» он описывает действия генерала И.Е. Петрова на должности командующего 4-м Украинским фронтом в 1945 г. Добивая немцев, нужно было решительно идти вперед, выполняя задачу Ставки. А Ивану Ефимовичу стало жалко губить солдат перед самой Победой. И он на продвижении своих войск вперед особо не настаивал, за что Сталин и снял его с командования. Ведь что получалось. Из-за того, что Петрову «жалко» своих солдат, оставшиеся без поддержки 4-го Украинского фронта остальные фронты должны были нести потери во много раз большие. Из романа Карпова следует, что генерал Петров был умным и порядочным человеком, но на звание действительно выдающегося полководца все же не тянул, хоть Сталин и представил его после окончания войны к званию Героя.

Есть еще один момент, на который никто не обращает внимания.

Так, к примеру, из исследований В.М. Сафира следует, что Жуков под Москвой заставил трибунал приговорить к расстрелу командира 329 сд полковника К.М. Андрусенко. Верховный суд, однако, приговора не утвердил, заменил 10 годами лишения свободы и отправкой на фронт, в 1943 г. полковник Андрусенко стал Героем Советского Союза.

Свою деятельность в 1939 г. на Халхин-Голе Жуков начал точно так же – отдал под суд 17 человек, заставив трибунал приговорить их к расстрелу. И тогда Верховный суд не утвердил приговор, и все 17 вернулись в свои части. И, как пишут историки Бирюков А.Н. и Сафир В.М., «все бывшие смертники отличились в боях с японцами, получили ордена и даже звание Героя».

Невероятно, чтобы Жуков специально отбирал самых лучших командиров и отдавал их под суд. Тогда остается один вывод: получив такой урок, как приговор трибунала, даже трусы становились героями. А ведь этот урок предназначался, собственно, не им, а остальным, и остальные тоже его усваивали.

В этом смысле Жуков был истинным полководцем, он был жесток и, поставив задачу, страхом смерти заставлял всех командиров исполнять ее точно и в срок.

Имея ученика с такими задатками полководца, Сталин Жукова учил. Учил тем, что, страхуя, ставил и ставил его во главе войск в ответственных сражениях. И как полководец Жуков рос и рос.

Вот как, по воспоминаниям начальника ГАУ Яковлева, Жуков командовал в 1944 г.: «Сразу же по приезде Г.К.Жуков провел обстоятельные рекогносцировки, побывав на наблюдательных пунктах всех стрелковых дивизий...

В каждой из армий вскоре были оборудованы довольно обширные макеты местности (для них, как правило, под-

бирались лесные поляны), на которых во всех деталях показывался противник и положение наших войск. На этих макетах командармы А.В. Горбатов, П.Л. Романенко, П.И. Батов и А.А. Лучинский докладывали представителю Ставки свои решения на предстоящую операцию. Г.К. Жуков внимательно слушал и при необходимости вносил коррективы...

Итак, все было готово к началу грандиозного наступления наших войск. Перед его началом мы с Г.К. Жуковым вновь вернулись на 1-й Белорусский фронт и обосновались на НП 3-й армии генерала А.В. Горбатова, которой была поставлена задача наносить главный свой удар на бобруйском направлении. 23 июня 1944 г. в предрассветных сумерках началась наша мощная артиллерийская подготовка...

В этой обстановке командарм А.В. Горбатов, человек, прошедший уже немалый армейский путь и хорошо понимавший всю сложность ратного труда, вел себя сдержанно, пожалуй, даже спокойно. И в этом спокойствии чувствовалась его твердая уверенность в том, что командиры корпусов, дивизий и полков его армии, несмотря ни на что, достойно выполнят свой воинский долг. Поэтому старался не особенно-то тревожить их телефонными звонками, а терпеливо ждал дальнейшего развития событий.

Г.К. Жуков тоже ничем не выдавал своего волнения. Он даже не беспокоил командарма, а, прогуливаясь по рошнице, в которой располагался НП армии, лишь изредка интересовался сообщениями о боевой обстановке в целом на фронте и у соседа в войсках 2-го Белорусского фронта. Так же выдержанно он вел себя весь день, вечер и ночь, а потом даже и следующий день. Такому хладнокровию можно было только позавидовать.

Но затем усилия 3-й армии с согласия Жукова были соответственно скорректированы, и 26 июня обозначился успех и в ее полосе наступления».

Смотрите. Жуков уже не ограничивается тем, что подписывает приказ, подготовленный штабом, «не глядя». Он тщательно готовит лично и приказ, и исполнителей.

Он уже не вопит на подчиненных, а доверяет им, как Сталин.

Он находится на командном пункте той армии, где решается судьба всей операции.

Он корректирует свой приказ по ходу операции.

И если начальник немецкого Генерального штаба Ф. Гальдер в своих дневниках по конец 1942 г. ни разу не упомянул о Жукове, то с середины войны это имя уже вызывало страх у немецких генералов. И неспроста. В той операции, начало которой описал Яковлев, советские войска разгромили группу немецких армий «Центр» так, что из ее 47 генералов 10 было убито, пропало без вести или застрелилось, а 21 взят в плен.

. . .

Да, Сталин вырастил из Жукова полевого полководца. Сделал ему славу Великого. Возможно, Сталин делал Жукова примером. Но ошибся. Как человек, Жуков для примера не годился. Уж лучше бы мы стерпели поляка, так как Рокоссовский, кроме таланта, имел еще и честь. Поэтому ни словом не опорочил своего Верховного.

А Жуков мигом нашел нового хозяина — Хрущева — и стал служить ему верой и правдой. Хозяин был так себе, но не дурак — помнил, что единожды предавшему веры нет. Поэтому попользовался Жуковым и отправил на пенсию.

Приведу несколько цитат из доклада Жукова, написанного им в 1956 г. для несостоявшегося пленума ЦК по дальнейшему разоблачению «культа личности».

«Должен отметить, что у некоторых товарищей имеется мнение о нецелесообразности дальше и глубже ворошить вопросы, связанные с культом личности... Подобные решения вытекают из несогласия с решением XX съезда партии... Огромный вред для Вооруженных Сил нанесла подозрительность Сталина...

Вследствие игнорирования со стороны Сталина явной угрозы... о которой на XX съезде доложил тов. Н.С. Хрущев...

с первых минут возникновения войны в Верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, использовав которую противник прочно захватил инициативу в свои руки и диктовал свою волю на всех стратегических направлениях...

Сталин очень плохо разбирался в оперативно-тактических вопросах... Генеральный штаб, наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным... Можно привести еще немало отрицательных фактов из оперативного творчества Сталина, чтобы оценить, чего стоят на самом деле его полководческие качества и военный гений...

О непонимании Сталиным основ управления войсками можно многое рассказать из истории оборонительных сражений за Москву».

Как видите, в написании «нужных» докладов ученик намного превзошел своего Учителя.

Трудно сказать, что же двигало Жуковым. Болезненное самолюбие? Может, обида за изъятое барахло? Или память об унижении, когда пришлось писать Жданову объяснительную записку по поводу этого барахла и доказывать, что сопровождавшая Жукова по фронтам любовница была увешана орденами не самим Жуковым, а «по представлению фронтов»?

С другой стороны — а какая разница? Он своему учителю воздал...

Почему ныне российский режим так активно поднимает Жукова, тоже понятно. Если не возвеличить в Жукове великого стратега, то тогда невозможно заплевать Сталина. Не будет понятно — кто командовал Вооруженными Силами СССР, кто же тогда выиграл войну? А раз Жуков есть, то можно поставить конный памятник ему, а не «Неизвестному Верховному Главнокомандующему».

Глава 4

ВОИНСКАЯ ЧЕСТЬ

Мне приходилось уже писать, что война — это жизнь наоборот. В ней совершенно другие понятия.

В мирной жизни хорошее исполнение своего долга несет награду. В войне хорошее исполнение своего долга несет смерть в бою. Если в мирной жизни награды достаточно для стимулирования долга, то в армии она может рассматриваться только лишь как дополнительный стимул. Мертвому награды не нужны. Стимулировать исполнение долга солдата должно нечто большее. И это нечто большее было найдено еще на заре человечества — это ЧЕСТЬ. Солдата (в широком смысле слова) без чести не бывает. Без чести он — подонок, бесполезный для общества. В мирное время он будет обжирать народ, надеясь без войны дожить до большой пенсии, а в войну уклонится от исполнения своего долга — струсит, сбежит, сдастся в плен. Солдаты без чести — это вошь, паразиты на шее народа.

Честь замешана на достоинстве человека, на осознании им важности своей миссии в обществе. Вот, скажем, дворянин, особенно русский. Его достоинство основано было на том, что он служит своему государству, обществу, а это значит, что он безусловно в бою отдаст за него жизнь. А остальные служат сами себе — они ниже его, не имеют его достоинства.

Унизьте дворянина, создайте условия, чтобы он терпел унижение своего достоинства, и он потеряет честь. А без чести он не способен исполнить долг — он не воин. А не воин, но в дворянском звании, — паразит для общества.

Поэтому в любой стране общество (если оно не под властью жидовствующих) старается создать условия для защиты достоинства своему воинскому сословию, создает условия для защиты им своей чести.

Еще раз. Достоинство и честь — вещи сугубо индивидуальные, со стороны их не защитишь. Их может защитить только сам владелец, но для этого общество должно создать условия.

Вот, к примеру, у офицера начальник хам, он унижает и оскорбляет офицера, а когда тот возмущается, то обходит его в званиях, в наградах и т.д. Как быть? Жаловаться замполиту, попу, вышестоящему начальству? Затевать судебные дразги и т.д., в которых начальник заведомо сильнее? А может, самому с начальником разобраться за оскорбление достоинства на дуэли?

Петр I считал, что нельзя давать офицеру защищать свою честь самому, что нужно жаловаться, и казнил дуэлянтов и секундантов. Тем не менее дворяне честь защищали нелегально. Их за дуэли наказывали, но боеспособность армии падала, подлость в русской офицерской среде росла.

Александр III сдался — узаконил дуэли. Деваться было некуда, потребности общества требовали создать условия для защиты офицерской чести. (Правда, при точном следовании закону требовалось обратиться в суд офицерской чести, и этот суд решал — быть или не быть поединку. Отказавшийся от дуэли терял честь и немедленно изгонялся из армии.)

И если мы читаем книги о военной среде императорской России, то увидим непривычно для нас вежливое обращение военных друг к другу, даже генералы к пору-

чикам обращались по имени и отчеству. Ведь дуэльный кодекс 1895 г. констатировал, что «Предел, когда именно известные действия теряют характер обыкновенного, неважного и становятся оскорблениями, вообще трудно определим и находится единственно в зависимости от степени обидчивости того лица, на которого эти действия были обращены». Скажешь грубое слово, поручик обидится — и маршируй к барьеру.

. . .

Вот пара примеров, чтобы было понятно, о чем идет речь. Наследник престола, великий князь Константин, в 1814 г., будучи наместником в Польше, при смотре 3-го полка в Варшаве приказал двум офицерам взять ружья, встать в солдатский строй и промаршировать пару кругов. Затем вернул их на свое место. Офицерами полка это было сочтено как оскорбление, 7 офицеров один за другим застрелились, вмешательство генерал-адъютанта князя не помогло, и это вынудило Константина явиться к обиженным офицерам и заявить, что он написал завещание, устроил все дела и готов встать к барьеру. Только этой его готовностью удалось свести дело к мирному исходу. Заметим, что дуэли были официально запрещены и наказывались, но Константин, как государственный деятель, не посмел стать помехой на пути защиты офицерской чести и достоинства.

В 1878 г. столичный градоначальник Трепов, проверяя тюрьму, за невежливое к себе отношение приказал выпороть дворянина-революционера. Физические наказания для дворян были запрещены, для них это бесчестие. Невеста наказанного, революционерка Вера Засулич, явилась на прием к Трепову и из револьвера тяжело ранила его. Суд В. Засулич оправдал, к негодованию царя и знати.

Но в целом дворянство не могло допустить унижения своего достоинства кем бы то ни было.

Пример, как говорится, из «другой оперы». После Первой мировой войны армия Германии была ограничена до пределов, при которых в ней невозможно было подготовить достаточное количество офицеров для нужд военного времени. Поэтому задолго до Гитлера каждого принятого в рейхсвер солдата готовили так, чтобы он в будущем стал офицером. Помимо большого объема чисто профессиональных знаний, в солдатах воспитывали офицерскую честь и достоинство.

Скажем, такой случай. Солдат в увольнении пошел на танцы, а там штатские пытались выкинуть его из зала. Он штыком (в немецкой армии освобождались от ношения оружия только священники, а у нас Жуков его никогда не носил даже на фронте) убил одного из штатских. Утром был построен полк, и этот солдат за мужество при защите чести и достоинства был награжден почетным холодным оружием.

Денщиками у офицеров ставили по очереди не солдат, а унтер-офицеров. Когда унтера становились фельдфебелями, их по очереди посылали в офицерские компании, где они веселились вместе с офицерами. Это делалось для того, чтобы фельдфебели и унтера смогли перенять манеры офицеров, атмосфера офицерской чести и достоинства должны была стать их атмосферой.

Помимо воспитания воинов, преданных Родине, немцы за счет высочайшей чести и достоинства своих офицеров получили и огромные преимущества в управлении войсками. Основой их военных успехов была исключительная инициатива и самостоятельность всех звеньев немецкой армии — практически полное единоначалие. А единоначальника без чести и достоинства невозможно получить, право единоначалия без чести создает в армии безвольного самодура.

Еще и еще раз. Честь и достоинство солдата не являются каким-то атавизмом, смешным, устаревшим понятием. Для государства, для общества — это сугубо практические вещи. Поскольку без них государство кормит не армию, а скопище алчных подонков, которые не будут защищать общество, когда обществу это потребуется, и изменят любой присяге.

Конечно, чтобы честь и достоинство органично жили в человеке, их нужно воспитывать с раннего детства, но чтобы они окрепли и жили в солдате постоянно, общество должно создать условия для их сохранения.

Я никогда не встречал у Сталина ничего, прямо свидетельствующего о том, что он как-то осознано, с позиций теории (хотя бы такой, как у меня) внедрял в армию и общество честь и достоинство. Но он так много сделал для этого, что, похоже, он чувствовал краеугольность этих вещей.

Он разделил обучение в школах мальчиков и девочек. Он внедрял военную кастовость, создавая суворовские училища. Он переименовал командиров в офицеров, ввел погоны и всякие офицерские прибабасы на форму, которые, кстати, лично мне не нравятся. Он ввел суды чести и, ходят слухи, хотел ввести и дуэли. Все отмечают его исключительно корректное отношение к подчиненным. Даже ругая их, снимая с должностей, он никогда не унижал в них честь и достоинство.

Возьмем, к примеру, процедуру снятия Жукова с поста Главкома сухопутных войск и перевод его в Одессу.

В основе снятия лежало не только сколачивание Жуковым вокруг себя группы «своих людей» из бездарей, но и его хвастовство. О том, каким оно было, можно судить по такому отрывку из его эссе «Коротко о

Сталине», написанному уже незадолго до смерти Георгия Константиновича:

«Сталин при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень их организаторов, лично же себя выставить на первое место, прибегая для этого к таким приемам: когда становилось известно о благоприятном ходе операции, он начинал обзванивать по телефону командование и штабы фронтов, командование армий, добирался иногда до командования корпусов и, пользуясь последними данными обстановки, составленной Генштабом, расспрашивал их о развитии операции, подавал советы, интересовался нуждами, давал обещания и этим самым создавал видимость, что их Верховный Главнокомандующий зорко стоит на своем посту крепко держит в своих руках управление проводимой операцией.

О таких звонках Верховного мы с А.М. Василевским узнавали только от командования фронтов, так как он действовал через нашу голову...

Расчет был здесь ясный. Сталин хотел завершить блистательную победу над врагом под своим личным командованием, то есть повторить то, что сделал в 1813 году Александр I, отстранив Кутузова от главного командования и приняв на себя верховное командование с тем, чтобы прогарцевать на белом коне при въезде в Париж во главе русских доблестных войск, разгромивших армию Наполеона».

Давайте вдумаемся в текст этой цитаты. Поясню: «действовать через голову» в управлении означает — давать команды подчиненному подчиненного, не ставя в известность о них прямого начальника. Но Жуков не пишет о том, что Сталин давал такие команды, Сталин всего лишь «расспрашивал о развитии операции, подавал советы, интересовался нуждами, давал обещания». Но как же Сталин мог быть полководцем и Главнокомандующим, если бы он не

делал этого? Ведь это обязанность любого полководца — знать, что происходит на фронте!

«Благоприятный ход операции» означал, что, возможно, потребуется изменить первоначальный приказ, и Сталин делал то, что и к старости не понял Жуков, — изучал обстановку, чтобы новый приказ, который он даст Жукову, был бы для подчиненных Жукова исполнимым.

И еще. Сталин был Главнокомандующим. По своей должности он обязан был организовывать все операции Красной Армии. Следовательно, ответственность за поражения лежит на нем, и слава побед — тоже на нем. За победы полагаются награды. Так как Василевский и Жуков участвовали только в части операций войны, а иногда и вдвоем на одном фронте, то, по логике, у Сталина должно было бы быть наград в сумме больше, чем у Жукова и Василевского, вместе взятых, даже если бы он и не «отводил их в тень».

Как же объяснить скромное количество наград на груди у Сталина? Неужели тем, что он кого-то «отводил в тень»? Как объяснить, что он за войну повесил на грудь Жукову, Василевскому, Рокоссовскому и другим по две Звезды Героя, а себе — ни одной? Как объяснить, что ордена Победы №1 и №2 были вручены не ему, а Жукову и Василевскому? Чем это можно объяснить, кроме врожденной подлости тех, кто муссирует подобный идиотизм?

Насчет того, что Сталин лично хотел взять Берлин. А зачем ему это надо было хотеть, если он лично его и взял? Ведь Жуков бы и по сей день штурмовал Зееловские высоты, если бы Сталин не изменил первоначальный план операции и не дал команду удачно прорвавшему фронт Коневу — развернуть армии на север и ворваться в Берлин с юга, а Рокоссовскому — отрезать Берлин с севера.

Маршал Конев пишет об этом:

«Кстати сказать, впоследствии в печати и в некоторых художественных фильмах, поставленных еще при жизни

Сталина, была допущена историческая неточность. В эти дни в Ставку вызвали только нас с Жуковым, а маршал К.К.Рокоссовский, командовавший 2-м Белорусским фронтом, был в Ставке позднее — 6 апреля.

2-й Белорусский фронт участвовал в разгроме берлинской группировки на северном приморском направлении, тем самым активно способствуя захвату Берлина. Однако утверждение части плана Берлинской операции, относившейся к действиям 2-го Белорусского фронта, состоялось на несколько дней позже, уже в наше с Жуковым отсутствие».

Во взятии Берлина были задействованы три фронта — маршалов Конева, Жукова и Рокоссовского. Как видите, для обсуждения всего плана Жуков Сталину просто не потребовался.

Далее Конев вспоминает, что 17 апреля:

«... позвонил по ВЧ в Ставку. Доложил И.В.Сталину о ходе наступления фронта, о переправе через Шпрее, о том, что танковые армии начали отрываться от общевойсковых и выдвигаться глубоко вперед в северо-западном направлении».

То есть, выполняя первоначальную задачу, войска Конева шли мимо Берлина. Далее:

«Когда я уже заканчивал доклад, Сталин вдруг прервал меня и сказал:

— А дела у Жукова идут пока трудно. До сих пор прорывает оборону.

Сказав это, Сталин замолчал. Я тоже молчал и ждал, что будет дальше. Вдруг Сталин спросил:

— Нельзя ли, перебросив подвижные войска Жукова, пустить их через образовавшийся прорыв на участке вашего фронта на Берлин?

Выслушав вопрос Сталина, я доложил свое мнение:

«Товарищ Сталин, это займет много времени и внесет большое замешательство. Перебрасывать в осуществлен-

ный нами прорыв танковые войска с 1-го Белорусского фронта нет необходимости. События у нас развиваются благоприятно, сил достаточно, и мы в состоянии повернуть обе наши танковые армии на Берлин».

Обсудили этот план, и Сталин дал команду: «Поверните танковые армии на Берлин». Войска Конева первыми ворвались в фашистскую столицу, чего Жуков никогда Коневу простить не мог...

И вот, в том числе и за свою болтовню, Жуков был снят с поста Главкома. Но как! Был собран Военный совет, в присутствии Жукова равные ему военачальники обсудили его поступки, давая Жукову возможность сказать все, что тот сочтет нужным. Совет принял решение, министр обороны снял Жукова приказом с грифом «Совершенно секретно», а это значит, что о смысле происшедшего был проинформирован только узкий круг лиц, который обязан был хранить тайну позорящих Жукова причин снятия. Честь и достоинство Жукова были соблюдены внешне и по сути. Никто не оскорбил его нежеланием выслушать, понять и т.д.

. . .

Но вот Сталин умер, так и не оставив продолжателя своего дела. Званных было много, не оказалось избранных.

Вскоре во главе партии стал Хрущев, а во главе армии Жуков. Как вы считаете — что должно было случиться с честью и достоинством офицеров Советской Армии?

Правильно! Они стали ударными темпами уничтожаться, поскольку не может сохранить честь и достоинство членов организации тот, кто не имеет и понятия о том, что такое честь.

Жуков о ней не имел ни малейшего понятия — она ему была просто без надобности. Честный человек не способен сначала заявить на весь мир на Параде Победы: «Мы победили потому, что нас вел от победы к победе наш великий вождь и гениальный полководец Маршал Советского

Союза — Сталин!» — а потом написать, что Сталин хотел к его, Жукова, славе примазаться. Человеку не позволит это сделать чувство собственного достоинства ведь в этом случае он является либо дебилом, не способным разобраться в том, кто же все-таки вел народ к победе, либо дебилом и подонком, который свой пост занимает исключительно благодаря лестии начальникам. Это настолько оскорбительно для человеческого достоинства, что человек, его имеющий, скорее застрелится, чем поставит себя в положение этакого идиота.

А у Жукова основа чести — достоинство было начисто атрофировано и заменено огромным самолюбием. А самолюбие — лишь признак человеческого достоинства, а не само достоинство. Самолюбие всего лишь требует от внешнего мира соответствующего отношения к данному человеку, и если такое отношение есть, то человек не мучается от гнусности своих поступков. Раз окружающие воспринимают подонка честным и порядочным — значит, он и есть честный и порядочный. А кто не воспринимает — того нужно уничтожить или скрутить в бараний рог — и опять все в порядке.

Жуков был как ребенок, он вводил в норму армейской морали подлость, не подозревая того, что он делает, он просто не понимал, что такое честь.

Он награждает любовницу боевыми орденами за геройские сексуальные услуги, а Голованова, заслужившего звание Героя, вычеркивает из списка награжденных и наивно признается в этом самому Голованову, считая это не более чем «злом», которого можно не стыдиться. Поразительно, но он даже не видит в награждениях любовницы унижения мужского достоинства — получается, что если бы он ее не награждал, то она бы ему отказывала.

Он признается Голованову после снятия в 1957 г.: «Ко мне два дня никто не звонит, раньше на брюхе ползали». То есть он видел, что те, кого он приближает к себе, ползают на брюхе, но ему даже в голову не приходило, что это уже

не люди, не офицеры, а твари. А твари сохраняют верность только своему брюху, Жукову они верность сохранять не обязаны, как он не сохранял верность Сталину.

Он присваивает внеочередное звание офицеру за то, что тот позволил издеваться над собой и доставил барину минуту удовольствия, одновременно разжалует генералов за полученные в их соединениях мелкие бытовые неудобства. Он дико извратил смысл службы. Теперь, чтобы повышаться в звании, не нужно быть толковым, честным, храбрым профессионалом, а нужно лизать зад Жукову — и станешь генералом. И Жуков это считал нормой и эту норму проводил в жизнь.

Мы видим, как деликатно снимал его с должности Сталин, а он вице-адмирала Кузнецова просто выгнал со службы после 5 минут мата. Адмиралу даже не дали прочесть приказ, за что его сняли.

Честные офицеры изгонялись из армии. Маршал Рокоссовский отказался ругать Сталина, а на следующее утро обнаружил в своем кабинете развалившегося Москаленко, помахивающего постановлением Политбюро о снятии Рокоссовского. Твари, не имеющие чести и достоинства, не способны сохранить честь и достоинство подчиненных.

Жуков «опускал» армию. Внешне везде и все говорили, что воинская служба — это служба Родине. И честные ребята шли служить ей. Но вместе с ними шли подонки, которые знали, что это обман, что в армии служат не Родине, а начальникам, что звания и ордена там дают не за храбрость и ум, а за услужение начальникам. Все эти замполиты юшенковы, десантники лебеди, кагэбисты коржаковы уничтожали честь в армии и довели армию до сегодняшнего состояния — до состояния чистых паразитов на шее народа, до состояния бесчестной организации.

Вы посмотрите на наши дискуссии. Полковник многословно доказывает, что честь офицера — это исполнение

приказа начальника. Его достоинство ни на грамм не страдает от того, что он выставляет себя дебилом, не способным понять, что есть служба Родине. Почти 200 лет назад офицеры 3-го Варшавского полка понимали, что исполнение капризов великого князя Константина не есть служба Родине, и потребовали от Константина стать к дуэльному барьеру.

А наши ракетно-ядерные интеллектуалы, гении системного анализа, оказались «неспособными понять», что уничтожение Советского Союза, которому они дали присягу, требует от них действий по исполнению присяги. Они, видите ли, решили в данном случае исполнить не присягу, а приказ подонка Е.И.Шапошникова, их «честь» заставила их не Родине служить, а в очередной раз смачно облизать зад очередного начальника. А облизав, заявить: «Честь имею!» И эта «честь» — это «честь» Жукова.

Жуков — герой именно этой части офицерства. Упрекните их в измене Родине — они вас просто не поймут. Жуков, по приказу Хрущева, изменил Сталину, а они по приказу Шапошникова изменили Родине. Раз Жуков герой, то и они герои!

Жуков, по приказу Хрущева, организовал убийство члена Правительства СССР Берия. А Грачев, Ерин, Барсуков, по приказу Ельцина, организовали убийство граждан России, защищавших Конституцию. Если Жуков герой, то и они герои.

Страшно то, что Жуков действительно герой, герой той части населения России, которой не ведомо понятие чести и достоинства. Именно эти люди и вопят о Жукове как о великом полководце, как о герое.

. . .

Патриот — это тот, кто служит Родине. Тот, который служит только начальнику — не патриот, а в лучшем случае, придурок. Поэтому когда люди заявляют, что они пат-

риоты и поэтому защищают честь Жукова, считают его героем, то это выглядит по меньшей мере странно.

У патриотов России в недавнем прошлом осталось очень мало героев из числа государственных деятелей. Это Сталин и не изменившие ему. Поскольку только они служили Родине, а не своему самолюбию, своей алчности, своей подлости.

Но даже не они нам сегодня нужны как герои. Когда я читаю тупое бахвальство Жукова: «Наполеон войну проиграл, а я ее выиграл! Я родную столицу защитил, а чужую взял!» — меня душит негодование: «Не ты, дурак, выиграл войну! Не ты, бездарь, защитил столицу! Не ты, завистник, взял Берлин! И даже не Сталин!»

Выиграли войну те 20 миллионов граждан СССР, которые взяли оружие и стали на защиту Родины. Которые кровью 8 668 400 человек оплатили полководческие ошибки и Сталина, и твою, Жукова, дурость. ОНИ ГЕРОИ!!! И ДРУГИХ ГЕРОЕВ НЕТ!

Сталин это понимал, а кто это понимает сейчас?

Не спасут Россию вожди, особенно нынешние — вонючие. Не спасет Россию Бог — подонкам Бог не помогает.

Ее спасут те, кто бросится под танк, кто грудью закроет амбразуру, кто пойдет на таран, кто замерзнет в окопе, но не покинет его, кто скажет: «Все, хватит отступать, хватит бояться! Вперед — и лучше смерть, чем унижение!»

Глава 5

ОТВАГА

Для того чтобы начать разговор на эту тему упомяну вначале о книге Пауля Кареля «Восточный фронт». Фамилия Карель — на самом деле псевдоним бывшего исполнительного директора службы новостей III рейха, начальника пресс-службы Имперского министерства иностранных дел, оберштурмбаннфюрера СС Пауля Карла Шмидта. Назвать его книгу историческим трудом очень сложно, и даже не потому, что она чересчур уж тенденциозна, а из-за невысокой культуры автора. Он, может, и хотел бы написать что-то серьезное, но по большей части плохо сообщает, о чем он, собственно, пишет. Поэтому у него рядом с безусловными фактами соседствуют такие глупые «залепухи», что даже обижаться на него сложно.

Особенностью его труда является не только то, что он собрал многочисленные воспоминания немецких солдат и офицеров той войны, но и то, что Карель очень редко авторизовал их, то есть не сообщил, кто именно рассказал ему ту или иную историю. А эта анонимность позволяла его собеседникам фантазировать так, как они не посмели бы, если бы их заставили подписаться под их фантазиями. Поэтому, по сути, только у Кареля можно, к примеру, насладиться описанием полчищ монголов на Восточном фронте, другие немецкие авторы про них после войны как-то сразу забыли. Читаешь Кареля и просто видишь, как бравый немецкий ветеран, выпив за его счет пару рюмок шнапса и

полируя их кружкой пива, в благодарность за выпивку вешает бедному оберштурмбаннфюреру лапшу на уши.

Несколько лет десятки миллионов человек воевали друг с другом, и по теории вероятностей в этом противостоянии могли произойти самые невероятные или нелепые случаи. Скажем, мой отец рассказывал, что у них в дивизии во время боя немецкие истребители штурмовали наши войска, в том числе и минометную батарею, которая вела огонь по немецкой пехоте. Минометчики попрятались в щели, но один сержант продолжал вести огонь — продолжал вбрасывать мины в ствол миномета, и в результате зашедший на штурмовку этой батареи немецкий самолет наткнулся в воздухе на одну из мин и был сбит. Достоверность этого случая подтверждается его уникальностью — никогда больше я не слышал, чтобы еще какой-нибудь самолет был сбит из миномета.

И когда я читаю у Кареля, к примеру, такое описание рукопашного боя: «С дюжину советских солдат подобрался к орудью Гедериха, в десяти метрах вскочили и бросились к нему. Гедерих со своими людьми отбивались лопатками, пистолетами, штыками. Четверо русских было убито. Трое или четверо скрылись в кустарнике. Лейтенант Гедерих получил ранение, как и весь расчет», — то, конечно, пожмешь плечами от того, что 12 красноармейцев, у которых на винтовках были штыки, не перекололи в рукопашной шестерых-семерых немцев с лопатками в руках, но один раз эти лопатки сами по себе не вызывают сомнений — чего не бывало!

Но когда в описании рукопашных схваток раз за разом читаешь, что не штыки, а лопатки были основным оружием немцев в рукопашном бою, то теперь уже вся достоверность этих боев становится сомнительной. А эти лопатки в рассказах немецких ветеранов — непременный атрибут: «Тем временем подтянулись батальоны пехотной дивизии СС «Рейх». Мотоциклетному батальону СС под командой

Клингенберга перво-наперво предстояло прорваться через укрепленный рубеж в лесу сразу к западу от Истры на шоссе Волоколамск—Москва, удерживаемый частями знаменитой 78-й сибирской стрелковой дивизии. Известность солдаты этой дивизии получили вследствие того, что не только не брали пленных, но и сами никогда не сдавались. Немцам пришлось с гранатами и лопатками в руках брать в жестокой рукопашной дот за дотом. Мотоциклисты Клингенберга сражались с величайшей храбростью, и многие молодые люди из войск СС отдали в том бою свои жизни». Или: «Перед ними в сумерках октябрьского вечера лежала Тула. Над городом поднимались клубы пыли и дыма. С гранатами, пистолетами и лопатками в руках солдаты прокладывали себе путь через позиции противника». Или: «Наконец наступающим удалось пробить брешь в сильных позициях сибиряков, и два пехотных полка из дивизии СС «Рейх» — «Дойчланд» и «Дер Фюрер» — пошли на прорыв. Стрелять времени не осталось — в ход пошли лопатки и винтовочные приклады. Немцы ударили на батареи сибиряков с тыла». (Немцы могли к винтовкам примкнуть штыки и с ними идти в рукопашную, но по рассказам храбрых немецких ветеранов они этого почему-то не делали, а вместо этого у них «в ход пошли лопатки». Почему лопатки, а не штыки?) Или вот: «Головная рота пробивалась через глубокий снег по обеим сторонам дороги к ближайшему селу и, действуя как штурмовое подразделение, атаковала противника узкими глубокими порядками. Атака началась с сосредоточенного минометного обстрела. Потом главным орудием становились ручные гранаты или — в рукопашной — шанцевый инструмент. Тем временем остальные роты расчищали дорогу технике. Таким образом, наша боевая группа напоминала медленно ползущего оцетинившегося иглами ежа».

Примкнутый к винтовке штык — это наиболее эффективное в бою холодное оружие, это настоящее оружие, а

лопатка — это эрзац-оружие, это то, что можно использовать только тогда, когда, кроме зубов, уже совсем никакого оружия не осталось. Причем, штыков у немецкой пехоты было больше, чем винтовок, поскольку немецкий штык был ножом, и им вооружались все — включая пулеметчиков и автоматчиков. Но о собственно штыковых атаках немцев у Кареля практически нет никаких упоминаний — только «лопаточные» атаки! При этом, о лопатках пишется только в воспоминаниях ветеранов у Кареля, другие немецкие авторы о них не упоминают, а наши ветераны не помнят, чтобы немцы вообще ходили на них в рукопашную, тем более, с этими дурацкими лопатками. Пойти в атаку с лопаткой на нашего красноармейца, вооруженного винтовкой с примкнутым штыком, — это же безумие! Немец же своей лопаткой до него не достанет!

Потом, основное оружие немецкой пехоты — пятизарядная магазинная винтовка (карабин) или автомат. Действовать этим оружием можно только двумя руками. Если немец идет в рукопашную атаку с карабином даже без штыка, то он, по крайней мере, может раз пять выстрелить в тех красноармейцев, с которыми сближается, но если у него в руке еще и лопатка, то он же не сможет оставшейся рукой действовать винтовкой — не сможет стрелять! Красноармеец же вообще не даст ему к себе подойти на расстояние удара лопаткой и пристрелит еще до своего удара штыком. И, наконец, насколько серьезную рану можно нанести лопаткой? Тогда бы уже лучше рассказывали, что они на русских с топорами ходили в рукопашную — все ж более солидное оружие.

. . .

Немецкие старички явно брешут, и возникает два вопроса: «откуда ноги растут» у этих лопаток — с чего вдруг про них заговорили и зачем немецким ветеранам нужна эта наивная до глупости брехня?

У меня нет сомнений, что о лопатках вспомнили из рассказов немецких ветеранов Первой мировой войны, воевавших на Западном фронте с французами и англичанами. Та война очень быстро стала позиционной, причем, оборонительные позиции тех же французов к концу войны были беспрецедентны по своему инженерному обустройству. Вот как Р.Я. Малиновский, воевавший в те годы во Франции, описывает, что представляли собою передовые позиции французов.

«Утром прошли через городок Шалон, разбудив его жителей озорной солдатской песней. В городе свернули налево, пошли на Ля Вев и вскоре расположились в бараках Мурмелона. Там переночевали, связались с французами, занимавшими окопы на передовой позиции, и ночью выступили им на смену проделав километров шесть по ходам сообщения, носившим громкие названия: «Центральный бульвар», «Бульвар Святого Мартина», «Бульвар Сен-Жермен». Наконец стрелка указала: «Аванпост № 2». Туда, соблюдая особую тишину и маскировку, и направились пулеметчики.

...Траншею давно обжили. По глубокому дну ее были проложены деревянные решетки, а под решетками проходила канавка, по которой стекала во время дождя вода; правда, в низинах сток был плохой, и вода туда собиралась из всех окопов и траншей. Ее приходилось вычерпывать, а она снова натекала, и траншея наполнялась белой и тягучей, похожей на сметану, жидкой грязью. Приходилось ходить по этой жиже, пока она не загустеет, тогда ее выбрасывали лопатами за бруствер. По стенкам траншей прикреплены планки с роликами, на которые натянуты телефонные провода. По решеткам на дне траншеи проложена миниатюрная узкоколейка для подвоза боеприпасов, пищи, дров, воды

...Французский капрал все старательно пояснил, указал расстояния до целей. Сдал по описи инвентарь поста: бочки с водой, дрова, провода, телефоны, матрацы, убежи-

ща. Кстати, убежища были оборудованы глубоко под землей. Вниз вели тридцать восемь ступенек; а там — крепкое дубовое крепление, как в шахте, по бокам деревянные клетки, обтянутые железной сеткой, а на них солдатские матрацы. Это — койки. Для начальника пулемета даже отдельная комната с одной койкой, столом, сбитым из досок, запасом ручных гранат и патронов в лентах. Из убежища два выхода — один от начальника пулемета прямо в траншею к стрелкам и другой — из общего помещения к пулеметному, крытому, хорошо замаскированному гнезду.

— Ну, тут можно воевать! Это тебе не русский фронт, там, бывало, все на живую нитку, — поговаривали пулеметчики.

Аванпост № 2 представлял собой небольшой, хорошо укрепленный узел, выдвинутый от передовых траншей в сторону противника метров на триста — четыреста. С траншеями он соединялся отдельным крытым ходом сообщения. На аванпосту располагался пулемет под начальством Ивана Гринько и стрелковое отделение шестой роты».

То есть укрепления Первой мировой войны представляли собою подземные города, убежища которых располагались на глубине 6-8 метров (вниз вели тридцать восемь ступенек). Как брать такие позиции? Ну, забежит в атаке немецкая пехота на них сверху, а как выковырять французов из-под земли?

Вниз, во все эти крытые хода сообщения, траншеи и убежища немцы посылали штурмовые группы для действительно рукопашного боя. Но чем солдат этих групп вооружить? Винтовка со штыком совершенно не годилась, так как была длинной и цеплялась за стены узких ходов сообщений. И этих солдат вооружали десятизарядным пистолетом «Маузер». Но для стрельбы из пистолета достаточно одной руки, рационально было вооружить и вторую, но чем? Исходя из тактики схваток в таких узких местах, ра-

зумно было бы дать им в свободную руку артиллерийский бебут — нечто вроде короткого меча — или турецкий ятаган. Однако у военного министерства Германии до постановки на производство этого оружия из XIX века руки не дошли, и фронтовые немецкие офицеры, импровизируя, вооружали свободную руку солдат заточенными лопатками. Не потому вооружали, что это оружие, а потому, что больше нечем было. Ею, в случае чего, можно было ткнуть в лицо противнику или попробовать ударить по каске... Но, главное, лопатку можно было использовать по назначению — расширить заваленные ходы под землей.

Для комплектации немецких штурмовых групп набирали самых бесстрашных солдат — самых отъявленных головорезов, и благодаря им лопатка в немецкой армии стала символом солдатского бесстрашия. Пистолетами были вооружены многие, а вот пистолетом и лопаткой — только немецкие супермены. В понимании немецких солдат, драться лопаткой — это ох как круто! Вот и возникла эта лопатка в воспоминаниях ветеранов Второй мировой, хотя ей в рукопашных схватках той войны совершенно не было места.

. . .

Второй вопрос — из чего у немецких ветеранов возникла потребность брехать про «лопаточные» схватки? Да из того, что они побежденные. Были бы победителями, нужды брехать бы не было.

Они ведь, повторю, прекрасно знали, что их вместе со швивой Европой 400 миллионов, а русских всего 190, они же понимали, что сами напали на нас, напали, но не победили! Разговоры про монгольские полчища, про морозы под Москвой в 58 градусов — все это хорошо, но для бедных умом. А для солдат оставалась единственная настоящая причина — не победили потому, что были менее мужественными, нежели русские. И для немецких солдат

было очень важно забрехать именно это обстоятельство, поскольку немецкие ветераны не только понимали это, но они и видели это.

Дело в том, что начиная с прусского короля Фридриха II, а скорее всего, и раньше принципом немецкой армии было уничтожение врага не холодным оружием, а огнем. До Первой мировой немецкую пехоту, скорее всего, еще учили штыковому бою, по крайней мере мой дед в штыковой атаке получил ранение штыком в живот, впрочем, от австрийца. Но перед Второй мировой тактика немцев совершенно не предусматривала никаких сближений с противником до расстояния рукопашной схватки и немецкую пехоту штыковому бою не учили. Все рукопашные схватки той войны навязывались немцам Красной Армией. Это было уже анахронизмом, это стоило нам огромной крови, но это было так, тут уж немецкие ветераны не врали, когда описывали производимый на них эффект от русской атаки, к примеру: «Словно загипнотизированные, они взирали на приближавшуюся к ним бурую как земля стену из одетых в военную форму человеческих тел. Русские бежали ровными шеренгами, оцетинившись длинными штыками винтовок».

Надо сказать, что немцы абсолютно справедливо критиковали подобные методы боя.

«Хенерт знал, что делал. Он смотрел в бинокль и мог уже разглядеть лица русских, но все еще не давал приказа открыть огонь. Чем раньше он сделает это, тем быстрее русские залягут и отползут под прикрытие. Хенерт по опыту знал, что русских необходимо срезать разом — одним решительным ударом. Упорство их пехотных атак граничило с механической тупостью. Даже если десять пулеметов будут выкашивать их ряд за рядом, они все равно не остановятся. Они будут кричать свое «Ура!» и погибать под пулями.

Почему? Зачем? Взятые в плен офицеры и военнослужащие сержантского состава дали ответ на вопрос. В Красной Армии командир лично отвечал за срыв атаки. Соответственно, он будет вновь и вновь гнать солдат на убой, чтобы выполнить приказ. Это не означает, что ему не жалко своих людей, однако отношение к жизни бойца в Красной Армии иное, чем в вооруженных силах западных стран. Передовыми позициями, укрепленными пунктами или угодившими в окружение частями жертвуют без сомнения, если жертва эта окажется выгодной в стратегическом плане. С самого момента его призыва в армию советскому солдату говорят: главное – сойтись с противником в ближнем бою. Поэтому он всегда стремится к действиям именно такого характера и хорошо подготовлен для рукопашной схватки. На умение пользоваться штыком в период подготовки новобранца отводится значительная часть времени. В штыковой русские мастера. Они также обучены стрелять с колена и лежа. А пользоваться лопаткой и винтовочным прикладом умеют ничуть не хуже, чем солдаты немецких штурмовых рот. В полевом уставе 1943 г. говорится: «Победу приносит только атака, начатая с безудержным стремлением уничтожить врага в ближнем бою». Вот в каком духе мыслили русские, устремляясь в атаку.

Лейтенант Хенерт, сидевший возле железнодорожной насыпи у села Кругловка, видел, как они идут. До противника оставалось всего 500 метров. И вот наконец Хенерт поднялся и прокричал:

– Длинными очередями!

Разом, точно свора голодных псов, затаивкали немецкие пулеметы. Красноармейцы словно подкошенные падали на землю. На место мертвых и раненых первой волны вставали солдаты второй».

Да, в такие атаки немцы не ходили, да, в таких наших атаках немцы убили сотни тысяч русских, но ужас от этих

атак у немцев оставался, и, в конце концов, это все же русские оказались в Берлине, а не немцы в Москве. Вот этот комплекс неполноценности по части мужества висел над немцами и заставлял их доказывать брехней про лопатки, что на самом деле они тоже могут, как русские, ходить в рукопашные — они тоже такие же храбрые.

. . .

А теперь о нашем русском отношении к отваге и мужеству на войне. Помню свой разговор с отцом.

— Папа, — спрашиваю я, — а ты немцев убивал на войне?

— Убивал.

— Много?

— Много...

— Лично убивал?

— Бывало и лично.

— А как?

— Да по-разному.

— А как все-таки?

— Не помню, отстань.

Но хотя я и подросток, но тактик, и начинаю делать обходной маневр, понимая, что и отец понимает, что он не может не помнить, как убил первого.

— А как ты убил первого?

Отец без энтузиазма начинает рассказывать...

Мне могут сказать, что это семья у меня такая — не боевая. Нет, это русский взгляд на войну, и русский характер. В подтверждение этого у меня имеется приличная статистика.

В газете «Дуэль» в июне 2000 года я обратился к советским ветеранам войны в статье «ЗА ДЕЛО, ВЕТЕРАНЫ!» с таким предложением.

«Совет ветеранов войны, труда, военной службы и пенсионеров района «Мещанский» г. Москвы сделал прекрасное дело, как я понимаю, по инициативе и под руководством одного из наших авторов, полковника запаса Евгения Алексеевича Богданова. Под его редакторством и при содействии Управы района «Мещанский» тиражом 2000 экземпляров выпущен сборник воспоминаний местных ветеранов о войне. Эка невидаль, скажете вы. А вот и невидаль! Этот сборник написан для собственных внуков — для детей школ района. До этого еще никто не додумался!

Ведь в школах нашу историю уродуют всякие кредеры, соросы и прочие сволочи. А мы на это пялимся и только глазами моргаем: дескать, никто ничего не может сделать. А ветераны Мещанского района взяли и сделали!

А ведь это еще не вся польза от такого сборника. Ветераны умирают и уносят с собой истинные знания о войне, а мы потом пытаемся узнать о ней из книг писателей, многие из которых видели войну из глубокого тыла и, кроме этого, не понимают смысла действий на войне бойцов и командиров.

Но и это не все. Мало того, что наши дети мало знают о величайшем подвиге дедов, но если и знают, то относят это к каким-то другим дедам, а не к своим собственным. К тем, кого по телевизору и в кино показывают. А собственные деды вроде так — не в счет.

То, что сделали ветераны Мещанского района — это пример необычайной важности, пример, которому надо следовать немедленно всем советам ветеранов. Скажу цинично — пока вы еще живы.

Но только создавать подобные сборники надо без тех ошибок, которые допущены первопроходцами. Их две.

Вспоминайте для детей! У нас, у русских, есть достоинство и недостаток одновременно — скромность. Мы страшно боимся, чтобы нас не сочли хвастунами. Очень часто эта скромность уместна, но не в случае, когда вы рас-

сказываете детям о войне! А ветераны Мещанского района написали воспоминания так суконно, что их только бывшие командиры и способны прочесть. Не только дети — взрослые не поймут, что же ветераны на войне делали, и зачем все это надо было.

Вот, к примеру, воспоминания Б.Н. Житова, бывшего командира пулеметного взвода, уже в войну умевшего написать, на мой взгляд, неплохие стихи. Пародирую: «прибыл на фронт, участвовал в боях», «из 120 бойцов нашей стрелковой роты осталось в строю 27 человек, из трех пулеметов в моем взводе остался один», «был тяжело ранен, прибыл на фронт, участвовал в боях, был ранен...» — и так четыре раза. И все. Уважаемый Борис Николаевич Житов! А вы зачем на войну ходили? Чтобы людей потерять и самому быть раненым? И только-то?! Вы почему ничего не рассказали, как не Вас, а как Вы немцев били?! Когда вы пишете для детей, то ваша скромность хуже преступления! Ведь они ничего не поймут, а надо, чтобы они захотели после Вашего рассказа быть, как Вы, а не как Рембо. Чтобы, прочитав Ваш рассказ, бежали на улицу играть в командира пулеметного взвода! Нашего, советского пулеметного взвода!

И так написали почти все ветераны. Наш прекрасный автор В.В. Глуховский написал так серо, что хоть плачь! Ведь Вы детям писали, Василий Васильевич, как же можно было не рассказать им, как Вы стреляли, как от ваших выстрелов падали или хотя бы скрывались враги?

Это уже не скромность, это полное непонимание того, как у наших детей повернуть мозги.

Единственным, кто правильно понял, зачем он пишет воспоминания, оказался бывший матрос Амурской пограничной флотилии Алексей Сергеевич Кузнецов. Чтобы понятно было, о каких воспоминаниях для детей я пишу, дам его рассказ почти полностью:

«После взятия японских пограничных постов наш отряд получил задание — найти возможность для прохода

боевой техники наших войск по одной из дорог в горах Хингана. Выступили темной ночью, шли, в основном, по компасу. Достигли реки, которая оказалась одним из притоков реки Сунгари, вдоль которой наши войска устремились на город Харбин.

На берегу реки остановились, осмотрелись. Ни перехода, ни переправы на другой берег не было видно. Вскоре обнаружили стальной трос, перекинутый через речку. Решили, что это, возможно, трос для парома, хотя из-за темноты противоположный берег не был виден, да еще непрерывно шел морозящий дождь.

Командир отряда принимает решение: послать вплавь на другой берег реки добровольцев с задачей — выяснить, есть ли паром, а если есть, то перегнать его на наш берег. Командир вызывает добровольцев — тишина, только река гудит. В это время года в Маньчжурии сезон дождей, реки многоводны, течение в них быстрое. Плыть по такой реке ночью, в бурном потоке большой риск. Командир объясняет, что приказать в данных условиях он не может, так как еще не знает, кто из личного состава отряда хорошо плавает. Объяснил, что времени терять нельзя. Вызвал добровольцев вторично. Тогда вперед вышел я.

Вторым вызвался старшина Фокин. Мы зашли вверх по течению и сняли с себя все, что могло мешать плыть.

Первым в воду вошел я. Меня тут же сбило с ног и понесло, как щепку. Несло меня в потоке воды минут двадцать. Я с трудом зацепился за противоположный берег, вылез на него и осторожно пошел в сторону, где, по моему представлению, мог находиться паром. Не доходя до места нахождения предполагаемого парома, я залег в низинке и стал дожидаться прихода Фокина. Приглядевшись, я увидел в полосах дождя контуры парома, а на фоне более светлой полосы горизонта сидящего на поваленном дереве человека. Человек явно дремал. Приблизившись, я различил у него на коленях винтовку — значит, часовой. Стал

вести себя еще более осторожно. Прошло более полчаса. Фокина все не было. Хода назад тоже. Беспокоила мысль, что если часовой дремлет, значит, скоро может быть смена, так как свежий часовой дремать не станет.

Время идет. В отряде ждут результатов нашей разведки. Решил действовать в одиночку. Эх, думаю, была — не была. Или грудь в крестах, или голова в кустах!

Подобрал увесистый камень и под шум дождя, босяком, подобрался к сидевшему сзади. Оглушив часового камнем, забрал у него винтовку и забрался на паром. Приспособления, которое накидывается на трос для перетяжки парома вручную, не нашел. Схватился за трос голыми руками. Потянул. Паром продолжал стоять, а все ладони были в крови. Трос оказался старым, часть стальных нитей лопнула и, как иголками, впивалась в ладони. Догадался, что можно спустить рукава гимнастерки на ладони и их обшлагами братья за трос. Поднапрягся и сдвинул паром с места. Видно, недаром меня в отряде называли медведем.

Медленно, потихоньку перетянул паром до нашего берега, чему сам был очень рад, а мои товарищи довольны.

Командир отряда доложил по радиации обстановку, объяснил причину нашей задержки, а также о том, что старшина Фокин не вернулся, но его документы и оружие в отряде. Отряд двинулся дальше по заданному маршруту.

За выполнение задания, связанного с риском для жизни, я был награжден медалью «За отвагу».

Матрос Амурской пограничной флотилии
А.С. Кузнецов».

Вот такое воспоминание прочтет наш русский паренек, и у него не сможет не зародиться мысль: «А зачем мне эти фантастические голливудские рембы, если у России есть абсолютно реальные Кузнецовы? И они не где-то, а в моем районе и живут в соседнем доме».

Вторая ошибка района «Мещанский» — это обращение ветеранов к детям в начале сборника. Оно хорошее, но не для данного момента. Ведь сегодня не только дети — взрослые одурачены. А ветераны обращаются к детям так, как будто эти дети все о войне и о СССР знают правильно. Пусть простят меня ветераны, но я предложил бы им такой вариант вступления.

«Ребята! Наша Россия не всегда была такая, как сегодня. 60 лет назад она была вдвое больше по территории, и все мы (не только нынешние народы России, но и украинцы, белорусы, молдаване, грузины, армяне, азербайджанцы, казахи, туркмены, таджики, узбеки, литовцы, латыши, эстонцы) были братьями, а наша страна называлась Союзом Советских Социалистических Республик.

Называлась она так потому, что у нас в стране не было паразитов, которые бы грабили трудящегося человека, которые бы жили за счет других людей. Мы таких паразитов презирали, а наше государство их наказывало.

За это нас очень ненавидели в других странах, где паразиты, как сегодня в России, по закону считаются уважаемыми людьми. И паразиты в Англии, Франции, США и других странах решили натравить на нашу страну Германию и этим погубить.

А в Германии в 1933 г. к власти пришел А. Гитлер, который сумел убедить немцев, что они «высшая раса», и поэтому у них, немцев, должны быть в рабах люди «низшей расы». Такими людьми «низшей расы» немцы считали многих, в том числе и нас — русских. Вместе с Гитлером немцы размышляли захватить нашу страну сначала до Урала и Каспийского моря, сократить население русских до уровня, необходимого для работ у них на полях и в шахтах, и заселить всю эту территорию немцами. Так что, ребята, если бы мы, ваши деды и прадеды, в той войне не устояли, то вы бы сегодня или вообще не родились, или уже работали бы на шахтах, так как немцы считали, что русским 4-х классов образования будет вполне достаточно.

Франция и Англия науськивали Гитлера на нас и в 1938 году отдали ему Австрию, Чехию и Словакию. Но Гитлер был себе на уме и СССР побаивался, поэтому он сначала (в 1939 г.) разгромил и захватил Польшу (которая в 1938 г. помогала ему захватить Чехословакию), а в 1940 г. напал на Францию и Англию и подчинил себе Францию полностью. Так что когда 22 июня 1941 г. немцы без объявления войны напали на нас, то им делала оружие почти вся Европа и в их войсках была собрана сволочь со всего мира. Достаточно сказать, что когда мы, наконец, разгромили Германию и разобрались с взятыми в ходе войны пленными, то оказалось, что вместе с немцами нас, советских людей, убивали и грабили венгры, румыны, чехи, словаки, итальянцы, французы, голландцы, финны, бельгийцы, датчане, испанцы, норвежцы и даже тогда нейтральные шведы. Всем хотелось русской земли и русских рабов. Немцы ликвидировали Польшу как государство, а поляков сделали своими рабами. Мы Польшу освободили. И что же? Оказалось, что вместе с немцами у нас в 1947 г. в плену сидит 60 280 поляков, которые сражались против нас. Немцы хотели со всей занятой ими территории СССР убрать всех евреев. И что же? Оказалось, что вместе с напавшими на нас немцами мы взяли в плен 10 173 еврея в немецких мундирах.

А на нашей стороне были только честные люди Англии и США, которые по-настоящему вступили в войну всего за год до Победы — летом 1944 г.

Конечно, Советский Союз к войне готовился: подтянул к границе очень много наших войск, а 18 июня 1941 г., за три дня до нападения немцев, наш Генеральный штаб дал приказ привести эти войска в боевую готовность к отражению немецкого удара. Но командовавший нашими войсками в Белоруссии генерал Павлов предал — не привел войска в боевую готовность. И немцы здесь нанесли главный удар. Даже под командой предателя наши войска яро-

стно сопротивлялись, но немцы быстро их окружали и рвались к Москве, заходя в тылы другим нашим фронтам и армиям.

Мы, советские люди, любили свою Родину, нам не нужны были ни чужие земли, ни рабы. Поэтому мы, конечно, так, как немцы, к войне не готовились, нам нужно было разозлиться и прийти в боевую ярость. В связи с этим к всеобщему нашему горю немцы в начале войны добились больших успехов — они подошли к Москве, а летом 1942 г. — к Волге и вышли к Кавказу. Мы потеряли много людей, много заводов и много оружия. Но не сдались!!

А немцы были великолепными солдатами, не чета нынешнему НАТО. Они были храбрые, у них было самое тогда совершенное оружие и боевая техника. Если бы не наша Красная Армия и если бы не мы, то немецких солдат и их армию надо было бы считать наилучшими в мире.

Польшу с ее армией в 1,2 млн. человек они разгромили в две недели, причем поляки потеряли всего 60 тысяч солдат (т.е. 5% от численности польской армии) и сдались. Французов немцы победили за месяц, французы потеряли всего 100 тыс. солдат из своей армии в 2,2 млн. человек (менее 5%) и сдались.

Красная Армия на всей территории СССР насчитывала 5,1 млн. человек, а входе войны мы потеряли почти 10 млн. солдат, почти две Красные Армии, но не сдались!! Ради вас, ребята, не сдались.

И к 9 мая 1945 г. (выбив у немцев тоже две их армии численности 1941 г.) мы добились их и всех их европейских холуев в их же Берлине.

Так что, ребята, вам, внукам советских людей, не требуется брать пример со всех этих американских рейнджеров и рэмбо. Вам его есть с кого брать. Ваши деды и прадеды били даже немцев Гитлера, а гитлеровским солдатам эти рэмбо и в подметки не годятся».

Итак, ветераны Мещанского района Москвы начали и показали пример. Теперь всем советам ветеранов нужно сделать то же. Только не начинайте с воплей, что деньги нужны. Это в нашем случае не главное, и об этом ниже.

Сначала успейте сохранить воспоминания ветеранов, для чего обяжите каждого написать воспоминания именно для детей и обязательно с хорошо растолкованным *победным* эпизодом войны. Не было своего — опишите подвиг друга. Это главное!»

. . .

Затем я предложил ветеранам газету «Дуэль» для публикации их воспоминаний и летом 2001 года в пяти номерах дал объявление:

«ТОВАРИЩИ ВЕТЕРАНЫ! Еще раз обращаюсь к вам — подумайте о внуках и будущих поколениях! Ведь сегодня наши подростки берут пример с кого угодно — с каких-то вонючих Рэмбо и Шварценеггеров, но только не с вас. Оставьте же потомкам воспоминания о себе, но не слезливые жалобы о своих муках, а воспоминания о своих подвигах, о том, как вы собственным умом, мужеством, храбростью сумели в бою победить немцев, американцев и прочих душманов.

«Дуэль» и военный летчик, писатель Станислав Грибанов собирают воспоминания ветеранов для серии сборников «Только один бой». Мы просим вас описать один бой из вашей биографии, бой, в котором вы победили врага. Опишите подробно (чтобы подросткам было интересно), как вы это сделали, за счет чего одержали победу. Если не можете писать, надиктуйте детям, внукам.

Вы умираете, а от ваших подвигов ничего не остается, кроме брехливых мемуаров генералов. Дайте же возможность вашим потомкам гордиться вами! Лично вами, а не только всеми вами вместе.

К тексту воспоминаний приложите краткую справку о себе: когда и где родились, кем служили, кем работали (или работаете) после войны, где живете. Сделайте копию своей фронтовой фотографии. Не беспокойтесь о литературе и стиле — мы все это выправим.

Помогите друг другу в этом деле. За работу! «Дуэль» ждет от вас воспоминаний».

Мы получили довольно много воспоминаний, но каких! Большинство ветеранов начисто проигнорировали мое требование и не то, что не стали хвастаться боевыми победами, но и вообще и об этом предпочитали не писать. Причем, не писали и настоящие фронтовики, прошедшие десятки успешных боев. Вот, к примеру, Кирилл Константинович Берендс. У него 4 настоящие, не юбилейные боевые награды, да еще такие, что всем фронтовикам на зависть: от медали «За отвагу» до «боевика» — самой почетной военной награды — ордена Боевого Красного Знамени. Ему было, о чем рассказать. Комбат полковой батареи Берендс умом и мужеством наверняка обеспечил уничтожение своей батареей вряд ли менее сотни крупных целей: пулеметов, минометов, пушек ПТО, немецких пехотных орудий, цепи атакующих немцев. А вы посмотрите, что он вспоминает.

«Началом этого боевого события стала наша Рава-Русская наступательная операция в июле 1944 г. на территории Западной Украины. Мне довелось быть ее участником: я тогда командовал полковой артиллерийской батареей 76-мм орудий, служил в 43-м Даурском стрелковом полку 106-й Забайкальской дивизии. Перед началом наступления наш исходный рубеж находился в тридцати километрах западнее Луцка.

Перевес в силе был на нашей стороне, поэтому мы успешно наступали и уже 22 июля достигли берега пограничной с Польшей реки Западный Буг. Несмотря на то,

что к тому времени уже прошли три года войны, на границе многое напоминало о первых боевых днях прошлых лет: разрушенные постройки пограничной заставы, бывшие укрепления, глубокие воронки на земле и братские захоронения погибших пограничников и членов их семей. Сейчас близко от этого места вырос город угледобытчиков — Нововолынск.

Без промедления мы форсировали Западный Буг и повели бой за первый для нас населенный пункт на польской земле (м. Крылув). Этот бой был коротким и жарким. «Чужая» земля с первого нашего шага по ней оказалась даже очень колючей. Последующие бои носили характер преследования нами отступающего к Висле противника. 2 августа мы дошли до берега Вислы. Судя по карте, в этом месте (населенный пункт Аннополь) должен был находиться мост через реку. Однако накануне ночью оттуда доносился грохот взрывов, ночное небо освещалось большим заревом.

На месте моста мы увидели одни только торчавшие из воды обуглившиеся сваи. Надежда на то, что мост цел, вызывала у многих командиров частей уверенность в быстрой переправе через водный рубеж. Поэтому вскоре на берегу скопилось очень много всего: пехота, артиллерия, танки, обоз. Настроение у многих уже было победное: пренебрежительно относились к мерам предосторожности и маскировки.

Противник же не дремал и, видимо, ждал подходящего момента: он обрушил на нас сильный огонь, за короткое время мы понесли большие потери, в том числе были уничтожены прибывшие средства для переправы (понтонны, лодки, паром и др.).

В первых числах августа на подручных средствах нам удалось форсировать Вислу и захватить плацдарм: три километра по фронту и один километр в глубину. В летопись войны этот плацдарм вошел как Аннопольский.

Местность на плацдарме для нас была очень невыгодной: низкое и открытое пространство почти без растительности, местами заболоченное, и сыпучий песок, который затруднял, если не исключал полностью, возможность создавать укрытия и огневые позиции. За этой частью берега возвышалась гряда холмов, занятая противником. Поэтому он хорошо все видел перед собой и подвергал нас прицельному огню из минометов и пушек.

Перед нами стояла задача: как можно дольше всеми силами удерживать этот плацдарм с целью отвлечения на себя сил противника с других направлений (Варшава и Сандомирский плацдарм). Последний находился очень близко от нас: мы хорошо слышали артиллерийскую перестрелку, а по ночам видели трассирующие огни и вспышки ракет.

Чтобы выполнить поставленную задачу на плацдарм были переправлены все минометы и пушки полковой и дивизионной артиллерии, за исключением гаубичных батарей артполка. Мы оказались на плацдарме заложниками. Отсутствие с нашей стороны активных боевых действий означало самоубийство. Это, видимо, хорошо понимал командир нашего полка подполковник Кузьма Константинович Драпов. Под его командованием наш полк предпринял дерзкую ночную атаку, но она еще в самом начале натолкнулась на очень сильный встречный огонь противника и захлебнулась. Желаемой цели — улучшения занимаемых нами позиций — мы не достигли, потеряли убитым командира полка (похоронен в Луцке на мемориальном кладбище Героев прошлой войны).

В ночь на 30 августа противник сперва огнем подавил все наши огневые средства на восточном берегу Вислы, затем обрушил огонь на плацдарм: весь плацдарм был перепахан взрывами мин и снарядов, оборона разрушена, и мы понесли большие потери. По дороге к мосту с холмов спус-

тились немецкие танки. И все же из последних сил, но мы сопротивлялись, хотя и были уже обречены на гибель.

К рассвету наступившего дня Аннопольский плацдарм перестал существовать. Живыми из тех, кто был на нем, остались очень немногие. Моя вина в том, что я уцелел, а вся моя батарея погибла. Прийти в себя после случившегося было трудно: эта «победа» далась нам большой ценой и небывалым подвигом!..

Ко мне подошел один из уцелевших батарейцев и положил передо мной «замок» одного из наших орудий: «...Это все, что осталось от них...» В своем донесении на чарту полка я ходатайствовал о награждении, посмертно, всего орудийного расчета... Таким был тот, запомнившийся мне на всю жизнь «один бой» протяженностью от Буга до Вислы. О нем остались лишь воспоминания его участников и братские могилы наших воинов, павших в боях на польской земле».

. . .

И вот таких воспоминаний чуть ли не большинство! Я не выдержал и вновь обратился к ветеранам: «Товарищи ветераны! Ну, перестаньте ныть и выставлять подвигом то, как вам было плохо и трудно. Это подвиг, но ветеранским нытьем заполнены все остальные издания. Пишите не о том, как вас били, а о том, как вы били! И поподробнее, чтобы детям было понятно и интересно». После этого обращения ветераны меня же и обругали: «...я был очень удивлен, когда на такой порыв одного из тех солдат Вы, Ю.И., выступили с назиданием ветеранам войны — я имею в виду рассказ т. Берендса в № 1 «Дуэли» «Моя вина в том, что я уцелел». Как же так, Вы, человек, знающий ту войну, по-видимому, только по фильмам да по романам, пытаетесь «отечески» вразумлять солдат «сороковых-роковых», где была грань на той войне ДО и ЗА подвигом. Да

и вообще, что можно считать подвигом, когда вся жизнь солдат на ТОЙ войне была за гранью возможного... получить отповедь «за нытье», подобно той, что удостоился т. Берендс, просто несправедливо и обидно. Думаю, что Вы отбили охоту у многих фронтовиков-окопников рассказать о себе, как они шли к Победе. Ведь война – это не только одни подвиги, а непомерный ратный труд, что само по себе – подвиг».

Вот так! Вот и попробуй из этих русских сделать баронов мюнхаузенев. Не тот характер...

Глава 6

ГЛАВНАЯ УДАРНАЯ СИЛА

В свое время мы затеяли обсуждение причин поражений в той войне для того, чтобы понять, как победить в будущей войне и этим ее предотвратить. О взаимодействии сил и средств в бою я уже написал. Но я сделал для себя и сугубо профессиональный вывод, ведь по военной профессии я командир взвода средних танков.

Это звучит парадоксально, но я пришел к выводу, что танковые войска, как таковые, не имеют никакого боевого смысла и современные танки типа Т-80 — дорогие игрушки, ничего не дающие для победы,

Сначала поясню, какие танковые войска я имею в виду.

У нас, да и в любой армии, основой (главной силой) сухопутных войск является пехота, или, как ее по-современному принято называть, мотострелки. А главной ударной силой сухопутных войск считаются танковые войска.

Сегодня (строго говоря — по состоянию на 1972 г., когда я проходил сборы, но думаю с тех пор никаких существенных изменений не произошло) наши стрелковые войска по сути являются стрелково-танковыми. В стрелковом полку на 3 стрелковых батальона, которые передвигаются на бронетранспортерах или боевых машинах пехоты, имеется и танковый батальон. У танкистов этих батальонов красные петлицы, как и у стрелков.

Кроме этих танкистов, имеются собственно танковые войска. В чисто танковых полках имеется только 3 танковых батальона, никаких более-менее серьезных стрелко-

вых подразделений в танковых полках и дивизиях нет. Танкисты этих войск носят черные петлицы, и когда я говорю, что танковые войска не имеют смысла, то имею в виду именно эти танковые полки, дивизии и их объединения.

Пришел я к этой мысли, пытаюсь проследить за мыслью немцев, строивших свою армию в канун и в ходе Второй мировой войны. Тут важно не просто отмечать то, что они имели, а причину того, почему они это имели, зачем и что от этого они хотели получить. Это важно понимать потому, что и у них не всегда было всего в достатке, и они часто исходили не из идеала, а из конкретных возможностей. Но при этом немцы сохраняли трезвость в вопросе о том, как победить в бою, (Чем больше узнаешь немцев, тем больше возникает уважения к своим отцам и дедам, сумевшим завалить такого мощного противника.)

В нашем советском понимании танковые войска — это только ганки, в немецком (той войны) понимании — это вооруженная танками подвижная пехота с подвижной артиллерией и другими родами войск. Забегая вперед, скажу: наши сегодняшние мотострелковые войска — это и есть в понимании Гудериана танковые войска. Дивизия, в составе которой только танковые батальоны, с немецкой точки зрения — глупость. Ненужная и вредная. Почему?

Потому что немцы ясно представляли себе, что такое победа в сухопутном бою, — это когда местность захвачена и очищена от противника. Захватить и очистить местность может только пехота, и танки без нее не имеют никакого значения. Поэтому и развитие танковых дивизий немцев шло в сторону увеличения численности мотопехоты по отношению к одному танку.

Если к началу Второй мировой войны в немецкой танковой дивизии была танковая бригада, состоящая из двух танковых полков двухбатальонного состава (в среднем — 324 танка) и одна мотопехотная бригада, состоящая из одного мотопехотного полка и мотоциклетного батальона, то к началу войны с СССР в танковой дивизии немцев на один

танковый полк приходилось уже два мотопехотных полка. То есть, если в 1939 г. соотношение между танковыми и мотопехотными и мотоциклетными батальонами было в среднем 1:1, то к 1942 г. стало 1:3, а количество танков в танковых дивизиях сократилось до 149–209 единиц. По отношению к мотострелкам столько же собственных танков и в нынешней нашей мотострелковой дивизии.

Более того. В танковых корпусах немцев были и мотопехотные дивизии, которые совсем не имели танков. Иногда на две танковые приходилась одна мотопехотная, а иногда на одну танковую — две мотопехотных. То есть, в нашем нынешнем мотострелковом корпусе по отношению к пехоте танков больше, чем в немецком танковом корпусе той войны.

Тогда вопрос: почему немцы свою мотопехоту с танками называли танковыми войсками — танковыми дивизиями, корпусами, армиями?

Из-за экономических трудностей. Они не имели столько автомобилей, тягачей, самоходных орудий и бронетранспортеров, чтобы оснастить ими все свои сухопутные дивизии. Накануне войны с Францией они демоторизовали сухопутные войска — они изъяли у всех пехотных дивизий автотехнику боевых подразделений и передали ее танковым и мотопехотным дивизиям, а пехотные дивизии оснастили гужевым транспортом.

Следовательно, разделение дивизий немцев на пехотные и танковые — это мера вынужденная, по их изначальной идее все дивизии вермахта должны были быть танковыми в немецком понимании, т.е. такими, как наши нынешние мотострелковые.

. . .

Исходя из смысла того, что такое победа в бою, наши сегодняшние танковые войска (полки и дивизии) бессмысленны, поскольку танк сам не в состоянии очистить терри-

торию от врага, следовательно, он не может и одержать победу в бою.

Мне скажут, что нашим танковым войскам никто и не ставил в задачу самостоятельно одерживать победу, они должны действовать вместе с мотострелками. Я знаю, все же хоть и офицер запаса, но меня учили тактике, и я помню, с кем должен идти в атаку.

Когда, развернув свой взвод в боевую линию, я пойду в атаку, за мной должна подняться в атаку мотострелковая рота. Все это правильно, и все хорошо, но возникает вопрос: если в этой атаке сгорят мои танки и погибнут экипажи, кто будет виноват в этом? Я или командир мотострелковой роты, который не уничтожил гранатометчиков? Если я придан этому ротному, то вроде он, но и у него есть доводы — а может, мои танкисты сгорели потому, что это я плохо подготовил их к бою или плохо командовал ими в бою? То есть — я сам и виноват.

Отвлекусь. Тактику нам читал тогда подполковник Н.И. Бывшев, ветеран, танкист. Помню занятие по тактике — я командир танка, идущего с пехотой в атаку, мне нужно давать команды экипажу. Я командую заряжающему: «Бронебойным!» Наводчику: «Ориентир два вправо 10 танк в окопе 1100!» И на подтверждение заряжающего «Готово!» и наводчика «Цель вижу!» даю команду механику-водителю: «С короткой!» Но скомандовать «Огонь!» Николай Иванович мне не дал: «Нельзя останавливаться!» (По команде «С короткой» механик-водитель должен остановиться на время, пока наводчик наведет пушку на цель и выстрелит, т.е. на 3-5 секунд). «Почему? — удивился я. — Ведь с места точнее прицелишься и больше вероятности, что попадешь».

«Потому, — пояснил настоящий танкист, ходивший в такие атаки во время войны, — что пехота, увидев, что ты остановился, немедленно заляжет, а поскольку над ней будут свистеть пули, то поднять ее будет невозможно и

дальше ты пойдешь в атаку один». Это к вопросу о том, как на реальной войне взаимодействуют несколько родов войск.

Но вернемся к примеру со сгоревшими танками. И ротный может доказать, что не виноват, и я могу. А если никто не виноват, то нет и ответственного за бой, а если нет ответственного, то нет и единоначалия, а нет единоначалия, то это уже не армия, а бардак.

Вы скажете — а как же немцы? Ведь у них тоже танкисты были в танковом полку, а пехота — в мотопехотном. Пусть и в одной дивизии, но все же разделены на рода войск.

Это разделение было вызвано не потребностями боя, а экономическими возможностями. 22 июня 1941 г. сухопутные войска Германии напали на нас силами 121 дивизии, из которых лишь 17 были танковыми. Но ведь проблемы, требующие танков для их решения, возникали и у пехотных дивизий. И танковые дивизии командировали на время свои подразделения (сопровождаемые ремонтно-эвакуационными) в пехотные дивизии. Уже по этой причине включить танки в состав пехоты было невозможно. По этой причине тяжелые танки «Тигр» вообще не включались в армейские танковые дивизии, а составляли 14 отдельных батальонов и несколько рот отдельных и в дивизиях СС. То есть то, что у немцев существовали и танковые части, исходило не из их принципа ведения боя, а из необходимости: ножки нужно протягивать по одежке.

Но надо обратить внимание на вопрос, который у нас среди историков никто и не ставит — это исключительное воинское товарищество, существовавшее в гитлеровской армии. Ведь немцы выручали друг друга ценою жизни вне зависимости от того, в каких родах войск находились. Вот, к примеру, строчка из записок Г. Гудериана: «3 сентября я проехал мимо тыловых подразделений 10-й мотодивизии и участвовавшей в бою хлебопекарной роты к мотоциклетным подразделениям дивизии СС "Рейх"». Как вам нравится эта «хлебопекарная рота»?

Или вот начальник штаба 20-й танковой дивизии немцев докладывает о боях по блокированию под Вязьмой соединений нашей 33-й армии. Сообщает, что с 1 по 26 февраля 1942 г. отбил 65 атак численностью свыше батальона с танковой поддержкой и 130 атак численностью менее батальона, уничтожив при этом 26 танков силами дивизии и 25 танков приданными батареями 88-мм зенитных пушек. Танковая дивизия – это сухопутные войска, подчинявшиеся своему главнокомандующему фельдмаршалу Браухичу. 88-мм зенитки – это люфтваффе, подчинявшиеся рейсхмаршалу Герингу. А 88-мм зенитка – это орудие больших размеров и весом в 8 т. Выкатить его на прямую наводку против наших танков – это большой риск для зенитчиков, чье дело сбивать самолеты. Но выкатывали и подбивали наши танки. Немцы как-то умели объединить свою армию в едином порыве.

В Грозном чеченские боевики уничтожали опорные пункты МВД России, а рядом расположенные армейские части и пальцем не шевелили. Вы скажете, что это предательство Кремля. Да, но в чем оно выразилось? В том, что на одном поле боя было два рода войск с одной задачей, но подчинявшихся разным командирам. Ведь если бы и армия, и МВД подчинялись одному, если бы этот командир отвечал за каждого убитого солдата и милиционера одинаково, то этого бы не было.

Вот такие размышления еще раз подвели меня к первому выводу, что танковые войска в том виде, в каком они у нас сегодня существуют, никому не нужны. Не только их идея не соответствует идее победы в наземном бою, но она и создает трудности в управлении войсками.

. . .

Однако то, что написано выше, это мелочи, пустяки, и не стоило бы о них упоминать, если бы не более серьезные обстоятельства. Давайте вспомним историю танковых войск.

После своего рождения в годы Первой мировой войны и подросткового состояния, танковые войска достигли своего расцвета именно у немцев.

В 1939 г. тогда еще немногочисленные танковые дивизии шли впереди тогда еще достаточно юной армии Германии и обеспечили разгром миллионной армии Польши за две недели.

В 1940 г. танковые армии немцев обеспечили окружение и разгром превосходящей по силам армии франко-английских союзников практически тоже за две недели.

В 1941 г. четыре танковые армии немцев во главе сухопутных войск обеспечили громкие победы германскому оружию под Минском, Смоленском, Вязьмой, Киевом. А в 1942 г. — под Харьковом с выходом к Волге и Кавказу. В том же году советские танковые войска пробили бреши для окружения немцев под Сталинградом, и далее советские танкисты составляли кулаки тех ударов, которыми Красная Армия погнала немцев назад к Берлину.

Но дальше все пошло не так. Закончилась Вторая мировая, танковые войска во всех странах непрерывно развивались в сторону резкого удорожания танков и содержания этих войск. Казалось, они становятся все сильнее и эффективнее. Но...

Арабо-израильские войны, в которых египтяне и сирийцы имели превосходящие танковые силы и наших советников, окончились для арабов поражением. Наличие танковых войск не привело к победе.

Вьетнамская война не добавила славы танковым войскам США, неплохие американские танки ничего в этой войне не решили.

Афганская война показала бесполезность этих войск даже против достаточно слабого противника.

То же показала война в Чечне.

Оказалось, что стороне, имеющей развитые танковые войска и «суперсовременные» танки, проиграть войну ничего не стоит.

Мне скажут, что арабы — плохие солдаты, что в джунглях танку воевать неудобно, что в горах ему воевать неудобно, что в городах ему воевать неудобно. А почему? Почему сегодня такие танки, что им нигде воевать не удобно? Почему танк, прикрытый 100 мм брони, не может воевать в городе, а пехотинец, прикрытый только собственной гимнастеркой, может? Почему мы строим такие танки, которые не могут воевать там, где надо воевать?

И кто сказал, что они способны воевать там, где якобы они могут воевать, — в чистом поле? Ведь и там из замаскированных окопов по ним могут шарахнуть из гранатомета не хуже, чем из окна здания в городе. Более того, в чистом поле их ждет то, что в городе применить нельзя — противотанковые реактивные управляемые снаряды (ПТУРСы).

Так что дело не в том, что танки применяют там, где, по мнению кабинетных теоретиков, их «применять нельзя», а в том, что нынешние танки ни для какого боя не годятся — это бесполезно сделанные обществом затраты.

. . .

О том, как смотрят на применение танков нынешние специалисты, хорошо видно из статьи В. Ильина и М. Никольского «Современные танки в бою» из журнала «Техника и оружие» №1, 1997 г. Хотя статья в общем посвящена сравнению наших и израильских танков, но в ней показаны и конкретные примеры боев.

«Ливан, 1982 год. Первыми танками нового поколения, принявшими участие в реальных боях, стали Т-72 сирийской армии и израильские «Меркавы» Мк.1. 6 июня 1982 года началась пятая арабо-израильская война. В ходе операции «Мир для Галилеи» израильская армия, поддерживаемая мощными ударами с воздуха, вторглась в Южный Ливан и начала продвижение в направлении Бейрута, гро-

мя лагеря Организации освобождения Палестины, которую поддерживала Сирия.

Первые два дня боев израильтянам противостояли лишь палестинские бригады «Айн Джалут», «Хатын» и «Эль Кадиссия», вооруженные устаревшим советским оружием (в частности, танками Т-34 и Т-54). Главные силы сирийской группировки в Ливане — три дивизии в первом эшелоне и две во втором — к началу израильского наступления находились в запасных районах. В полосе обороны остались лишь силы прикрытия, а также ложные цели — надувные, закамуфлированные под цвет местности «танки», «орудия» и «зенитные ракетные установки», покрытые металлизированной краской и снабженные термоизлучателями, имитирующими работу двигателей. Поэтому первый авиационно-артиллерийский удар израильтян перед форсированием реки Захрани пришелся практически по пустому месту.

Главное танковое сражение развернулось утром 9 июня: за ночь сирийские войска выдвинулись из запасных районов и заняли заранее оборудованные оборонительные полосы. С рассветом четыре дивизии израильтян на фронте шириной более 100 км — от побережья Средиземного моря до горных районов Гармон — двинулись на противника. С обеих сторон в сражении участвовало около трех тысяч танков и боевых машин пехоты. Бой продолжался весь день и не принес ни одному из противников явного успеха. В ночь с 9 на 10 июня сирийцы провели мощный артиллерийский контрудар по передовым позициям противника, а с рассветом сирийский огненный вал обрушился по второму эшелону израильтян. 10 июня их наступление, практически выдохлось по всему фронту.

В ходе этих боев сирийские сухопутные войска уничтожили более 160 израильских танков. Значительный вклад в достижение успеха в боях 9—10 июня внесли танки Т-72, лишь недавно поступившие на вооружение сирий-

ской армии. Им противостояли модернизированные танки М60А1 (часть которых была оснащена реактивной навесной броней «Блейзер» израильского производства), а также новейшие израильские машины «Меркава» Mk.1 (к началу боевых действий Израиль располагал 300 танками этого типа).

Как правило, танковые сражения начинались на дальностях 1500-2000 м и заканчивались на рубеже сближения до 1000 м. По утверждению главного военного советника при министерстве обороны Сирии генерала Г.П. Яшкина, лично принимавшего участие в руководстве боевыми действиями в Ливане, танки Т-72 показали свое полное превосходство над бронетанковой техникой противника. Сказалась большая подвижность, лучшая защищенность и высокая огневая мощь этих машин. Так, после боя в лобовых листах некоторых «семьдесятдвоек» насчитали до 10 вмятин от «болванок» противника, тем не менее танки сохраняли боеспособность и не выходили из боя. В то же время 125-мм снаряды Т-72 уверенно поражали неприятельские машины в лоб на дальности до 1500 метров. Так, по словам одного из очевидцев – советского офицера, находившегося в боевых порядках сирийских войск, – после попадания снаряда пушки Д-81 ТМ с дистанции приблизительно 1200 м в танк «Меркава» башня последнего была сорвана с погона.

...Израильский фронт оказался перед угрозой развала, но 11 июня в 12 часов боевые действия были приостановлены: американские эмиссары Шульц и Хабиб, прибывшие в Дамаск, убедили сирийское руководство прекратить контрнаступление, гарантировав, что Израиль в 10-дневный срок выведет войска из Ливана и вступит в переговоры с Сирией.

Однако мир в Галилее так и не наступил. Боевые действия возобновились 18 июля, когда израильтяне вновь предприняли попытку крупномасштабного наступления,

бои носили крайне ожесточенный характер. Лишь 21-я бригада 3-й танковой дивизии сирийцев в боях на подступах к Дамасскому плато уничтожила 59 бронированных машин противника. На этот раз, кроме танков Т-72, отлично зарекомендовали себя мобильные противотанковые ракетные комплексы «Фагот», которыми были вооружены срочно созданные подвижные противотанковые взводы танковых бригад сирийской армии. Из СССР по воздуху было переброшено 120 ПТРК (с боекомплектом по шесть ракет на каждый). Уже в Сирии комплексы смонтировали на автомобилях типа «джип». За несколько дней боев они сожгли более 150 танков противника (досталось от «Фаготов» и «Меркавам»).

...Хорошо зарекомендовал себя и израильский танк «Меркава» Мк.1, обеспечивающий отличную защиту для экипажа. Об этом свидетельствуют, в частности, воспоминания одного из участников боев, находившегося в составе сирийской армии. По его словам, батальон сирийских Т-72, совершая ночной марш, неожиданно «выскочил» на подразделение «Меркав», ждавшее прибытия топливозаправщиков. Завязался ожесточенный ночной бой на короткой дистанции. Сирийские танки, развившие высокий темп огня, быстро расстреливали свой боекомплект в барабанах автоматизированных боеукладок. Однако, к досаде сирийских танкистов, результатов их стрельбы не было видно: танки противника не горели и не взрывались. Решив больше не искушать судьбу, сирийцы, практически не понесшие потерь, отступили. Через некоторое время они выслали разведку, которая обнаружила поистине удивительную картину: на поле боя чернело большое число неприятельских танков, брошенных экипажами. Несмотря на зияющие в бортах и башнях пробоины, ни одна «Меркава» действительно не загорелась: сказала совершенная быстродействующая система автоматического пожаротушения с ИК-датчиками и огнетушащим составом «Галон 1301», а также

отличная защита боеукладки, размещенной в задней части боевого отделения с разнесенным бронированием».

Из этого описания боев совершенно не видно, чтобы нынешние танковые войска хоть в малой мере взаимодействовали со стрелками. Танковые бои ведутся только танками и как-то отдельно от остальной войны.

. . .

Но вернемся к танку. Исходя из общей философии наземного боя, какими качествами должен обладать танк? Танк, а не дорогостоящий трофей, за которым нынешние стрелки начинают охоту уже с 3000 м.

Танк слеповат, и храбрый пехотинец всегда улучит момент, чтобы выстрелить по танку, находящемуся на защищенном стрелком опорном пункте. Следовательно и прежде всего — танк должен быть неуязвим от огня оружия, имеющегося в распоряжении стрелков. Иначе это не танк: свою пехоту от потерь он защитить не сможет и для победы в бою ничего не даст.

Второе. Танк должен иметь оружие, с помощью которого удобно уничтожать пехотинцев противника. Это понятно, иначе, находясь даже целым и невредимым в опорном пункте, он не сможет удержать стрелков противника от огня по своей пехоте. Такой танк тоже не исполнит своего предназначения и тоже не нужен.

В плане оружия танка возникает несколько вопросов.

Танк не может заехать в опорный пункт противника и встать: неподвижная мишень — очень хорошая мишень. Кроме того, опорный пункт — это одна или несколько траншей, вырытых зигзагообразно, и огневые точки в глубине опорного пункта. Стрелки противника будут прятаться на дне траншей и укреплений, и их не будет видно. Над траншеями и укреплениями танку надо пройти и выместить из них противника огнем. Когда он в опорном пунк-

те повернет вдоль траншей, то с одного борта у него будут свои войска, а с другого— противник. Этого противника тоже надо удерживать от огня по танку и своей пехоте огнем оружия танка. Поэтому танк должен иметь возможность вести одновременный огонь, как минимум, в двух направлениях.

Танки начала той войны этой способностью обладали. Они могли идти вдоль траншеи, и стрелок из пулемета в лобовой плите танка простреливал траншею перед танком. А башенный стрелок (наводчик пушки и спаренного с ней пулемета), развернув башню, простреливал тылы противника. (Когда немецкие танки шли над нашими окопами, то в некоторых случаях открывали люк в днище танка и радист из автомата простреливал окопы сверху вниз).

Нынешние танки на это не способны — у них всего одна огневая точка — пушка и спаренный с ней пулемет в башне.

Еще момент. Представим, что во время атаки, когда ваш танк утюжит основную траншею опорного пункта, отступающий пулеметчик противника в 300-500 м от вас перемахнул какое-нибудь шоссе и устроился за его насыпью. Вам видна только его голова и пулемет, из которого он даст очередь и спрячется за насыпью, а потом вынырнет в 10 м справа или слева и снова даст очередь. А немецкий пулемет МГ-42 за 10 секунд выплевывал 250 патронов. Такой очередью нетрудно уложить человек 10 ваших пехотинцев, бегущих в атаку.

Если вы в современном танке, то вам надо ухитриться, управляя механизмами, поворачивающими многотонную башню и поднимающими-опускающими многотонную пушку со спаренным с ней пулеметом, подвести прицельную марку прямо под подбородок шустрому пулеметчику, пока он не скрылся. Это не просто. Пушкой или пулеметом, но стрелять ему нужно только точно в голову, поскольку по-другому его не достанешь, и вот почему.

На современном танке очень мощная пушка калибра 125-мм, которая посылает снаряд весом около 30 кг с огромной скоростью. Этот снаряд на большое расстояние летит практически по прямой (по настильной траектории). Если снаряд отклонился вниз на 20 см от головы пулеметчика (даже если он и не успел ее убрать), то разорвется во внешней насыпи шоссе. Снаряды мощной пушки ложатся на землю плашмя и почти не дают убойных осколков. Пулеметчика, возможно, ударит взрывной волной, и только. Если снаряд отклонится вверх на 20 см от головы пулеметчика, то разорвется метрах в 200 от него сзади. Чтобы попасть в такого пулеметчика из современной пушки, надо быть стрелком, попадающим белке в глаз навскидку.

А вот если у вас на танке пушка, как на первых выпусках немецких танков Т-III и Т-IV (маломощная, с длиной ствола всего в 24 калибра), то, несмотря на ее небольшой калибр (75-мм), вы этого пулеметчика достанете очень быстро. Снаряд этой пушки уже на небольшие расстояния летит по крутой траектории, т.е. сначала вверх, а потом вниз. При такой траектории насыпь шоссе для вас не преграда — вы перебросите снаряд через шоссе на голову даже спрятавшегося пулеметчика. Кроме того, при такой траектории снаряд падает уже не плашмя, а под углом к земле и убойных осколков дает много. Так что, если пулеметчик и отбежит от того места, куда вы выстрелили, то осколки его догонят.

Вот почему Гудериан сожалел, когда такие короткоствольные пушки на танках пришлось заменить на мощные, — по пехоте стало нечем стрелять.

Кроме того, из пушек современных танков долго и стрелять нельзя. Если у основных танков воюющих сторон в ту войну был в танке запас не менее 80 выстрелов к пушке, а то и более 100, то у современного танка Т-80У боезапас к пушке составляет 45 снарядов. Четверть из них считается НЗ (неприкосновенным запасом) и расходуется только по разрешению командования. С тремя десятками выстрелов не сильно настреляешься.

С танковым оружием разобрались, теперь давайте разберемся с противотанковым. Для того чтобы вывести из строя танк и его экипаж, нужно пробить его броню. Для этого существует два вида снарядов.

Первый вид – собственно бронебойные снаряды, которые, ударяясь снаружи о броню, раздвигают ее, проталкивают внутрь часть брони перед собой и сами влетают в заброневое пространство танка, ломая оборудование и убивая экипаж. (Внутри танка бронебойные снаряды могут еще и разорваться, если в них помещен заряд взрывчатого вещества).

Проломить таким образом броню – это очень большая работа, поэтому бронебойный снаряд, подлетая к танку, должен иметь очень большую кинетическую энергию. Эта энергия, как должно быть известно из школы, пропорциональна массе снаряда и квадрату его скорости. Отсюда, чем толще броня, которую надо пробить, тем тяжелее должен быть снаряд, или, что более эффективно, выше его скорость. На практике и снаряд берут тяжелый, и скорость стараются ему придать как можно более высокую.

Вот, скажем, немецкая винтовка калибра 7,92 мм бронебойной пулей весом около 8 г со стальным сердечником, вылетавшей из ствола со скоростью 895 м/сек, пробивала 10 мм брони на расстоянии 100 м. На этом же расстоянии, но пулей с вольфрамовым сердечником, вылетающей из ствола со скоростью 930 м/сек, пробивала лист брони толщиной 13 мм. Противотанковое ружье такого же калибра 7,92 мм, но стрелявшее пулей весом 14,5 г, с начальной скоростью 1210 м/сек, пробивало на расстоянии 100 м броню толщиной в 30 мм. С расстоянием скорость пули падает, поэтому на расстоянии 300 м противотанковое ружье пробивало броню 20-25 мм.

То же и у пушек. Наша 76-мм пушка, стоявшая на танках Т-34 и КВ-1, бронебойным снарядом весом 6,3 кг, вылетавшим из ствола со скоростью 662 м/сек, на расстоянии 500 м пробивала 69 мм брони, а специальным бронебойным снарядом (подкалиберным) весом 3 кг, но имевшим начальную скорость 965 м/сек, на этом расстоянии пробивала броню 92 мм. А 152-мм пушка-гаубица, стоявшая на самоходных установках, своим 49-кг снарядом, вылетавшим со скоростью 600 м/сек, пробивала 100 мм брони даже на дальности в 2 км.

Короче, чтобы пробить толстую броню бронебойным снарядом, нужна мощная пушка с длинным стволом, сообщаемым снаряду как можно большую скорость — это во-первых. Во-вторых, чем толще броня, тем более крупного калибра должна быть пушка. Ну и чем дальше пушка от танка, тем меньше вероятности, что она пробьет его броню из-за падения скорости полета снаряда.

Но есть и другой вид снарядов — кумулятивные. Главное в них — это взрывчатое вещество, как правило, цилиндрической или конической формы, у которого в торце, обращенном к броне, выполнена кумулятивная (собирающая, накапливающая) сферическая или коническая по форме выемка. При взрыве ударная волна движется перпендикулярно поверхности взрывчатки. В кумулятивной выемке волны с поверхности сферы или конуса сходятся в одной точке, образуя струю с очень высоким давлением. Если точку образования этой струи поместить на броню, то давление продавлиывает ее, вбрасывая внутрь танка ударную волну, газы и осколки самой брони. Само отверстие, пробитое в броне, порой невелико по диаметру, но осколков и ударной волны хватает, чтобы вывести экипаж и механизмы танка из строя. (При разрушении сталь брони так разогревается, что частично плавится. Поэтому раньше кумулятивные снаряды называли бронепрожигающими.)

Для кумулятивного снаряда не имеет значения ни его скорость, ни расстояние, с которого он прилетел. Им можно выстрелить из пушки, а можно его бросить рукой — эффект будет одинаков. Главное — для пробивания танковой брони самой взрывчатки требуется относительно немного.

В 1943 г. советские солдаты получили кумулятивную ручную противотанковую гранату РПГ-6, весившую 1,1 кг. Вес тротила в ней был 620 г, и она пробивала броню в 120 мм. Немецкий фаустпатрон, весом около 5 кг, стрелял на дальность до 70 м гранатой весом около 3 кг. Вес кумулятивного заряда был 1,7 кг, что обеспечивало пробивание брони 200 мм. А такая броня и сегодня танку не под силу, ее можно поставить только спереди, но на борта и корму даже у тяжелых танков идут бронелисты в 60-80 мм.

Кумулятивные гранаты (гранатометы и их разновидности) решили вопрос борьбы пехоты с танками — пехота перестала их бояться.

Но у кумулятивного снаряда есть одна особенность — он должен разорваться строго ориентированно и строго на броне. Если он упадет плашмя на броню, то кумулятивная струя пройдет мимо брони или скользнет по ней и пробить ее не сможет. Если кумулятивный снаряд разорвется, не долетев до брони, то кумулятивная струя рассеется и броню не проломит.

. . .

Теперь давайте рассмотрим, с чего танкисты начали и как дошли до сегодняшнего состояния дел.

Трудно сказать — понимали ли генералы Красной Армии перед войной философию будущих боев (их принцип). Скажем, в своем известном докладе «Характер современной наступательной операции» на Совещании в декабре 1940 г. Г.К. Жуков учил, что оборону противника должны прорывать стрелковые корпуса, а танковые располагал

в тылу для будущего броска в пробитую стрелками брешь. Видимо, смотрел на танки, как на самодвижущуюся тележку, которая ездит быстрее тарантаса.

Строго говоря, танки, которые соответствовали философии будущих боев, — это Т-35 (пятибашенные) и Т-28 (трехбашенные). Эти танки имели маломощную пушку, а их огневые точки позволяли вести огонь не только в двух, но и в трех, и в пяти направлениях. Но у них была очень тонкая броня, они были маломощные и, главное, немцам и не пришлось их подбивать — подавляющее их число сломалось, так и не доехав до поля боя. Получив эти трофеи, немцы не стали их использовать в боях (Т-34 и КВ-1 они использовали), правда, один трофейный Т-28 был на вооружении финской армии.

Легкие танки Красной Армии (Т-26 и БТ) философии боя не соответствовали ни по какому параметру — их броня пробивалась из винтовки, огневая точка была только одна, а 45-мм пушка была относительно мощной с настильной траекторией стрельбы.

Лучшими танками были Т-34 и КВ — их мощную броню с трудом пробивали даже пушки, а немецкая пехота против нее была бессильна. Огневых точек было две — достаточно. Но пушка на них была мощной, противотанковой. Тем не менее, Т-34 вызывал зависть даже у Гудериана, а КВ немцы использовали в своих батальонах тяжелых танков, когда наши артиллеристы и танкисты выбивали у них «тигры».

Немцы свою технику подготовили к боям абсолютно точно — их основные танки Т-III и Т-IV и даже легкий 38-т имели бронирование, против которого наши стрелки не имели никакого оружия, кроме связок противопехотных гранат и бутылок с бензином. Все вышеуказанные немецкие танки могли вести огонь одновременно в двух направлениях, основные танки имели короткоствольные маломощные противопехотные пушки, и только на 38-т стояла длинноствольная 37-мм пушка, но просто потому, что на этот легкий танк никакую другую поставить было нельзя.

Напомню то, о чем уже писал, — немцы не предполагали использовать свои танки для борьбы с нашими. Наши танки должна была уничтожить их артиллерия и авиация, в чем они, к сожалению, преуспели.

Ударив по нашим войскам своими танковыми дивизиями 22 июня 1941 г., немцы начали быстрое продвижение, в ходе которого основной целью становилась наша артиллерия. У нас историки пишут о потерях авиации и танков, а о потерях материальной части артполков как-то молчат. А ведь тут положение было не менее катастрофическим. Вот, скажем, передо мною данные о наличии артиллерии в нашей 43-й армии в начале 1942 г., перед тем, как эта армия попыталась пойти в наступление и прорваться на выручку окруженным под Вязьмой соединениям 33-й армии.

В нашей дивизии в двух артполках и в батареях стрелковых полков должно было быть по штату 90 стволов артиллерии калибра 76-мм и выше. В 7 дивизиях и одной стрелковой бригаде 43-й армии в среднем на соединение приходилось не 90, а 23 ствола — четверть от штатного количества.

К началу войны в артполках по штату было 36 орудий. В 6 гаубичных и пушечных артиллерийских полках 43-й армии (корпусных и РК) в среднем было по 15 стволов — чуть больше 40%.

Даже по довоенным штатам в каждой дивизии должно было быть по 54 45-мм противотанковых пушек. В соединениях 43-й армии в среднем было по 11 стволов, причем это с трофейными 20- и 37-мм пушками, т.е. едва пятая часть даже не потребной, а штатной численности.

Но это состояние артиллерии армии, наступавшей с декабря 1941 г., а каково оно было в ходе нескончаемых отступлений лета и осени?

Немцы нашими грабинскими 76-мм пушками Ф-22 вооружали свои противотанковые САУ «Мардер» и всего произвели 555 этих самоходно-артиллерийских установок. Но

ведь даже этим количеством пушек раньше было вооружено более 15 наших дивизий, а сколько же этих пушек было уничтожено или выведено из строя оставшимися в живых номерами расчетов перед тем, как их бросить? (Сами немцы считают, что в наступлении 1941 г. они взяли половину нашей артиллерии.)

Нашим войскам, оставшимся без артиллерии, нечем было уничтожать немецкие танки, и командование вынуждено было использовать против них советские танки, т.е. использовать эти танки не для уменьшения потерь советской пехоты в атаках, а как противотанковые пушки на гусеницах. Благо, все наши танки были вооружены мощными пушками, даже сорокапятки легких танков БТ и Т-26 с близкого расстояния способны были уничтожить любой немецкий танк той поры. Мы начали навязывать немцам танковые бои и с успехом.

А когда танкам навязывается такой бой, то уклониться им очень трудно. Это в обороне танк мог спрятаться за противотанковыми и зенитными пушками, но в наступлении он идет впереди всех родов войск — как тут уклонишься, да еще и от наших быстрых БТ и Т-34? Гудериан писал:

«Наш танк Т-IV со своей короткоствольной 75-мм пушкой имел возможность уничтожить танк Т-34 только с тыловой стороны, поражая его мотор через жалюзи. Для этого требовалось большое искусство. Русская пехота наступала с фронта, а танки наносили массированные удары по нашим флангам. Они кое-чему уже научились. Тяжесть боев постепенно оказывала свое влияние на наших офицеров и солдат... Поэтому я решил немедленно отправиться в 4-ю танковую дивизию и лично ознакомиться с положением дел. На поле боя командир дивизии показал мне результаты боев 6 и 7 октября, в которых его боевая группа выполняла ответственные задачи. Подбитые с обеих сторон танки еще оставались на своих местах. Потери русских были значительно меньше наших потерь... Приводил в смущение

ние тот факт, что последние бои подействовали на наших лучших офицеров».

К этому времени стало ясно, что блицкриг накрылся, а Урал будет строить танки во все возрастающих количествах. Следовательно, немцам стало понятно, что наше командование и в дальнейшем будет рассматривать танк основным средством борьбы с немецкими танками.

Немцам некуда было деваться, и они пошли на ухудшение своих танков — они стали устанавливать на них мощные длинноствольные пушки для единоборства с нашими танками. Почему это ухудшило танки?

Потому что для борьбы с танками нужна только пушка. Если танк предназначать для борьбы с танками, то тогда он бессмысленно возит еще два пулемета, стрелка, боезапас — ведь ничего из этого для боя с танками не требуется.

Оптимальна для борьбы с танками самоходно-артиллерийская установка (САУ). У нее из оружия — только мощная пушка. Установка легче танка, так как ей не нужна башня, поэтому, кстати, можно поставить и более толстую лобовую броню.

Вот смотрите. Мощную 75-мм пушку немцы ставили на танк Т-IV и САУ «Хетцер». У Т-IV почти вертикальные лобовые листы имели толщину 50 мм, а у «Хетцера» лобовой лист был наклонен к горизонтали под углом 30°, но толщину имел 60 мм. Тем не менее Т-IV весил 24 т, а «Хетцер» — 16 т.

Надо сказать, что у немцев шла борьба: часть танкистов настаивала, чтобы на новые танки «Тигр» и «Пантера» ставилась маломощная пушка либо гаубица. Но страх столкнуться с советскими танками был столь велик, что и Гитлер, и Гудериан отстояли все же мощные орудия.

Правда, они все время искали компромиссные варианты. Так, в тяжелые танковые батальоны «Тигров», состоящие обычно из 43 машин, добавлялась рота (14 машин) старых танков Т-III с короткоствольной пушкой, но в целом уже нельзя было остановить наметившуюся тенденцию к установке на танк мощной пушки.

В ответ на Т-34 немцы установили на свои танки длинноствольную пушку калибра 75 мм и увеличили лобовую броню до 80. В ответ мы увеличили на Т-34 броню до 90 мм и поставили мощную пушку калибра 85 мм. Немцы на «Тигр» установили броню 100 мм и мощную пушку калибра 88 мм. В ответ мы на тяжелом танке ИС-2 увеличили броню до 120 мм, а пушку поставили калибром 122 мм.

И эта гонка в танкостроении продолжается до сих пор. В 60-е годы мы имели средний танк Т-55 с мощной пушкой 100 мм. Западные немцы поставили на свой «Леопард» гладкоствольную 105-мм пушку. Мы в ответ на Т-62 поставили гладкоствольную 115-мм. Не помню, кто нацелил нас на следующий подвиг, может, английский «Чифтен» с его 120-мм пушкой, но на Т-64 мы уже поставили гладкоствольную дуру калибра 125-мм.

Вес танка непрерывно растет. В угоду пушке и броне мы уже в 1944 г. сняли с танков курсового стрелка, танки потеряли возможность вести огонь в двух направлениях и полностью превратились в противотанковую пушку на тележке. Немцы устояли в этом вопросе только до конца войны.

Броня также непрерывно росла, поднимая общий вес танка, — в последних моделях многослойная броня превышает полметра. Если в 1941 г. средний танк весил 20–25 т, то сегодня его вес приближается к 50-тонному «тигру».

. . .

Когда я уже написал эту статью, купил журнал «Техника и вооружение» №7/98 с проблемной статьей М. Растопшина «Каковы наши танки сегодня?».

Наш танк Т-80У при весе в 46 т несет на себе бронезащиту весом 23,5 т и при этом все же уступает американскому танку М1А2, у которого вес бронезащиты 30 т, но сам американец уже весит 59 т.

При этом действительно толстая броня у этих танков только спереди. Если поставить танки в центр круга, то в секторе 30 градусов вправо и влево у них спереди бронезащита достигает толщины, эквивалентной 500-700 мм однородной стальной брони. В оставшемся секторе в 300 градусов и сверху броня в 40-60 мм.

Американская 120-мм пушка пробивает лобовую броню нашего Т-80У, и поэтому у наших конструкторов задумка создать танк «Черный орел» с еще более толстой броней. Под эту задумку американские конструкторы уже разрабатывают пушку калибра 140 мм. Уныния у конструкторов нет. В ответ на их дуру в 140 мм, мы уже прикидываем компоновку нашего танка с пушкой 152 мм.

С такой броней и пушкой нынешние танки можно ставить на баржу и смело посылать в бой с броненосцами, но к пехоте эти танки подпускать опасно — пехота живо превращает их в металлолом.

Ведь с 1943 г. по наше время и фаустпатроны с кумулятивной боевой частью тоже развились в многочисленные легкие, дешевые, мобильные средства, способные пробить любую, даже самую толстую броню. Пехота так сегодня вооружена, что танк становится для нее лакомой добычей.

Вот эпизод конкретного боя. В Чечне наши стрелки подошли к аулу, но наткнулись на плотный огонь чеченцев и залегли. На помощь им выехало два танка Т-80. Не успели танки подойти к аулу на 1,5 км, как чеченский оператор ПТУРС пустил по ним одну за другой две противотанковые управляемые ракеты (с кумулятивной боеголовкой) и сжег их моментально. Это пример использования танков на открытой местности.

Сегодня только танки пробивают броню танков бронбойным снарядом, да и то у них в боекомплекте есть и кумулятивные. Все остальные рода войск, включая артил-

лерию и авиацию, перешли на борьбу с танками только этим видом снаряда.

Танк начисто потерял свою неуязвимость и, в сочетании с потерей остальных боевых свойств, в бою перестал что-либо определять — стал дорогостоящей игрушкой генералов.

Где же выход? Можно ли защититься от кумулятивного снаряда? Да, можно. Хотя бы тем же экраном. Тогда вопрос — почему до сих пор конструкторы не заэкранировали танк?

Потому что кумулятивный снаряд — это взрывчатка немалого веса. Он не только создает пробивающую броню кумулятивную струю, но и ударной волной разносит все вокруг. Отсюда следует, что для того, чтобы выдержать вероятные в бою несколько десятков попаданий по экрану, экран должен быть очень прочный и, следовательно, тяжелый. А утяжелять танк уже некуда, он уже и так не по каждому мосту пройдет. Весь запас веса танка конструкторы употребили на создание толстой брони — защиты от бронебойного снаряда. На защиту от кумулятивных снарядов веса не осталось.

Что могли, конструкторы сделали — повесили экраны на ходовую часть, на броне закрепили контейнеры со взрывчаткой (динамической защитой). При попадании в этот контейнер кумулятивная струя подрывает взрывчатку в контейнере, и ее взрыв разбрасывает эту струю, не давая ей пробить броню. Но к весу взрывчатки в снаряде добавляется ее вес в контейнере — такой удар по себе может выдержать только толстая броня. Поэтому такими контейнерами танки защищаются в тех местах, где броня и так толстая. Борты, крыша и корма остаются без защиты, а это именно те направления, по которым пехота к танку и подбегает. В лоб его бить из гранатомета никто не будет — все же спереди в башне расположены пулемет и смотровые приборы. А с боков и сзади танк и слеп, и беззащитен.

Можно ли надежно защитить танк от кумулятивных снарядов, имеющих в распоряжении пехоты? Безусловно. Но нужно освободить конструкторов от нелепого требования ставить на танк броню, выдерживающую удар бронебойного снаряда. Снять требование иметь на танке нелепую корабельную пушку. Танк сразу вернется к своему первоначальному весу в 15-20 т, и на него можно будет надеть прочный, противокумулятивный экран, дать ему возможность стрелять в двух направлениях и загрузить сотней снарядов для этого.

. . .

У меня как у инженера чесались руки обсудить пару возникших предложений по конструкции этого танка, но я удержался — глава и так получилась длинная, а танкисты-конструкторы и без меня с этой работой справятся, и гораздо лучше меня. Главное — правильно поставить им задачу.

А она должна звучать так: создать НЕЧТО, что, попав в опорный пункт противника, не даст его пехоте вести огонь по своим, занимающим этот опорный пункт, стрелкам. И все, этого достаточно. Не надо даже требовать, чтобы конструкторы создали «танк». Может быть, они тому, что сконструируют, дадут другое название, более точное.

Поясню мысль об этом «нечто». Вот что пишет ветеран войны в Афганистане А. Чикишев в журнале «Солдат удачи» №6/99:

«Атака на противника в ее классическом понимании во время войны в Афганистане была явлением необычным. Если бы советские войска ходили в лобовые атаки на пулеметы противника, как это бывало в годы Великой Отечественной войны, то наши потери в Афганистане составили бы не пятнадцать тысяч убитых, а намного большее число. В атаку, как правило, не ходил никто. Исключение составлял лишь спецназ.

Его взаимодействие с вертолетчиками достигало такой степени, что позволяло даже на открытой местности атаковать позиции моджахедов. Происходило это следующим образом: вертолет заходил на цель и открывал по ней огонь из всех пулеметов, пушек и кассет с НУРСами. Нервы моджахедов, стрелявших до этого из крупнокалиберного пулемета и чувствовавших себя неуязвимыми, не выдерживали. Моджахеды спешили спрятаться от смерти в укрытиях. В этот момент спецназовцы совершали перебежку, приближаясь к цели. Затем залегли, когда вертолет, выйдя из пикирования, шел на разворот, чтобы снова зайти на пулеметную позицию неприятеля. Сделав несколько перебежек, спецназовцы забрасывали расчет пулемета гранатами, если тот не успевал удрать, бросив оружие, или не был уничтожен огнем вертолетчиков.

Получив в свое распоряжение вертолеты, спецназ теперь проворачивал такие дела, о которых раньше не мог и подумать».

То есть функции, которые у немцев в начале Второй мировой выполнял танк, в Афганистане выполнял вертолет, но это, конечно, только потому, что у пехоты противника еще не было мобильных средств борьбы с воздушными целями. Этим примером я хотел показать, что это «не-что» не обязательно должно иметь вид танка, но в данном случае мы говорим о наземной машине.

Я считаю, что наши конструкторы с этой работой, безусловно, справятся, но, для чистоты выводов, предположим, что нет. И даже в таком случае с тем, что мы называем танковыми войсками, надо прощаться — это бесполезная для Победы трата сил и денег...

Какие из всего этого напрашиваются выводы? Имеющиеся танковые дивизии нужно реформировать в стрелковые. А организация стрелковых полков мне видится так.

В состав стрелкового взвода должен быть включен тот танк, который наши конструкторы создадут. Есть у нас в составе этого взвода 3 БМП или 3 БТР, будет еще и 1 танк. А в состав полка включить дивизион САУ с мощной пушкой, в крайнем случае – роту Т-80.

Тогда идея боя формулируется следующим образом. Артиллерия и авиация перепахивают опорные пункты противника. При переносе ими огня на вторую линию обороны, опорные пункты атакуют взводы пехоты, пуская впереди себя свои танки. За пехотой идут батареи САУ, которые, если местность и видимость позволяют, своим огнем уничтожают видимые цели на поле боя и в тылу противника.

Если противник контратакует танками, то свои танки и пехота отходят за линию САУ, а те, во взаимодействии с ПТУРС и авиацией, справляются с танками противника.

По сути это требование возврата к специализации родов войск. Нельзя повторять ошибку немцев, которые под нашим давлением из специализированных для борьбы с пехотой машин стали делать универсальные танки якобы для борьбы и с пехотой, и с танками одновременно. Этот универсализм хорош только в теории, а на практике получились машины и не для борьбы с танками, и не для борьбы с пехотой.

Нужна специализация: танки для борьбы с пехотой, САУ – для борьбы с танками.

Глава 7

НАША АВИАЦИЯ

В последние годы значительно возросло число публикаций с различными «версиями» и намеренным искажением исторических фактов, относящихся к состоянию нашей авиации накануне войны.

В предвоенные годы правительством и Коммунистической партией были предприняты всевозможные меры по укреплению обороноспособности страны. Накануне войны, в результате героического труда, советские люди создали экономическую и научно-техническую базу для будущей Победы.

В 1931 году в речи на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности «О задачах хозяйственников» И.В. Сталин ставил задачу: «Мы отстали от капиталистических стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут. Вот что диктует нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР».

К сожалению, сделать все необходимое за такой короткий исторический срок (10 лет) для отражения фашистской агрессии в июне 1941 г. страна не смогла.

К примеру, мы не смогли обеспечить нашу военную авиацию необходимым количеством и качеством боевых самолетов. Как известно, основным боевым средством авиации является самолет. А у нас накануне войны самолетов с необходимыми боевыми качествами (нового типа) было очень мало и, к тому же, они находились еще в ста-

дии доработок и испытаний. В боевом строю советской авиации в подавляющем большинстве были устаревшие самолеты старого типа.

Напомним, что Постановлением ЦК КПСС от 13 августа 1987 года предусматривалось создание нового 10-томного труда «Великая Отечественная война Советского народа». В подготовке 1-го и 2-го томов принимал деятельное участие Д. Волкогонов. В результате рецензирования (конец 1990 г. — начало 1991 г.) рукопись к изданию не была рекомендована, так как в ней четко прослеживалось желание авторов преувеличить наши возможности в обороне страны, искажались исторические факты, связанные с проводимыми мероприятиями правительства и партии по созданию новых средств вооруженной борьбы, дискредитация нашей армии и т.д.

Но после 1991 г. этот Д. Волкогонов, сумевший изменить всему, чему мог — партии, званиям солдата и ученого, — стал советником президента РФ и с высоты этой должности предопределил направленность содержания 2-го (1994 г.) и 3-го (1995 г.) томов «Военной энциклопедии», в результате чего это издание трудно считать историческим из-за явной фальсификации политического иуды.

К большому сожалению, то же можно сказать и о «дополненном» 10-м издании «Воспоминаний и размышлений» Г.К. Жукова, вышедших в 3-х томах в 1990 г. «Дополнения» сделаны после смерти автора, и они таковы, что вызывают сомнения — мог ли их написать сам Георгий Константинович?

Нам бы хотелось немного остановиться на некоторых авиационных моментах этих произведений, для чего возьму за основу документальные архивные данные.

. . .

Сначала остановлюсь на таком моменте. На стр. 351 1-го тома «Воспоминаний ...» в «дополнении» написано: «С лета 1940 г., особенно после войны с Финляндией, пар-

тия и правительство уделяли большое внимание вооруженным силам и обороне страны, но экономические возможности страны не позволили в короткий предвоенный год полностью обеспечить проводимые организационные мероприятия по вооруженным силам ... Законно возникает вопрос: а нельзя ли было начать проведение этих мероприятий значительно раньше? Конечно, можно и нужно, но сталинское руководство ошибочно считало, что времени у нас еще хватит...»

А в «дополнении» на стр. 315 2-го тома, кроме того, говорится: «Частично принятые меры по устранению выявленных недостатков в обороне страны в 1940-м и в начале 1941 года были несколько запоздалые. Особенно это относится к развертыванию военной промышленности для массового производства боевой техники новейших образцов... В результате в предвоенные годы войска не получили необходимой военной техники... надо было давать ее войскам не тогда, когда «заговорили пушки», а задолго до войны».

А может быть, действительно можно было построить самолеты, равноценные немецким, «задолго до войны»?

1937 г. — это «задолго до войны». В декабре этого года начальник ВВС РККА А.Д. Локтионов подписал советским авиаконструкторам и промышленности план опытного строительства самолетов на 1938 г., в котором предусматривалась разработка новых самолетов разных классов и назначения со сроками предъявления на госиспытания с августа по декабрь 1938 г. В их числе должны были быть: истребители маневренный и скоростной с моторами воздушного охлаждения; скоростной истребитель с мотор-пушкой жидкостного охлаждения; дальний разведчик, он же многоместный истребитель; скоростной ближний бомбардировщик; штурмовик, он же ближний бомбардировщик; артиллерийский корректировщик и войсковой разведчик. Бомбардировщики: дальний, тяжелый и стратосферный; транспортно-десантный и др.

Ни один из запланированных самолетов в серийное производство не пошел. А ведь летно-тактические данные, которые Локтионов задавал авиаконструкторам для проектирования на 1938 г., заметно превосходили те, которые задавались им на опытные самолеты впоследствии в планах на 1939 г. и даже на самолеты, которые проходили испытания в 1940—1941 гг.

Ведь для того, чтобы запустить в серию современный самолет, одного желания мало, даже если это желание маршала Жукова.

Самолеты строят не только авиазаводы, а вся промышленность страны. Чтобы создать современный самолет, нужно развить и металлургию, и химию, и станкостроение, и радиотехнику. Мало построить соответствующие заводы, нужны квалифицированные кадры как рабочих, так и конструкторов с технологами. А кадры за день не создашь, нужны десятилетия для того, чтобы кадры набрали необходимый профессиональный опыт. А ведь все это в то время только создавалось.

Да и в конструировании от самолета генерального конструктора зависит очень много, но не все. Нужны еще сотни и тысячи конструкторов, которые тщательно продумают каждую деталь, каждый винтик самолета, поскольку и от этого зависит очень многое.

Скажем, такой случай. Когда мы в 1940 г. испытывали немецкие боевые самолеты, которые наше правительство закупило у немцев за взятые у них же кредиты, то обратили внимание, что немцы резиной тщательно герметизируют каждый лючок, каждый проем. Сначала нам это казалось бессмысленным, и только потом мы догадались, что перетоки воздуха внутри самолета забирают мощность у двигателя, снижают скорость самолета.

А у нас над этим никто не думал потому, что просто некому было по тем временам думать, — по воспоминаниям авиаконструктора А.С. Яковлева, только на фирме

«Мессершмитт» конструкторов работало больше, чем во всех КБ СССР.

Но герметизация самолетов это все же мелочь. Тяжелейшим и определяющим было, как уже написано, положение с авиационными моторами. Отставание моторостроения было бичом нашей авиации, и мы приведем еще несколько фактов.

Выполняя план Локтионова, выдающийся авиаконструктор Н.Н. Поликарпов создал скоростной истребитель И-180 с мотором М-88 и передал его на заводские испытания 1 декабря 1938 г., а 15 декабря в первом испытательном полете на этом самолете разбился при заходе на посадку выдающийся советский летчик Валерий Чкалов.

Как потом подтвердили официальные испытания мотора М-88 на станке в мае 1939 г., «отсутствует приемистость с малого газа при различном тепловом его состоянии». То есть при быстром перемещении рычага управления мотором с малого газа (малых оборотов) на увеличение оборотов (при даче газа) независимо от температурного режима, мотор М-88 останавливался.

Такое явление и произошло на моторе самолета И-180, когда понадобилось увеличить обороты для уточнения места приземления, мотор заглох — произошла катастрофа.

Только лишь в январе 1940 г. мотор М-88 был принят на вооружение Советских ВВС и запущен в крупное серийное производство (притом — еще недостаточно доведенным).

. . . .

Далее. Еще в 1937 г. известным авиаконструктором С.В.Ильюшиным началось проектирование бронированного штурмовика БШ-2 (Ил-2), а самолет был запущен в массовое производство лишь в начале 1941 г. Причина задержки — не было мотора, подходящего для самолета такого типа.

И в 1939 г. заметных улучшений не произошло, и в этом году постановление КО от 26.04.1939 г. о внедрении в серийное производство новых модифицированных моторов и о создании более мощных моторов под новые опытные самолеты наша промышленность не в состоянии была выполнить.

Так в ОТБ (особом техническом бюро) НКВД группой заключенных конструкторов под руководством известного авиаконструктора А.Н.Туполева в 1939 г. началось проектирование фронтового пикирующего бомбардировщика, получившего в дальнейшем наименование «103», затем Ту-2.

Эскизный проект самолета разрабатывался с двумя моторами М-120. Согласно указанному постановлению КО мотор М-120 подлежал передаче на стендовые испытания к 1 ноября 1939 г. Однако эти испытания были проведены только в августе 1941 г., да и их мотор не выдержал из-за серьезных конструктивных недоработок (разрушение главного шатуна, втулок, шестерен нагнетателя и другие дефекты). Мотору требовались большие доводочные работы.

В связи с неготовностью мотора М-120 (конструктор В. Климов) заблаговременно были проведены доработки проекта и постройка опытного самолета «103» с двумя моторами АМ-37 (конструктор А. Микулин). Самолет с этими моторами прошел испытания в первой половине 1941 г. и был запущен в серию накануне войны Постановлением КО и приказом НКАП от 17 июня 1941 г. Но выпускался самолет серийно с двумя моторами М-82, затем АШ-82ФН (оба конструктора А.Швецова), так как к этому времени мотор АМ-37 все еще требовал специальной доработки под самолет Ту-2.

Горестное положение с моторами оказало влияние и на тяжелые бомбардировщики. По тактико-техническим требованиям к самолету-бомбардировщику дальнего действия ТБ-7 с 4 моторами М-34ФРН, которые утвердил начальник Управления Воздушными силами РККА Я.И. Алкснис в

январе 1935г., предусматривалось проектирование и постройка ЦАГИ этого самолета в 2-х вариантах; в обычном и высотном. Для каждого варианта были заданы соответствующие летно-тактические характеристики. Самолет был спроектирован и построен в высотном варианте с 4-мя моторами М-34ФРН и центральной наддувной станцией – агрегатом центрального наддува (АЦН-2), приводящегося в действие авиамотором М-100. АЦН-2 предназначался для повышения высотности моторов (сохранение их мощности до больших высот).

Совместные испытания двух опытных самолетов ТБ-7, спроектированных и построенных бригадой конструкторов В.М. Петлякова под общим руководством А.Н. Туполева, проводились в период с 1937 по январь 1939 г. Испытания первого опытного экземпляра ТБ-7 в 1937 г. показали, что большой потолок самолета (8000–10 000 метров) делал его малоуязвимым, а по мощности бомбардировочного вооружения он был на уровне лучших в мире скоростных бомбардировщиков того времени. Самолет был рекомендован к постройке опытной серии и к принятию на вооружение ВВС с устранением всех выявленных при испытаниях конструктивно-производственных и эксплуатационных дефектов.

К сожалению, дальнейшие испытания самолетов и выполнение большого объема доводочных работ показали, что промышленность не может устранить чрезвычайно серьезный дефект моторов – падение давления масла на высоте более 6000 метров ниже допустимого предела. В связи с этим стала очевидной бессмысленность продолжения работ по доводке систем, повышающих высотность самолета до 8000–10000 метров (включая и установку на моторах значительно меньших по весу и более компактных турбокомпрессоров ТК-1, вместо тяжелой и громоздкой «компрессорной станции» на борту – АЦН-2).

В итоге: работы по созданию силовой установки для высотного самолета ТБ-7, на которые было затрачено мно-

го сил, средств и времени, не дали положительного результата и Постановлением КО были прекращены в начале 1940 г. В этот период прекратились все работы по высотному варианту самолета ТБ-7 (всего было выпущено 2 опытных самолета). Самолеты ТБ-7 (Пе-8) согласно Постановлению КО от 25 мая 1940 г. строились малыми сериями в обычном невысоком варианте с различными моторами. (Значительная их часть выпускалась с моторами АМ-35А, на которых также падало давление масла ниже допустимого предела на высотах более 7000 м.)

Аналогичное положение сложилось и с другими боевыми самолетами нового типа, опытные экземпляры которых согласно постановлениям КО начали создаваться в 1939 и даже в 1940 гг. (прототипы Як-1, ЛаГГ-3, МиГ-3, Пе-2, Ер-2). Эскизные проекты самолетов начали разрабатываться в 1939 г. под одни моторы, более мощные и высотные, которые были модификациями уже существующих моторов (М-106, М-105 ТК-2, АМ-37), а из-за их неготовности строились, испытывались и запускались в серию с другими моторами, также недоиспытанными и неполностью освоенными в серийном производстве (М-105, АМ-35А и другими). В итоге советские ВВС к началу войны имели то, что имели (мы подробно об этом рассказали ранее).

Как из этого скорбного списка фактов можно сделать вывод, что Сталин мог, да не захотел иметь современные самолеты «задолго до войны»?! Никто кроме Сталина так сильно не хотел их иметь, но, как говорится, даже если взять девять беременных женщин сразу, ребенка через месяц все равно не получишь.

. . .

Следует также остановиться на репрессиях вообще и на вопле «историков», который несется со страниц «демократической» прессы о том, что якобы репрессии сгубили «цвет» Красной Армии и оставили ее без командиров.

Упомянутое издание книги Жукова подобные «историки» так «дополнили»: «Накануне войны в Красной Армии почти не осталось командиров полков и дивизий с академическим образованием. Более того, многие из них даже не кончали военных училищ, а основная их масса была подготовлена в объеме курсов командного состава» (т.1, с.352).

Во-первых. Эта сентенция звучит довольно-таки глупо по отношению к самому маршалу Жукову, который, как и маршал Рокоссовский, не имел никакого формального военного образования.

Во-вторых. Получается, что поражения в сражениях начала войны, которыми Жуков сам, кстати, командовал, он объясняет тем, что у него, дескать, подчиненные не служили по 100 лет в армии и не окончили по 10 академий. Неграмотные были. Грамотных репрессировали, остались одни неучи. А давайте вспомним, как обстояло дело с офицерскими кадрами у наших врагов.

Надо напомнить волкогоновым и прочим «историкам», что после Первой мировой войны и до середины 30-х годов в немецкой армии служило всего 4 тыс. офицеров. После того как Гитлер начал разворачивать армию до военной численности, в нее начали призываться офицеры из запаса, которые кончили службу чуть ли не 20 лет назад, и начали производиться в офицеры фельдфебели и унтер-офицеры. То есть к началу войны стаж службы в офицерских должностях у подавляющего количества немецких офицеров был в пределах 5-7 лет. Если качеством офицера считать его стаж службы в армии и окончание какого-то специального учебного заведения, то тогда немецкие офицеры по этим формальным признакам были значительно хуже командиров РККА. В Красной Армии даже командиры батальонов на 94% имели среднее или высшее образование. А по стажу службы: половина командиров полков, 82% командиров дивизий и 96% командиров бригад служили в армии более 20 лет. Даже среди командиров батальонов тех, кто служил в армии менее 10 лет, было менее 10%.

Это результаты «репрессий»? Кстати, в ходе репрессий за предвоенное пятилетие было осуждено за контрреволюционные преступления военными трибуналами (а только они рассматривали такие дела) 2218 командиров Красной Армии, а в 1937 г. в Красной Армии служило 206 тыс. человек начальствующего состава.

Да, Блюхер, Тухачевский, Егоров, Якир и другие заговорщики в Гражданскую войну командовали фронтами и армиями, а посему могут считаться людьми с большим полководческим опытом. Но во Франции маршал Пэтен, генералиссимус Гамелен уже в Первую мировую войну командовали армиями и были героями. Это не помешало им в 1940 г. практически за 2 недели сдать более слабым немцам.

А из 19 гитлеровских фельдмаршалов сухопутных войск в Первую мировую никто не имел чина выше майора. Первую мировую войну А. Роммель окончил капитаном в должности командира роты, Вторую мировую начал в 1939 г. командиром батальона личной охраны фюрера, в январе 1941 г. стал генерал-майором, а уже в июне 1942 г. буквально проскочив три генеральских звания, — фельдмаршалом. Причем, А. Роммель на Западе считается одним из лучших полководцев гитлеровской Германии наряду с Э. Манштейном, который Первую мировую войну также окончил капитаном, но о котором даже недовольный своими генералами Гитлер впоследствии сказал: «Возможно Манштейн — это лучшие мозги, какие только произвел на свет корпус Генштаба».

Так каких офицеров Жукову не хватало? И в чем тут виноват Сталин и репрессии?

. . .

Связывать поражения Красной Армии с какими-либо довоенными репрессиями в ней, с точки зрения научной истины, совершенно бессмысленно. Но в ходе этих ре-

прессий были, по моему мнению, и невинно пострадавшие. Поэтому сегодня важно понять, почему это произошло, чтобы подобное не повторилось в будущем. А вот для понимания этого все эти волкогоновы как раз ничего не делают, они тщательно пытаются скрыть истинные причины предвоенных репрессий.

Вот в статье «Кадры военные» в «Военной энциклопедии» по репрессиям в авиации волкогоновы пишут: «В ВВС в течение 1938—1941 г. несколько раз обновлялся весь высший состав. Вслед за Алкснисом, репрессированным в 1938 г., были репрессированы последовательно сменявшие друг друга начальники ВВС А.Д. Локтионов, Я.В. Смушкевич, П.В. Рычагов. Все трое были расстреляны в октябре 1941 г. как шпионы и враги народа. Только П.Ф. Жигареву, ставшему командующим ВВС в июне 1941 г., удалось избежать общей участи» (т. 3, с. 444).

А в «дополнении» к «Воспоминаниям...», там, где Жуков дает высокую оценку выступлению начальника Главного Управления ВВС Красной Армии П.В. Рычагова на совещании в НКО в декабре 1940 г., дописывается: «Трагическая гибель этого талантливой и смелого генерала в годы культа личности Сталина была для нас большой потерей. Вскоре после совещания он был расстрелян» (т. 1, с. 289).

Во-первых, уточним. П.В. Рычагов был освобожден от должности начальника ГУ ВВС КА 12 апреля 1941 г. и направлен на учебу в Академию Генштаба. Арестован он был через 2,5 месяца 24 июня 1941 г., то есть не только не после совещания в декабре 1940 г., но и не как начальник ГУ ВВС.

Но нас должно заинтересовать другое— почему Жуков вспомнил о Рычагове, но молчит о Я.В. Смушкевиче? Ведь в отличие от Рычагова, дважды Герой Советского Союза Я.В. Смушкевич был не просто служебным знакомым Г.К.Жукова, он был не только Герой за войну в Испании, но и Герой за сражение на Халхин-Голе, то есть он был боевой соратник Жукова. Почему же ему такое невнимание?

Дело в том, что после проверки результатов «чистки» армии в 1937–1938 гг. в ее рядах были восстановлены около 12 тыс. ранее уволенных командиров. После этого было принято решение, что ни один военнослужащий не может быть арестован органами НКВД, если на это не дал согласия его начальник. То есть следователи НКВД должны были сначала убедить начальника, что подозреваемый враг народа, и арестовать подчиненного только получив подпись-согласие начальника.

Так вот, непосредственным начальником Я.В. Смушкевича был Г.К. Жуков, так как Смушкевич с августа 1940 г. и до своего ареста по 7 июня 1941 г. был помощником начальника Генштаба, а с января 1941 г. начальником Генштаба был Георгий Константинович. Вот он и стелает о невинном Рычагове, но помалкивает о Смушкевиче, с кем Рычагов проходил по одному делу.

. . .

Приближалась война, а хороших самолетов у Советских ВВС было очень мало. Конечно искали причины, почему страна затрачивает столько сил, а результата нет. А тут еще и давление на НИИ ВВС авиаконструкторов, которые пытались протолкнуть на вооружение Красной Армии свои недоработанные машины. Принимали или отклоняли эти машины начальники Главного Управления ВВС КА, а непосредственно изучали их в НИИ ВВС. И могли дать отрицательное заключение на машину, у которой на бумаге великолепные летные данные, но недостатков очень много. Но ведь для того, чтобы понять причину, почему отказали, надо в этом разобраться, вникнуть в подробности. С другой стороны, могли принять машину, которая вроде на бумаге и хуже, но промышленность могла ее освоить, а недостатки ее могли быть устранены. Опять — кто это поймет, кроме специалистов?

Естественно, принимая одни самолеты и отклоняя другие, НИИ ВВС наживал себе уйму заинтересованных врагов,

в том числе и среди авиаконструкторов, которые легко извращали дело так, что руководители ВВС, якобы, специально ставили на вооружение плохие машины и не пропускали хорошие, то есть были врагами народа.

С весны 1941 г. в НИИ ВВС работала комиссия, которая кропотливо собирала компромат на руководство института, через них — на руководителей ВВС. Эта комиссия на несколько месяцев парализовала работу. Но что комиссия — это мелочь, которой поручено написать бумагу, вот она и старается. Ведь пока эту бумагу не подпишут высшие чины Красной Армии, она бумажкой и останется.

Но когда высшие чины и начальники подписывают и утверждают бумагу, превращая ее в обвинительный документ, они же обязаны вникать в текст, не подписывать огульного обвинения на своих товарищей. Так должно быть, но думается, что когда нарком обороны и другие подписывали акт по НИИ ВВС, то они доверились своим подчиненным — членам комиссии и в технические подробности не вникли.

А что после этого могли поделывать НКВД и трибунал, если все высшие руководители Наркомата обороны, да, видимо и ряд авиаконструкторов, утверждали своими подписями, что Рычагов, Смушкевич и Филин враги? Отпустить их?

А что мог поделывать Сталин? Бросить все и, не веря руководству НКО, самому ехать на аэродромы, смотреть и сравнивать результаты испытательных полетов, самому выяснить, существует или нет техническая возможность устранения тех или иных дефектов авиамоторов и т.д. и т.п.?

В истории нашей авиации есть блестящие страницы, есть трагические, но есть и грязные. И с этими грязными страницами тоже надо разбираться, чтобы не повторить их в будущем. А от того, что Сталина неустанно и бессовестно забрасывают грязью волкогоновы и им подобные, история наших грязных страниц не прояснится и будущие поколения умней не станут.

Глава 8

ПОДВИГИ - ВЫДУМАННЫЕ И НАСТОЯЩИЕ

Я прочел мемуары немецкого танкиста той войны Отто Кариуса, которые выпустило бедное на переводчиков и редакторов издательство «Центрполиграф» под названием «"Тигры" в грязи». Как ни мерзок сам перевод его воспоминаний, но и из скурвленного «Центрполиграфом» видно, что Кариус (мужчина очень скромных размеров – весил около 40 кг, и ему дважды отказывали в приеме на службу по причине маленького веса) страдал комплексом неполноценности и очень хотел стать героем. Посему война была единственным ярким событием его жизни, детали ее он помнил прекрасно, кроме этого, видно, что он много думал о войне, и в результате его книга получилась довольно интересной не только за счет описания мельчайших подробностей многих боев, но и за счет размышлений самого Кариуса.

Надо сказать, что Кариус, начиная с 1942 года, воевал в очень известном у немцев 502-м батальоне тяжелых танков Т-VI («Тигр»). Это был первый батальон, вооруженный этими танками, который прибыл на советско-германский фронт, и Кариус, по сути, один из немногих танкистов этого батальона, оставшийся в живых. Он участвовал в очень многих боях с частями Красной Армии, получил не только Рыцарский крест, но и 27 июля 1944 года Отто Кариус получил к этому кресту «Дубовые листья» 535-м в вермахте.

Само собой, он описывает множество боев, в которых, как следует из его слов, он уничтожил уйму советских танков, пушек и солдат. Однако, как и в случае с лучшим немецким асом Э. Хартманом, чем больше присматриваешься к его победам, тем меньше веришь в их численные результаты.

Вот, к примеру, он описывает бой с подразделениями советских войск, за который он и получил «Дубовые листья» — награду, которую, пожалуй, стоило бы приравнять к званию дважды Героя Советского Союза. Из его брехни следует, что тогда он проявил инициативу в должности командира роты «тигров».

«Я вел свою роту к деревне по только что разведанному маршруту. Затем мы остановились, и я обсудил операцию с командирами взводов и с командирами танков. То, что я им сказал, опять же сохранилось в моей памяти по сей день.

— Мы действуем совершенно самостоятельно. Кроме того, ситуация абсолютно неясная. Для нас будет слишком опасно атаковать деревню в лоб. Мы должны выйти из этого дела без потерь, если такое вообще возможно. За деревней батальон самоходных орудий уже понес большие потери. Но с нами этого не случится! Мы организуем все следующим образом.

Два танка на полной скорости ворвутся в деревню и повергнут русских в замешательство. Нельзя дать им сделать ни одного выстрела. Лейтенант Нинштедт подтянет остальные шесть танков. Господин Нинштедт! Вы останетесь на противоположном склоне, пока я не дам вам дальнейших указаний. Будем надеяться, что ангел-хранитель радио не спит! Господин Нинштедт, это ваша первая операция с нами. Запомните, прежде всего, одну вещь: до тех пор пока не теряешь выдержку, все идет нормально. Первыми двумя танками будут танк Кершера и мой. Все остальное решим по ходу дела. Что произойдет позднее, будет определяться тем, как станет развиваться ситуация.

Таким было наше краткое совещание по постановке задач, и это все, что требовалось. Затем я отвел своего «напарника по маршруту» в сторону и обсудил с ним все самое важное. Полнота успеха зависела от того, как мы ворвемся в деревню, точнее говоря, от фактора неожиданности.

— Я буду впереди, и оба мы продвинемся к центру деревни как можно быстрее, там определимся. Вы сориентируетесь к тылу, а я — к фронту. Затем мы позаботимся обо всем, что стоит на нашем пути. По моим расчетам, в деревне находится, по меньшей мере, одна рота, если остальная часть батальона русских не присоединилась к ней.

Я похлопал Кершера по плечу. После короткого «пошел!» мы уже сидели в своих танках. Быстро проверили радиосвязь и запустили моторы. В мгновение ока мы перевалили через небольшой подъем и оказались в пределах видимости русских. Мой первоклассный водитель Бареш выжал все, что мог, из нашего драндулета. Каждый из нас в этот момент осознавал, что только скорость была решающей. Оба русских танка, осуществлявшие прикрытие с нашей стороны, сначала совсем не прореагировали. Не было сделано ни выстрела. Я проехал прямо через центр деревни. Трудно передать, что произошло после, потому что события развивались внезапно и молниеносно. Приблизившийся к деревне Кершер, который шел позади меня с интервалом примерно 150 м, заметил, что башни обоих русских танков двигаются. Он сразу же остановился и подбил и тот и другой. В то же мгновение я начал очищать от противника другой конец деревни.

Кершер приблизился ко мне и радировал, чтобы я посмотрел вправо. Танк «Иосиф Сталин» стоял бортом к нам рядом с гумном. Эту машину нам не доводилось прежде увидеть на северном участке фронта. Мы невольно вздрогнули, потому что танк был оснащен чрезвычайно длинной 122-мм пушкой.

Это была первая танковая пушка русских с дульным тормозом. Более того, танк «Иосиф Сталин» очертаниями немного походил на наш «королевский тигр». Не сразу, так же как и до Кершера, до меня дошло, что только ходовая часть типична для русских танков. Я выстрелил, и танк вспыхнул. После этой короткой заминки мы уничтожили все машины противника в деревне, как и было спланировано заранее.

Позднее мы с Кершером посмеялись, потому что на мгновение нам показалось, что перед нами «королевский тигр», захваченный русскими. Однако в пылу боя такие вещи иногда случаются.

Одновременно с тем, как открыл огонь по деревне, я велел лейтенанту Нинштадту медленно двигаться через возвышенность, чтобы при необходимости предупредить о подходе главных сил противника. Эта мера оказалась полезной для последующего хода операции.

Все предприятие в деревне не заняло и четверти часа. Лишь два русских танка попытались удрать на восток. Ни один из остальных не был в состоянии двигаться. После того как вся моя рота достигла деревни и три танка заняли позицию по обеспечению прикрытия с ее восточной стороны, мы вылезли, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию».

. . .

У меня и возник вопрос — а сколько советских танков было сожжено ротой Кариуса в этой деревне? Кариус уверяет, что очень много, но мне в это не верится по той простой причине, что Кариус не описывает их ответный огонь по своему танку. Ну, положим, два Т-34 вне деревни зазевались, поздно услышали гул моторов и лязг гусениц, но остальные-то после выстрелов Кершера обязаны были открыть огонь хотя бы по танку Кариуса! Дело в том, что огонь противника — это признак доблести солда-

та, и Кариус до этого эпизода всегда об огне русских писал, даже в случаях, когда этот огонь не грозил ему смертельной опасностью. Вот, к примеру, типичное описание боя Кариусом.

«С помощью удачи и мастерства мы пересекли минное поле. Цветти ехал по следу моего танка. Мы были тогда прямо перед русскими и видели их одиночные окопы на переднем склоне. Затем мы дали нашей пехоте немного передышки. Цветти быстро разделался с двумя противотанковыми пушками, которые прикрывали минное поле.

Парни справа от нас теперь начали стрелять по нас прицельно из противотанковых ружей. Уже через короткое время не работал ни один смотровой прибор. Цветти безуспешно пытался обнаружить хотя бы одного из этих стрелков, но эти ребята все время меняли позицию, а потом молниеносно исчезали опять. Мы ориентировались по стрельбе, которая велась на протяжении всей длины траншей. Однако русские были настолько уверены в себе, что даже бросали ручные гранаты из своего укрытия. Когда мы немного продвинулись вперед, первый противотанковый снаряд просвистел у меня над головой. Казалось бессмысленным двигаться дальше вперед до тех пор, пока к нам не подтянется пехота. Так что мы стояли там несколько часов, не видя никого из наших товарищей. Они совсем не вылезали из своих окопов, потому что иваны контролировали весь район со своих деревьев. Нам даже пришлось задраить люки, поскольку мы боялись, что русские подстрелят нас сверху».

Так почему же он, описывая в общем-то безопасный для «тигров» огонь советских противотанковых ружей, ничего не пишет об ответном огне советских танков в этой деревне, который для его «тигра» был бы смертоносным? Все советские танкисты мгновенно бросили свои танки и удрали, не сделав ни одного выстрела? Ну, тогда почему Кариус об этом не пишет?

Кроме этого, сомнения вызывает и такая «подробность».

«За короткое время, пока все это происходило, мои танки прикрытия заметили, что двое русских выбрались из одного из двух танков «Иосиф Сталин», которые успели отъехать на несколько сотен метров на восток. Они чрезвычайно умело двигались по местности, у одного из них под мышкой было что-то, похожее на планшет.

Один из моих «тигров» поехал за ним, но привез только планшет. Русский офицер в звании майора в последнюю минуту застрелился. Он был командиром 1-й бригады тяжелых танков, как мы узнали позднее. Его товарищ был смертельно ранен.

Майор был Героем Советского Союза и носил на груди орден Ленина. Я никогда раньше не видел вблизи этой награды».

Во-первых, знаком Героя является не орден Ленина, а Звезда Героя, то есть Кариус на самом деле никакого Героя Советского Союза, даже мертвого, не видел и своим читателям «вешает лапшу на уши».

Во-вторых, еще в 1942 году в РККА все тяжелые танки были собраны из танковых бригад и сведены в тяжелые танковые полки прорыва, численностью в 21 танк КВ. Никаких других танков в этих полках не было, так как тяжелые танки не успевали за Т-34 и легкими танками. Поэтому рассказ Кариуса о том, что он встретил даже не полк, а батальон, в котором были и Т-34, и ИС-2, вызывает сомнение, как и то, что Кариус спутал ИС-2 с «королевским тигром». Конечно, можно было бы предположить, что Т-34 и ИС-2 были из разных частей и встретились в этой деревне случайно, если бы не откровенная брехня Кариуса о «1-й бригаде тяжелых танков». Гвардейские тяжелые танковые бригады, численностью в 65 танков ИС-2, начали формироваться в декабре 1944 года, а описываемый Кариусом бой происходил в июле, кроме этого, к 1944 году в Красной

Армии уже было несколько десятков гвардейских танковых бригад и ни одна тяжелая танковая бригада по этой причине не могла иметь №1.

То есть рассказ Кариуса – брехня, скорее всего, они в этой деревне сожгли два Т-34, находившихся в разведке или охране. Но посмотрите, как Кариус блестяще отчитался перед командованием 502-го батальона об этом бое.

«Я быстро проанализировал ситуацию и направил донесение в батальон. Мне была придана одна подвижная рация на бронетранспортере. Используя средневолновые радиочастоты, я сообщил командиру свое местонахождение и результат боевой операции (семнадцать подбитых танков «Иосиф Сталин» и пять «Т-34»».

В 502-м батальоне никто не стал разоблачать брехню Кариуса, наоборот, ее в донесении батальона подправили, пытаясь придать ей более правдоподобный вид: «...2-я рота, которая последовала за 1-й ротой по дороге Дюнабург – Извалта согласно приказу дивизии, получила новый боевой приказ у железнодорожной станции в Науене. Она повернула оттуда прямо на запад и двигалась через Кривани в направлении роззиттенской автодороги, чтобы выдвинуться по дороге к Виски. Незадолго до 13.00 она неожиданно повстречала двадцать тяжелых и сверхтяжелых танков противника – типа «Иосиф Сталин» и «Т-34-85» у Малинова (4 километра от Кривани).

Лейтенант Кариус атаковал танки противника с марша, двигаясь впереди своей роты, а за ним последовали фельдфебель Кершер и лейтенант Нинштедт. Без всяких потерь у своих они уничтожили семнадцать вражеских танков с близкой дистанции с этими тремя «тиграми». Лично Кариус на своем танке подбил десять танков противника. Только трем вражеским танкам удалось скрыться на восток.

С этой ротой он затем очистил деревню Малиново и установил контакт с ротой самоходных артиллерийских установок, подходившей с севера.

...Успехи – подбиты 23 танка (17 «Т-34-85», 6 танков «Иосиф Сталин»); уничтожены 6 тяжелых противотанковых орудий, несколько грузовиков».

Как видите, в штабе 502-го танкового батальона 17 уничтоженных танков ИС, заявленных Кариусом (ну «воще»!) заменили на 17 более правдоподобных уничтоженных танков Т-34. В этом вымышленном бою танки Кариуса и Кершера усилили и танком Нинштедта, но, главное, в своем донесении штаб убрал из этого района целый батальон немецких противотанкистов (свыше 50-ти самоходных орудий), чтобы не возникало вопросов, кто же это на самом деле подбил советские танки у Малинова. Ведь сам Кариус пишет, что еще до его подхода, у Малинова уже был бой немецких противотанкистов с советскими танками («За деревней батальон самоходных орудий уже понес большие потери»). А в донесении 502-го танкового батальона, как видите, этот батальон противотанкистов сокращен до роты и написано, что и эта рота подошла с севера только после того, как храбрый Кариус уже расправился со всеми советскими танками у деревни Малиново самостоятельно.

. . .

Уточнить эту историю с подвигом Кариуса помог курьезный случай. В Интернете довольно много моих критиков, причем довольно злобных. Все бы ничего, но они тем злее, чем глупее, поэтому от их критики нет реальной пользы. И вот в начале 2007 года на форуме сайта «Военная литература» некий Морозов организовал дискуссию на тему «Мухин – фальсификатор или спекулянт?». Полгода шла дискуссия на эту интересную тему, и в ней прозвучало 302 выступления как раз по достоверности моих выводов в вышеприведенном эпизоде с Кариусом. Этот Морозов со своим энтузиазмом доказать, что я или фальсификатор, или

спекулянт, мне даже симпатичен стал — он ведь, не жалея ни денег, ни времени, несколько раз ездил в Подольский архив за документами (хваляю — молодец!), — так ему, бедному, хотелось опозорить Мухина и защитить честь немецкого героя, камрада Кариуса.

Ввиду отсутствия способности логически мыслить, Морозов автоматически удерживал дискуссию на крайне убогом уровне, но деваться было некуда. Привезенные им из архива документы об описываемом Кариусом бое и с советской стороны показали то, что и обязаны были показать, — Кариус нещадно брешет. Более того, я снова погорячился, когда подумал о немецком герое слишком хорошо, решив, что он в том бою подбил два танка, — его в том бою вообще не было. В тот день наши 41 -я танковая бригада (танки Т-34) и 10-й танковый полк (танки ИС-2) 5-го танкового корпуса подошли с востока к Малиново, но «почувствовав реальную угрозу коммуникациям, противник спешно подбросил с направлений Шпоги, Двинск, сильные группы противотанковой и самоходной артиллерии, до двух полков пехоты 83 и 229 пд и при содействии авиации контратаками уничтожил вышедшие танки на шоссе и оттеснил 41 тбр из Малинова в район Дербачи. Высланный РО для захвата ст. Залуми, не имея поддержки пехоты, был уничтожен противотанковой артиллерией и авиацией противника». (Из отчета 5 танкового корпуса за июль месяц 1944 г.). Ни в этом отчете, как видите, ни в одном другом советском боевом документе ни о каких танках «тигр» в районе Малинова в этот день не упоминается! Кариус не уничтожал русские танки в Малинове, поскольку их там и не было — около 12 Т-34 и 5 ИС-2 были подбиты к востоку от Малинова — на подходе к этой деревне. И подбиты они были самоходной артиллерией немцев, т.е. тем самым батальоном немецких противотанкистов, о которых Кариус написал, повторяю: «За деревней батальон самоходных орудий уже понес большие потери». Герой приехал в дерев-

ню после боя, взял бинокль, встал на башню, сосчитал за околицей горящие советские танки и записал их себе в победу.

Здравомыслящий участник упомянутой дискуссии *Gennadi* рассказ Кариуса о своем подвиге резюмировал примерно так.

«1. Внезапная атака по шоссе медлительных «тигров», у которых рев двигателя и лязг гусениц слышны за 3-4 км, — это сама по себе большая дичь Кариуса. Налетели стремительно, понимаешь, как Me-109!

2. Отсутствие ответного огня советских танков — еще большая дичь! ИС-2 и предназначались для уничтожения именно «тигров». Проиграли бой, но отбиваться-то были должны. Все советские танкисты побросали свои танки и разбежались? За такое полагался трибунал с вышкой, и тогда все на этот счет были грамотные. А будь ответный огонь — Кариус бы это непременно отметил, как всегда его отмечал, чтоб подчеркнуть свою доблесть».

Прерву *Gennadi*. Кариус пишет: «Нашими самыми опасными противниками в России были танки «Т-34» и «Т-34-85», которые были оснащены длинноствольными 76,2- и 85-мм пушками. Эти танки представляли для нас опасность уже на расстоянии 600 метров с фронта, 1500 метров с боков и 1800 метров с тыла. Если мы попадали в такой танк, то могли уничтожить его с 900 метров нашей 88-мм пушкой. Танк «Иосиф Сталин», с которым мы познакомились в 1944 году, как минимум, был равен «тигру». Он значительно выигрывал с точки зрения формы (так же как и «Т-34»)). 122-мм пушка ИС-2 была в полтора раза мощнее пушки «тигра» и ломала его броню на дистанции 2-2,5 км.

Gennadi продолжает:

«3. Но абсолютная дичь — бой был якобы с «тиграми», а вот их-то как раз ни один советский участник боя и не приметил. А ведь Кариус упомянул, что вроде как пара советских танков сбежала с поля боя, так что рассказать о них было кому.

За большие потери советским командирам как-то надо было оправдываться. Тяжелые потери от дальнобойных 88-мм пушек «тигров» — хоть и не абсолютное оправдание перед командованием, но это бы встретило у него какое-то понимание. Не будь «тигров» — не большим грехом для советских командиров было б их тут же выдумать. И уж тем более упоминание о реальных «тиграх» в журнале боевых действий бригады и полка обязано было быть. А там их нет!

Скорее всего, Кариус приехал, когда бой уже закончился, с досады пострелял по уже подбитым танкам — очень может быть, что действительно добил какой-то поврежденный ИС, уцелевшие члены экипажа которого пытались развернуть башню в его сторону. И отправил соответствующее донесение в штаб. Когда врешь, потом в пересказе детали путаешь. Сколько «набил» танков в донесении — Кариус запомнил, память у него неплохая. А вот количество «ИСов» и «тридцатьчетверок» — перепутал. Поэтому Мухин, на мой взгляд, не прав, приписав Кариусу даже пару Т-34, замеченных тем на окраине. Не было их на счету Кариуса, и в этом единственный грех Мухина».

Но в данном случае не о Мухине речь. Оцените, с каким пониманием брежня Кариуса была встречена его командирами в 502-м танковом батальоне. Они не только не надавали Кариусу по тылке за эту брехню, но и сами оформили на него представление к награждению «Дубовыми листьями»! Немцы-с!

. . .

От немецких танкистов перейдем к немецким летчикам. Когда Красная Армия начала подходить к границам Германии, немецкие асы истребительной авиации должны были ужесточить борьбу в воздухе, ведь, помимо потребности защитить свои дома, своих близких, у немцев были и другие основания сражаться. Немцы ведь, напомним, нация

цивилизованная, соответственно немецкая армия и вела себя на оккупированных территориях СССР как цивилизованная. Я мог бы привести много примеров из разных источников, но приведу всего два и только из воспоминаний только наших летчиков. Вот летчик-разведчик, а в конце войны — штурмовик Я.И. Борейко вспоминает, как ему в 1943 году разрешили съездить в отпуск, чтобы повидать родителей, накануне освобожденных нашими войсками из оккупации: «Я был рад, что родители живы, что с большими трудностями, в условиях голода пережили оккупацию. Много рассказывали о зверствах фашистских поработителей. Досталось и моему семилетнему племяннику, который, будучи голодным, подошел к немецкой солдатской кухне, попросил поесть. Повар подозвал его поближе и вместо куска хлеба насыпал раскаленных углей за шиворот. Эта отметина осталась у него на всю жизнь». А вот вспомнил другой летчик-штурмовик, Герой Советского Союза А.А. Баршт: «Когда я в первый раз оказался на освобожденной от немцев территории (это было село Старозаборье около города Малоярославец Брянской области), нас поселили в хату, в которой жил дед с молодой женщиной. Она сошла с ума. К ним во время оккупации пришел немец выгонять на работу; она ему говорит: «Я не могу — у меня грудной ребенок». А он: «Да, я понимаю. Но мы сейчас эту проблему решим». Берет ребенка за ножки — и с размаху о печку! «Все, теперь можете идти на работу».

Должны же были немцы понимать, что во вступивших в Германию войсках Красной Армии очень мало ценителей такого тонкого западного юмора? И должно же было это понимание заставить их драться на границах рейха? Должно было, но немецких асов — не заставило! Они просто приложили все силы, чтобы удрать в плен к американцам. К примеру, 54-я истребительная эскадра немцев была прижата к морю в окруженной в Курляндии (запад Латвии) немецкой группировке. И хотя сама эта группировка долго

не сдавалась, асы 54-й эскадры с конца зимы практически перестали летать, мотивируя это отсутствием самолетов и бензина, но 8 мая, еще до официального подписания акта о капитуляции Германии, у них нашлись и самолеты, и бензин — они дружно удрали из Латвии чуть ли не за 1,5 тысячи километров на аэродромы, занятые американцами.

(Правда, американцы — это ведь тоже народ цивилизованный. И поэтому не мудрено, что австрийский исследователь вопросов содержания военнопленных в лагерях СССР вынужден в примечании к своей работе коснуться и такой проблемы: «В связи с этим следует упомянуть дискуссию о «потерянном миллионе» немецких военнопленных. Джеймс Бак (James Bacque) и другие авторы полагают, что они погибли в американском и французском заключении, прежде всего в лагерях «Рейнвизен» (лагерях, находившихся на берегах Рейна».)

Когда война на Дальнем Востоке приняла крутой для Японии оборот — когда на карту была поставлена свобода и независимость самой Японии, то тысячи японских летчиков выразили желание стать камикадзе. Конечно, никто не ожидал, что немцы своей жизнью станут защищать Германию, когда война для нее приняла тот же оборот, что и для Японии. Но ведь открытый воздушный бой — это еще не верная смерть, как у камикадзе, почему же немцы не решились на него даже тогда, когда Красная Армия вошла собственно в Германию?

И ведь у них был пример, как поступить, — наш пример.

В Военно-воздушных силах Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, повторю, отчаявшись достать немцев бортовым оружием или расстреляв боеприпасы, совершил таран 561 летчик-истребитель, из них 33 человека сделали это дважды, Герой Советского Союза лейтенант А.С. Хлобыстов — трижды, Герой Советского Союза лейтенант Б.И. Ковзан — четырежды. Таран также совер-

шили 19 экипажей штурмовиков и 18 — бомбардировщиков. Среди этих храбрецов были люди, занимавшие должности от рядового летчика до заместителя командующего воздушной армией и имевшие воинские звания от сержанта до полковника (см. табл.). Из них 233 благополучно посадили свои поврежденные машины, 176 спаслись, воспользовавшись парашютом, 216 погибли и 11 пропали без вести. Немцы же при этом потеряли 272 бомбардировщика, 312 истребителей, 48 разведчиков и 3 транспортных самолета. Еще один истребитель, уже японский, тараном уничтожил лейтенант А.Е. Голтвенко в августе 1945 года во время кратковременной войны с Японией. (Надо думать, этот таран имел символическое значение: «Не надо нам камикадзе — мы сами камикадзе».)

Совершили таран	Количество летчиков		
	С 22 июня 1941 г. по конец 1943 г.	С начала 1944 г. и в войне с Японией	Всего за войну
полковник	1	-	1
подполковник	2	3	5
майор	13	6	19
батальон. комиссар	6	-	6
капитан	59	14	73
ст. политрук	5	-	5
ст. лейтенант	106	18	124
лейтенант	138	19	157
политрук	1	-	1
мл. лейтенант	158	26	184
старшина	10	-	10
ст. сержант	19	-	19
сержант	32	-	32

Надо сказать, что во второй половине войны тараны уже не приветствовались, и по этому поводу командующий ВВС подписал 23 сентября 1944 года соответствующий приказ, а Военный совет дал следующие указания: «Разъяснить

всему летному составу ВВС КА, что наши истребители имеют отличное мощное современное вооружение и превосходят в летно-тактических данных все существующие типы немецких истребителей... Применение «тарана» в воздушном бою с самолетами противника, имеющими более низкие летные качества, нецелесообразно, поэтому «таран» надо применять только в исключительных случаях, как крайнюю меру».

Но, как видите, и как крайняя мера таран использовался достаточно энергично даже в победный период.

. . .

А как обстояло дело у немцев? Да, командование люфтваффе оценило опыт ВВС РККА в тяжелое для СССР время и построило специальные самолеты FW 190A-8/R-8 «Таран». Они были оснащены двумя 30-мм пушками МК 108 в консолях крыла, двумя 20-мм пушками MG 151/20 в корневой части крыла и двумя 12,7-мм пулеметами, установленными под капотом двигателя. Такое вооружение имело огромную мощь. Для защиты самолетов была установлена дополнительная броня на двигатель, кабину пилота и пушечные магазины. Панели из пуленепробиваемого стекла защищали фонарь кабины. Немецкие летчики-истребители должны были на этих самолетах врываться в строй американских бомбардировщиков, и если сбить их не получалось, то таранить. Хорошо защищенная кабина позволяла летчику остаться в живых. Самолеты «Таран» построили, штурмгруппу создали, но немцы и на этих самолетах ни единого тарана не исполнили.

69 летчиков этой «штурмгруппы» даже клятву дали: «Мы клянемся защищать небо рейха в соответствии с принципами штурмгруппы. Мы знаем, что будучи летчиками штурмгруппы, должны особым образом оборонять от врага народ фатерлянда.

Мы осознаем, что в каждом вылете будем контактировать с четырехмоторными бомбардировщиками. Мы будем атаковать с кратчайших дистанций, а в случае неудачной атаки — таранить врага».

Но никаких сведений о том, что кто-то из них совершил таран, нет. Вернее, у командира одной из эскадрилий этой группы обер-лейтенанта В. Гертца не раскрылся парашют, вот про него и сложили легенду, что он якобы перед этим совершил таран. Есть даже фото «Летающей крепости» в строю, сделанное с другой «Летающей крепости», на этом фото видно, что летящий как ни в чем не бывало самолет имеет в задней части фюзеляжа длинную царапину. Считается, что это след от тарана 5-тонным ФВ-190. И все.

Вообще немецкие летчики-истребители в своей массе очень странно защищали небо Германии, так защищали, что американцы с англичанами буквально выбомбили целые города и районы. И просто удивительно, какую изобретательность и находчивость проявляли немецкие летчики-истребители, чтобы не атаковать строй бомбардировщиков. И пушки на истребители ставили специальные, чтобы они издали стреляли вверх — в брюхо «бомберам», и батареи стреляющих вверх реактивных снарядов, и мощные ракеты, запускаемые по строю в надежде, что авось какая-нибудь взорвется недалеко от «бомбера». Упомянутый мною Кноке придумал бросать с истребителя сверху на строй бомбардировщиков специальную бомбу с дистанционным взрывателем.

Мысль в целом здравая, но вопрос: а зачем бомбу бросать с истребителя? Почему бы над строем англо-американских бомбардировщиков не завести авиагруппу или даже эскадру немецких скоростных бомбардировщиков Ю-88? Ведь они могут взять не одну бомбу весом 200 кг, как Me-109 Кноке, а десять таких бомб. На Ю-88 есть штурман, устанавливались радары, т.е. можно было очень точно отбомбиться по «бомберам» союзников и действитель-

но нанести им ущерб. Но немецкие Ю-88 будут атакованы британскими и американскими истребителями сопровождения, следовательно, Кноке надо будет принять рыцарский бой по защите своих бомбардировщиков. А оно немецким летчикам-истребителям надо? Куда проще залететь с бомбой над строем, сбросить ее, и попал не попал, а задание выполнил...

Апологеты немецких асов могут мне сказать, что строй англо-американских бомбардировщиков вообще невозможно было атаковать истребителями, что это задача изначально не решаемая и в 1945 году защитить небо Германии от налетов союзной авиации никто не смог бы. Но у меня есть очень корректный пример для сравнения.

Через шесть лет после окончания Второй мировой войны американцы точно такими же строями бомбардировщиков летали бомбить Северную Корею, и условия для борьбы с ними были гораздо худшими, чем в Германии в 1945 году. Если Германию бомбили «Летающие крепости» В-17, то Корею «Летающие суперкрепости» В-29, а последние имели не только более совершенное радиолокационное оборудование и автоматику наведения бортового оружия, но и гораздо более высокую скорость. Мне могут сказать, что в Корее В-29 встречали наши реактивные МиГ-15, это так, но и у немцев с 1944 года на вооружение поставлялись реактивные Ме-163 и Ме-262, причем последние (по немецкой традиции) имели более мощное, нежели у МиГ-15, вооружение: вес секундного залпа Ме-262 составлял 13,2 кг, а вес секундного залпа МиГ-15 — 10,5 кг, И немецкая промышленность до марта 1945 года поставила в войска 832 самолета Ме-262. Но зато в Германии американские бомбардировщики охранялись только поршневыми «мустангами» и «лайтнингами», а в Корее В-29 охранялись американскими реактивными истребителями-бомбардировщиками Р-84 «Тандерджет», американскими реактивными истребителями F-86 «Сейбр» и британскими реактивными истребителями Мк.8 «Метеор».

То есть для наших истребителей МиГ-15 обстановка в Корее была гораздо более тяжелая, нежели для летчиков-истребителей люфтваффе в Германии.

Теперь давайте рассмотрим тактику советских истребителей — какие способы они применяли, чтобы воспрепятствовать американцам «вбомбить Корею в каменный век». Сначала об этом расскажет П.С. Милаушкин. (Летное училище окончил в 1939 году, в войну был инструктором, в 1949 году переведен в 176-й ГИАП и вместе с ним попал в Корею. В Корее из всех американских самолетов, сбитых капитаном Милаушкиным, 11 упали на территории Северной Кореи и записаны ему на личный счет.)

«Большой бой был 9 апреля 1951 года, когда нашему полку пришлось отражать большие силы бомбардировщиков В-29 в боевых порядках звеньев по 3–4 самолета друг за другом «кишкой», всего не менее 80 самолетов. Эта «змея» охранялась «тандерджетами» с обеих сторон и на высоте 8000 м направлялась бомбить плотину, ГЭС, аэродром Сингисю (Синьйджу). За ней шла вторая волна из примерно 70 бомбардировщиков. Мы взлетели всем полком, построились в боевой порядок эскадрилий с разницей в высоте 800–1000 м, обнаружили противника. Слышим команду Вишнякова: он с 1-й АЭ атакует головных, 2-я АЭ — середину «кишки», а 3-я АЭ — хвост. В бой с охранением — «крестами» F-84 — не вступать.

И вот со стороны солнца три эскадрильи пошли в атаку. Целей хватало всем. Сима Субботин пошел на ведущего, а я на правого ведомого В-29. Первая атака была настолько для них неожиданной, что стрелки не успели открыть оборонительный огонь, а у них огневых точек до 12 штук. Пушки моего самолета работали безотказно. Вспышки разрывов были видны на фюзеляже и плоскостях, но сказать, чтобы он загорелся или развалился, — этого не было. Мы очень быстро их проскакивали — скорость была вдвое больше. Я услышал команду Симы: «Выхожу вправо, смот-

ри». Я ему кричу в ответ: «Смотри, столкнешься с «крестом»! Самолеты сбились в плотный клубок. «Кресты» — «тандерджеты» — нас не атаквали, но по другим товарищам они вели огонь. Причина одна: неожиданная одновременная атака всей колонны, которая сразу распалась, и «Кресты» хаотично заметались.

Вторую атаку выполняли по другой тройке В-29. Когда вышли на дистанцию открытия огня, я увидел множество вспыхивающих «лампочек» — все пространство задней полусферы «крепостей» было закрыто сплошным заградительным огнем. Открыть огонь не успел, т.к. услышал команду С. Субботина: «Выходим влево!», а терять из виду ведущего нельзя. Выполняя маневр, получил команду: «Атакуем!» Вижу: внизу справа пара «крепостей» (одного в тройке почему-то не было). Ведущий бьет по правому самолету, а я — по левому. Он был ближе ко мне, и дистанция так быстро сокращалась, что палец непроизвольно нажал кнопку воздушных тормозов. В прицеле отчетливо видны детали самолета В-29. Огонь стрелков был слабый. Нажал гашетку, мои снаряды начали рваться на правой плоскости и моторах. Чтобы с ним не столкнуться, я резко ушел вниз и вправо, о чем передал ведущему, но ответа не было. В эфире стоял сплошной гвалт и мат. Издалека слышал голос командира полка Вишнякова С.Ф.: «Сбор над «сосиской», высота девять тысяч». «Сосиска» — это небольшой полуостров с характерными очертаниями. Хороший ориентир. «Земля» скомандовала: «Всем — трава», — посадка. Снарядов у моей большой пушки не было — кончились во время второго захода. А в малых снаряды еще оставались.

На подходе к аэродрому появились наши самолеты с разных направлений, но на одной высоте — суэта! Обрадовался позывному своего ведущего — он жив. Потерять ведущего — беда для ведомого (подумают все, что погнался за легкой добычей, а ведущего бросил). Но

он не обиделся, ведь обстановка была сложная— я пошел вниз, а он вверх. После посадки нас радостно встречали техники, оружейники, механики, мотористы. Весь бой они видели с земли, это было раннее утро, ясно. Видели, как падали с горящими дымными шлейфами и удирали на восток хваленые «крепости» вместе со «сверхкрепостями». Видели, как непосредственное боевое охранение — «тандерджеты»— шарахались от нас в стороны, уступая дорогу к бомбардировщикам. А мы «крестов» не трогали, и очень правильно.

Позже нам сообщили, что истребители F-86 «Сейбры» навстречу с бомбардировщиками опоздали, они должны были прикрывать их сверху. Опоздали на очень немного, но этого времени нам хватило. Если бы «Сейбры» успели, нам пришлось бы туго, так как при выходах из атак они ловили бы нас, и мы бы многих недосчитались. Задача нами была выполнена, многие летчики записали на свой счет сбитые. Мне пришлось сбить два самолета В-29. Потерь в полку не было, но царапин много, в том числе и у моего ведущего.

Сказать сразу, что сбил самолет, летчик не может. Когда на земле встречали нас и спрашивали: «Командир, сбил?»— мы отвечали, что стрелял, вел огонь. А дальше проявляют пленку, опрашивают свидетелей и ищут обломки сбитого самолета. Очень часто выезжал в Северную Корею наш А. Пилькевич, который опрашивал население и находил обломки. Был такой момент, когда мы со Степой Кириченко, моим ведомым (я уже стал командиром 4-го звена), вели бой с двумя парами «Сейбров». Вот пара атаковала Степу, его положение критическое, кричу по радио: «Степа, влево резко на меня!» — молодец, он быстро среагировал, а я открыл заградительный огонь по этой паре. Американцы, ведомый и ведущий, оба прошли сквозь трассы моих пушек. Видны попадания и на пленке ФКП (фотокинопулемета. — Ю.М.), но падения на землю ни-

кто не видел. Позже, благодаря Пилькевичу Аркадию, которому рассказали, что самолет упал в водохранилище, китайские добровольцы вытащили часть обломков из воды, и мне записали результативную атаку. Порой в таких ситуациях самолет нам не засчитывали, особенно когда он падал в море. Но главное для нас было — выполнить поставленную задачу и избежать потерь своих летчиков.

12 апреля 1951 года. Этот бой стал последним для многих «крепостей». Ранним утром весь полк посадили в кабины с готовностью № 1. По радио слышим обстановку: идут несколько колонн бомбардировщиков В-29 откуда-то с Японских островов. Их встретили и сопровождали «Тандерджеты» непосредственного прикрытия. Надо всей этой армадой патрулировали три группы истребителей «Сейбр». Хуже всего сидеть в бездействии в кабине на земле. Наконец нас подняли в воздух. Задача 1-й АЭ (это нам): связать «Сейбров» боем и оторвать их от колонны В-29. Остальным — задача атаковать «бомберов», не ввязываясь в драку с «крестами». Встреча произошла в лобовую, как только поравнялись — сразу маневр, разворот. Бой разбился на мелкие группы. Ведомым у меня был Боря Образцов, пару он держал отлично, и после разворота я увидел, что ему ближе стрелять по противнику. Даю команду: «Боря, справа атакуй, я прикрою». У Образцова была великолепная реакция, атака получилась очень хорошей. Выходя из нее с левым разворотом, я видел, что самолет противника не управляется. В это время меня атаковала пара «Сейбров», но трасса прошла справа. Передаю Боре по радио: «Из разворота не выходи — «косая петля». После двух петель противник отстал. В это время мы увидели внизу справа четыре В-29, которые шли ромбом. Я атакую левого, а Боря заднего. Бомбардировщики сильно отстреливались (на земле мы обнаружили много пробоин в своих самолетах). Перешли на правую сторону — ромб противника рассеялся, остался ведущий и правый ве-

домый. Начали атаковать эту пару. Скорости были разные. В прицеле быстро увеличивался силуэт самолета. Открыл огонь. В большой пушке было мало снарядов. Она быстро замолчала, малые работали. Вышли вправо, но за Борей потянулся «Тандерджет». Неприцельно я открыл огонь. Он отстал, но и у меня кончились снаряды. Кричу Боре: «Орехов нет, атакуй, прикрываю!» Он пошел на одиночный бомбардировщик и расстрелял ему левый двигатель. «Крепость» стала крениться влево. Атаковали еще одну пару, но вскоре и у Бори кончился боезапас. Команды выйти из боя не было. Надо было имитировать атаку. Вскоре оказались под огнем сами. Когда оглянулся, сзади по мне стреляла пара «Сейбров» — огненные кольца вокруг воздухозаборников. Дал команду: «За мной!» и рванул машину вверх с правым разворотом. И после нескольких косых петель преследователи отстали. На приборной доске загорелась красная лампочка, говоря о том, что горючего осталось триста литров. Пошли на аэродром, постоянно оглядываясь, так как американцы применяли немецкую тактику — добивать возвращающиеся почти без горючего и боезапаса истребители, заставая врасплох уставшего и расслабившегося летчика. После посадки у меня кончилось горючее на рулежке, а у Бори — еще на выравнивании. Но все обошлось. В этот день были еще вылеты, но боев не было, так как, когда мы поднимались, противник разворачивался назад. В конце дня все молчали и только после ужина и боевых ста граммов разговорились, оттаяли немножко.

Корейцы говорили об этом воздушном бое, что было много парашютов и горящих самолетов. Некоторые бомбардировщики упали в море, некоторые разбились при посадке на свои аэродромы, а во многих самолетах из 12 человек экипажа в живых оставалось три-четыре. Больше днем В-29 не летали. Ночью бомбили наш аэродром Сингисю, в полосу попало около семисот бомб. Но самолеты уцелели, так как были спрятаны в капониры».

Вторым о тактике советских истребителей в Корее расскажет Герой Советского Союза Г.А. Лобов. В Корее генерал-майор Лобов командовал советским 64-м истребительным авиакорпусом и совершил там 15 боевых вылетов, из сбитых им американских самолетов 4 упали на территории Северной Кореи и добавлены к 8 немецким самолетам, сбитым им в Великую Отечественную. Из рассказа генерала я опустил подробности того, как штаб 64-го авиакорпуса вел разведку и вычислял американские налеты. А о тактике советских истребителей Георгий Агеевич сообщил следующее, начав несколько издаലെка.

«Журнал «Ньюсуик» писал: «Потери — 100 процентов. Это были потери, понесенные бомбардировщиками В-29 в «черный вторник», когда 8 бомбардировщиков совершили налет в сопровождении 90 истребителей...» В сборнике «Военно-воздушные силы США» читаем: «Против бомбардировщиков В-29, совершавших налеты в дневное время, из-за реки Ялуцзян устремлялось к югу до 200 истребителей. Потери были очень тяжелыми: было сбито 5 бомбардировщиков В-29, 8 других получили в бою серьезные повреждения; 55 членов экипажей были убиты или пропали без вести и 12 ранены». Но чтобы как-то сгладить негативное впечатление от вынужденного признания, авторы замечают, что «ни в одном налете бомбардировщики не отклонились от своих целей из-за ожесточенной противовоздушной обороны».

Американцы в налете применили 21 самолет В-29 и для их обеспечения около 200 истребителей различных типов. Мы располагали на аэродромах Аньдун и Мяогоу всего 56 МиГ-15. 12 машин было оставлено в резерве на случай прорыва противника к переправам и для прикрытия аэродромов, а 44 введено в этот воздушный бой.

Учитывая опоздание с выходом заслона F-86 и неудачное построение непосредственного прикрытия, никаких специальных групп для связывания боем истребителей противника нами не выделялось. Все «миги» были нацелены на удар только по бомбардировщикам. Решили также действовать не крупными группами, а одновременно большим количеством пар, предоставив им самостоятельность. Их усилия координировались лишь фактическими целями: В-29. Это позволило нашим истребителям развивать максимальную скорость, действовать каждой паре инициативно, свободно маневрировать.

Противника удалось перехватить на подходах к Намси. Пока заслон F-86 разыскивал наших у реки Ялуцзян, судьба боя и участь В-29 были решены. 22 пары «мигов», стремительно пикируя через строй истребителей непосредственного прикрытия на скорости около 1000 км/ч, атаковали бомбардировщиков. 132 скорострельные авиационные пушки били по врагу. Истребители F-84 и F-86 прикрытия, сами находившиеся под угрозой уничтожения, поскольку «миги» пронизывали их боевые порядки, в панике отворачивали в стороны. Четыре машины, зазевавшиеся с маневром, были тут же сбиты.

Первая же атака «мигов» оказалась сокрушительной. В-29 еще до подхода к цели, теряя горящие и падающие машины, быстро отвернули к спасительному для них морю.

Поскольку маршрут «крепостей» пролегал всего в 20–30 км от береговой линии, за которой действовать нам было запрещено, части бомбардировщиков удалось уйти. По свидетельству штурмана одного из В-29, участвовавшего в этом налете и попавшего позднее в плен, на всех уцелевших от атак «мигов» в «черный вторник» бомбардировщиках были убитые и раненые. Как здесь не вспомнить еще раз заявление американцев, что «ни в одном налете бомбардировщики не отклонились от своих целей из-за ожесточенной противовоздушной обороны».

На аэродром Намси в этом налете не упало ни одной бомбы. Американцы не «отклонились», а в панике бежали, если можно применить это слово к громадным четырехмоторным стратегическим бомбардировщикам. Кстати, в этом бою был сбит и разведчик, которому надлежало подтвердить фотоконтролем результаты бомбометания по аэродрому. Чисто количественные итоги боя выглядели так: по нашим данным, противник потерял 12 В-29 и 4 F-84. Многие самолеты получили повреждения. Мы потеряли один МиГ-15 в бою с F-86 уже над территорией КНР, границу которой «сейбры» нарушили.

Результаты «черного вторника» потрясли командование ВВС США и вызвали тревогу у высшего руководства американских вооруженных сил. Для расследования причин столь тяжелого поражения и принятия мер из США в Корею срочно прибыли высокопоставленные эмиссары. Три дня вообще ни один американский самолет не появлялся в зоне действия «мигов». Примерно через месяц противник решил, видимо, сделать контрольную проверку своих выводов о возможности применения В-29 днем в зонах, где они могли встретиться с «мигами». 16 наших истребителей перехватили 3 самолета В-29, прикрываемые несколькими десятками F-86 на подходе к переправам у Анею. Все бомбардировщики были сбиты. У нас потерь не было».

Вот так, всего после нескольких боев, оставив на территории Северной Кореи обломки 69 самолетов В-29, американцы сначала отказались от полетов в дневное время (на МиГ-15 не было радиолокационного оборудования для боев ночью), а после Корейской войны сняли их с вооружения. А ведь В-29 и десяти лет не простояли в строю.

Отметим особенность тактики советских истребителей. Во-первых, полное игнорирование американских истребителей как целей. Удар наносился только по В-29 и даже в том бою, где пара Милаушкина обязана была свя-

зять боем «сейбры» и «тандерджеты», она при первой же возможности отстрелялась по «суперкрепостям». Во-вторых, одновременный удар всеми силами по «бомберам», что полностью лишало их возможности сосредотачивать огонь бортового оружия нескольких В-29 по одному истребителю. И, само собой, никакой партизанщины, удар внезапный, но он совершенно открытый, и начавшаяся драка велась до тех пор, пока американские «бомберы» не свернут с курса, велась и тогда, когда у советских истребителей кончались боеприпасы.

. . .

Мы видим, что в Корее советские летчики достаточно скромными силами срывали налеты американских бомбардировочных соединений и даже заставили их отказаться от применения В-29 в дневное время. А немецкие летчики-истребители за всю войну всего один раз заставили наших союзников отказаться от удара по намеченной цели: 8 марта 1943 года 16 американских бомбовоза В-17 пытались отбомбить Роэм. Их встретили две авиагруппы 26-й истребительной эскадры, т.е. около 80 немецких истребителей. Были сбиты два американских бомбардировщика, а остальные, сбросив бомбы, повернули обратно, не долетев до цели. Повторить этот успех немцам за всю войну не удалось, надо думать, потому, что американцы перестали летать такими маленькими группами.

В августе 1939 года Геринг гордо говорил: «Рожденные в духе немецких летчиков Первой мировой войны, вдохновленные верой в нашего фюрера и главнокомандующего, люфтваффе сегодня готовы выполнить любой приказ фюрера с молниеносной быстротой и невообразимой мощностью».

А в конце 1943 года, после того как американцы отбомбили Франкфурт-на-Майне, а в воздухе не появился ни один немецкий истребитель, Геринг подготовил приказ:

«1. В природе не существует погодных условий, которые могут помешать взлету истребителей!

2. Каждый летчик-истребитель, совершивший посадку на исправном самолете и не добившийся результата в воздушном бою, будет предан суду военного трибунала!

3. Если на самолете закончился боекомплект или отказало оружие, летчик обязан таранить бомбардировщик противника!»

Приказ опротестовал генерал-фельдмаршал Эрих Мильх, считавший, что морально летчики могут быть просто раздавлены его содержанием.

Геринг ответил Мильху: «От них (летчиков) требуется открывать огонь с дистанции 400, а не 1000 метров. Они должны сбивать ежедневно 80, а не 20 бомбардировщиков».

Такая реакция командующего люфтваффе стала горчайшей пилюлей, которую пришлось проглотить летчикам истребительных групп.

Геринг продолжал тему во время предпринятой в конце октября инспекционной поездки на западные аэродромы. В его речах сквозили плохо скрытые угрозы: «Я не хочу выделять какие-то отдельные группы или штаффели, но я хочу, чтобы вы знали: я не потерплю трусов в моих люфтваффе... Я искореню их!»

Поздно, это когда один из десяти трус, то его можно расстрелять в назидание другим, а когда никто не атакует врага, то что же ты сделаешь? Кстати, о погоде.

Есть такой то ли анекдот, то ли присказка. Если человек свалился с десятого этажа, но не разбился, то это случайность. Если этот же человек во второй раз упал с десятого этажа, но не разбился, то это совпадение. Но если он и в третий раз упал с десятого этажа, но не разбился, то это уже привычка. Вот давайте рассмотрим некоторые привычки немецких асов истребительной авиации. Читаю у Толивера и Констебля: «В январе 1944-го Эрих посетил

свою мать, жившую недалеко от Ютеборга. В этот период ПВО рейха страдала скорее от нехватки пилотов, чем нехватки самолетов. Он сел на базу истребительной авиации возле Ютеборга, когда погода ухудшилась. Эриху было всего 22 года, но его поразила молодость пилотов, базировавшихся на этом аэродроме. Ему не нравилась молодость пилотов, приходивших в его эскадрилью на Восточном фронте, но эти пилоты вообще выглядели старшеклассниками.

Когда он вернулся после визита к матери, то обнаружил, что его эскадрилья была отправлена в полет в скверную погоду. Ветер поднялся за несколько часов до того, как он сам сел на аэродроме. Задачей летчиков был перехват американских бомбардировщиков. Ограниченная тренировка и еще более скромный опыт привели к тому, что 10 молодых пилотов разбились, даже не встретив американские самолеты».

После этого текста возникает пара вопросов. Во-первых, американские бомбардировщики — это не голубиная стайка, они летали стаями до тысячи машин. Как это немецкие летчики, ведомые опытными командирами и наводимые на цель с земли, их не нашли?! Во-вторых, эти молодые летчики, как и Хартман, совершили в училище несколько сот взлетов и посадок, и все было нормально, а тут при посадке при ясной погоде с небольшим ветерком сразу 10 человек разбились свои самолеты? Ну ладно, будем считать этот факт случайностью.

Еще читаю: «12 августа 330 самолетов бомбили объекты, расположенные в западной части Германии. В отражении налета приняли участие самолеты десяти истребительных групп люфтваффе. Летчики доложили о 37 сбитых бомбардировщиках, на самом деле 8-я воздушная армия не досчиталась 25 «крепостей». Тяжелые бомбардировщики сопровождали «тандерболты», их летчики сбили, в общем-то, небольшое количество немецких самолетов — четыре, однако потери «ягдгешвадеров» оказались

гораздо более существенными. Так II./JG-1 потеряла в бою один истребитель, но шесть самолетов разбились при посадке, а еще шесть получили серьезные повреждения (также на посадке)».

А это как понять? Ведь это не молодые, это опытные летчики! И каждый третий пилот группы разбивает свою машину при посадке?! Ну, хорошо, запишем это в совпадения.

А вот А.П. Аносов делится своим впечатлением от истребителя Me-109:

«А.А. Могу сказать тебе прямо — у немцев были очень хорошие истребители. На «мессере» я даже слетал разок, правда, уже после войны. Мы тогда перегоняли свои самолеты «на базовое хранение». И как-то приземлились в Балтийске, на аэродроме Хайлигенбель. Аэродром немецкий, с большущими ангарами и двумя бетонными ВПП. Отличный аэродром. Так вот выкатывают новехонький «мессер», и командир нашей авиадивизии спрашивает: «Ну, кто хочет полетать?» У нас все «бомберы», а я-то с истребителей пришел. Все ж это знают и начали: «Саня, ну давай, попробуй!» Я поколебался-поколебался и говорю: «Только техника мне дайте, чтоб он мне кабину объяснил». Техник мне все приборы показал (ничего сложного), и я полетел.

Что могу сказать? На взлете — змея, а не истребитель. Мотор мощный, колея шасси узкая. Чуть упустишь — он сразу в сторону. Настолько сильный момент вращения у него был. Я сделал один круг, оценил управляемость — очень хорошо. На малейшее движение рулей реагировал моментально. А на посадке проще простого, как По-2. Невероятно прост в посадке.

А.С. Странно, немецкие летчики, наоборот, пишут, что посадка на Me-109 очень сложна из-за узкой колеи шасси.

А.А. Все правильно, шасси не только узкое, но и слабовато было (даже на глаз). Такие тоненькие стоечки. Но

при посадке эти недостатки шасси должны проявляться только на полевых, грунтовых полосах. А на бетон — очень просто, я же говорю, как на По-2.

А.С. Знаете, в мемуарной немецкой литературе описан случай, когда немецкая авиачасть возвратилась в Германию с Восточного фронта. Аэродром стационарный, полоса бетонная. Так летчики этой части, отвыкшие от бетонных полос, побили при посадке больше «мессеров», чем потеряли на Восточном фронте. Кроме шуток.

А.А Ну-ну, ты верь побольше... Они тебе еще и не такое расскажут».

А вот Рудель откровенничает о том, что шасси, оказывается, ломались не случайно, и все немецкие летчики знали, как их сломать.

«Через два часа полета мы подлетаем к аэродрому, напряженно ожидая, откроют ли огонь американские зенитки после заключения перемирия. И вот внизу большое летное поле. Я отдаю распоряжение моему пилоту по радио, что мы должны совершить аварийную посадку, но пригодные к службе самолеты мы не имеем права передавать в руки врага (Привычный кретинизм переводчиков и редакторов «Центрополиграфа». Какому «моему пилоту» Рудель передал распоряжение да еще и по радио, если он сам и был пилотом?! По смыслу — Рудель дал эту команду остальным пилотам возглавляемой им группы. — Ю.М.)

Я приказываю выпустить шасси и затем сломать их при посадке на большой скорости. Лучший метод сделать это — резко затормозить с одной стороны и надавить на педаль на этой же стороне. Я вижу толпу солдат на аэродроме; они выстроились — возможно, для победной речи — под американским флагом. Поначалу мы летим низко над аэродромом, чтобы удостовериться, что при приземлении нас не обстреляют зенитки. Несколько из выстроившихся замечают нас и немецкие свастики на крыльях. Часть строя падает ниц. Мы приземляемся точ-

но так, как приказано, — только один из наших самолетов совершает мягкую посадку и катит до самой остановки. У старшего сержанта 2-й эскадрильи на борту девушка, и он боится, что аварийная посадка может повредить его бесценный женственный груз».

Так что доблестные асы истребительной авиации немцев били свои самолеты при посадке не потому, что были неопытны, а наоборот — потому, что были очень опытны и гробили машины, чтобы не летать! А Геринг, видишь ли, требовал от них на таран идти. Хрен тебе, а не таран.

. . .

Большой победой немецких асов считаются сбитые 69 американских бомбардировщиков при их налете на Берлин 6 марта 1944 года. Как всегда, все 69 бомбардировщиков асы записали на себя, зенитчикам ничего не оставили. Но интересно, сколько же было в небе немецких истребителей? 25 авиагрупп! То есть более тысячи немецких истребителей расстреляли боезапас и отчитались в сбитии вместе с зенитчиками аж 69 самолетов. Можно понять, почему Геринг требовал открывать огонь даже не со 100, а хотя бы с 400 метров? И запрещал стрелять с дистанции в 1000 метров? Ведь эти «асы» полетали вокруг американского строя, постреляли и сели на аэродромы так, чтобы разбить самолеты. Герои! Лучшие асы мира!

Вот эпизод воспоминаний немецкого подводника Х. Шафера. Он описывает, как уходил в свой последний боевой поход.

«Я вернулся в Киль. Град бомб обрушивался на город каждый день, и несколько раз в день я должен был отводить свою подлодку в какой-нибудь узкий залив на берегу, в убежище. Жужжание самолетов не прекращалось, но мы никогда не видели немецких истребителей. За два дня до того как мы собирались выйти в море на нашей «море-

ходной» лодке, очередной сигнал воздушной тревоги прозвучал в полдень. Как обычно, мы бросились в убежище. За мной шла подлодка под командованием моего сверстника. Следуя друг за другом (а мы практически были в гавани Киля), мы шли прямо среди бомб. Американские самолеты гудели над головой один за другим. Они знали, что у нас больше нет зениток, и не обращали на нас внимания. Всего в сотне ярдов от нас две бомбы попали в пассажирский пароход «Нью-Йорк», на котором не так давно я плавал в Америку, и он вспыхнул как факел. Вокруг взрывались боеприпасы. Это был какой-то дьявольский фейерверк. В следующий момент позади раздался взрыв, я приказал полный вперед, хотя не было абсолютно никакой разницы, с какой скоростью плыть. Однако приказы такого типа успокаивали нервы. Подлодка моего сверстника получила прямое попадание и затонула через несколько секунд. Спасти удалось немногим».

А вот эпизод из дневника немецкого летчика-истребителя Кноке. Он, между прочим, считался лучшим специалистом люфтваффе по сбитию американских бомбардировщиков, и когда первым в люфтваффе сбил их 15 штук, то лично Геринг вручил ему «яичницу» — так в Германии называли Немецкий крест в золоте — вторую после Рыцарского креста награду рейха:

«3 марта 1944 года

Американцы бомбят Гамбург. Шпехт не может лететь, и на меня временно возложено командование эскадрильей. У нас было 40 самолетов, а сейчас осталось 18. Их я и поднял в воздух.

Над Гамбургом я наметил цель — небольшую группу «Боингов». Мои 18 самолетов на 1500 метров выше их. Я приготовился было пикировать, но заметил, приблизительно на 1000 метров ниже слева, группу из 60 «мустангов». Они не могут видеть нас, поскольку мы находимся между ними и спящим солнцем.

Это настоящая удача!

Я сбросил скорость, чтобы дать янки немного продвинуться вперед. Веннекерс идет рядом, размахивая руками и показывая большой палец. Он в полном восторге. Первый раз мы оказались в такой позиции, что сможем преподать им настоящий урок, но надо быть осторожными, чтобы не атаковать раньше времени. Они все еще не заметили нас. Вперед!

В практически отвесном пике мы врезались в самую середину янки и почти одновременно открыли огонь. Мы застали их врасплох. Закладывая широкие виражи, «мустанги» попытались скрыться. Некоторые из них загорелись, еще не достигнув облаков. Один буквально развалился под огнем моих пулеметов.

Возгласы триумфа раздаются в эфире.

Вечером я получил сообщение из штаба дивизии, что обломки не менее 12 «мустангов» найдены в секторе Цезарь-Антон-четыре и Цезарь-Антон-семь.

Но была и доля печали, омрачающая нашу безмерную радость. Барран не вернулся. Несколько пилотов видели «Мессершмитт-109» без крыльев, падающий вниз. Что же с ним случилось?»

И, заметьте, никакой печали по поводу гамбургцев, убитых бомбами «Боингов», которых полк, ведомый Кноке, побоялся атаковать. Никаких попыток уйти от партизанщины, ни малейшего рыцарства и полный отказ от открытого боя! Внезапная атака зазевавшихся, но безобидных для гамбургцев «мустангов», пополнение личного счета — и только!

. . .

Те наши отечественные «историки», кто из шкуры лезет, чтобы придать немецким асам героический вид, пытаются не замечать их позорного поведения. Действительно, как объяснишь, почему уже в первый день войны советские летчики совершили 15 таранов, а немецкие и в по-

следний день не совершили ни одного? Доходит до забавного. Вот Зефиров дает краткие справки на кавалеров Рыцарского креста и пишет: «Kaldrack Rolf, Major. ...Погиб в районе г. Торопец, Калининской области, когда его BF-110 столкнулся с только что сбитым МиГ-1». Ну понятно— разве могут русские таранить? Они же только и могут, что неуклюже падать. Поэтому я рекомендую всем апологетам немецких асов истребительной авиации прочесть отрывок из дневника министра пропаганды рейха доктора Геббельса.

«22 марта 1945 года, четверг.

Я привожу фюреру несколько примеров, иллюстрирующих чрезмерное роскошество в военно-воздушных силах. Наши летчики-истребители совершенно избалованы этой роскошной жизнью. Они больше сидели в офицерских клубах, чем на учебных занятиях, и от этой хорошей жизни стали трусливыми и ни на что не годными. Фюрер высказывает предположение, что летчики нашей бомбардировочной авиации лучше подойдут для вождения новых реактивных самолетов, поскольку они больше соприкасались с врагом, нежели наши летчики-истребители. Однако тот факт, что такие люди, как Баумбах, все время резко критиковавшие командование ВВС, возлагают большие надежды на реактивные самолеты, очень укрепил фюрера в его мнении. К тому же счастливым обстоятельством при использовании реактивных самолетов является то, что им не нужен высококачественный бензин, что они могут летать чуть ли не на помоях. Так что с проблемой горючего мы справимся. Внутренняя же логика технического развития ВВС заключается в том, что увеличить скорость самолетов, работающих на бензине, уже нельзя, а новый тип реактивных самолетов сразу дает увеличение скорости на 200 километров в час.

Фюрера очень рассердило то обстоятельство, что наши летчики-истребители выдвигают теперь в качестве

причины для отказа от полетов даже и хорошую погоду. Они придумывают все новые отговорки, лишь бы не атаковать врага».

И действительно, немцы пытались укомплектовать свою истребительную реактивную авиацию летчиками бомбардировочной авиации. Руделю Геринг предложил перейти в летчики-истребители в середине 1944 года, причем сообщил, что это пожелание фюрера, но Рудель, само собой, отказался, так как ему для переучивания с Ю-87 потребовались бы годы. Но другие летчики бомбардировочной авиации, спасая Германию, в истребительную авиацию перешли. Скажем, летчики Ю-87, кавалеры Рыцарского креста майор Брюкер и лейтенант Бушнер в конце войны сбивали американские бомбардировщики на реактивных Ме-262, кавалер РК обер-лейтенант Хатгель — на реактивных Ме-163 и Хе-162, кавалер РК гауптман Кутша успел сбить 6 четырехмоторных «бомбера».

Нельзя, конечно, и согласиться с Геббельсом в том, что летчики истребительной авиации Германии были просто трусами, ведь тогда получается, что все трусы почему-то записались в летчики-истребители, а так не бывает. Дело здесь в другом.

Гитлера и Геббельса, мнивших себя исключительными специалистами в области пропаганды, угораздило в качестве критерия для награждения избрать не героизм награжденного, а только количественные показатели. Уже это исключительная глупость, потому что война — это не сбор грибов в лесу и не спортивная ловля рыбы, на войне солдат должен думать обо всех и подвиг совершать во имя всех. Немецкий Железный крест и, соответственно, его высшие степени полагалось давать «за мужество, проистекающее из морального долга», а не из меркантильных соображений. По декабрь 1944 года, даже по данным Геббельса, англо-американская авиация своими бомбовыми ударами убила 353 тысячи мирных жителей, 457 тысяч

ранила и миллионы оставила без крова. А Кноке со своим полком (авиагруппой) атакует не бомбящие Гамбург «Боинги», а никому и даром не нужные истребители, увеличивая личный счет и получая за это Рыцарский Крест. Какой тут, к черту, «моральный долг»? Как только награждать стали за сбитые самолеты, так побоку стал моральный долг, важно стало анкету о сбитии заполнить.

Брехня — это оружие массового поражения, и бьет это оружие и по своим. Если те, кому ты преподносишь брехню, выяснят, что это вранье, и выяснят, что ты лжешь не во спасение, а чтобы сделать их дураками, то результат будет прямо противоположный — люди будут делать прямо противоположное тому, что ты хотел добиться своей брехней. Чего хотел Геббельс враньем о достижениях Хартмана, Баркхорна, Роля, Китля и т.д.? Он хотел, чтобы остальные летчики, воодушевленные достижениями этих асов, бросились на вражеские бомбардировщики в надежде сбить их столько же, сколько и Хартман. Но для этого надо было начисто пресечь поступление в массы летчиков информации о том, как именно эти асы «сбивают» вражеские самолеты, надо было установить жесткую монополию на информацию, подобную той, которую установили еврейские расисты на информацию о холокосте, то есть надо было добиться, чтобы основная масса немецких летчиков действительно верила, что Хартман, бросаясь в бой с русскими, сбил 352 самолета.

Но ведь это были не придурковатые интеллигенты — журналисты, историки и писатели, — а летчики. Они летали с одних и тех же аэродромов, они интересовались подробностями любого боя своих товарищей, поскольку это касалось их жизни. Как можно было обдурить их глупыми приписками? Я уже обращал ваше внимание на вопрос, почему Рудель и Хартман сообщают в мемуарах о себе то, что им наверняка хотелось бы скрыть. Почему Рудель сообщил, что не справился с управлением «Шторха» и его

снимали с дерева местные пожарные? Почему Хартман сообщил, что бросил в воздухе исправный самолет с горючим и боеприпасами и трусливо выпрыгнул с парашютом? Потому, что это было известно всему люфтваффе и, не напиши об этом они, об этом бы обязательно написали другие. И получалось, что, с одной стороны, Геббельс, приписывая и приписывая «сбитые» самолеты, призывает следовать примеру Хартмана, который «бьет русских как мух», а с другой стороны, все немецкие летчики знают, что Хартман трусливая скотина, не способная на открытый бой не только с советскими летчиками, но и с американцами.

Вы можете спросить, а как же в Японии? Ведь там летчики тоже смело приписывали себе победы, почему же там они отдавали жизнь за императора (за Родину) без колебаний? А это Азия, и здесь другая специфика. Если в Европе Гитлер и Геббельс до последних дней войны врали немцам о том, что еще чуть-чуть, и появится «чудо-оружие», которое решит все проблемы, то Сталин советскому народу в приказе № 227 говорил правду: что нас уже меньше, чем немцев, что материально мы уже давно слабее, что если мы не перестанем отступить, то нам конец. А японцы в этом смысле еще круче.

Уже упомянутый мною офицер штаба ВВС Японии Масатакэ Окумия, человек «культурный», под чем и в Японии часто имеют в виду европеизацию, в своих воспоминаниях пишет (выделено им):

«Удивительно и, может быть, стыдно сознавать, что за всю Вторую мировую войну ни один живущий военный служащий японских вооруженных сил не получил ни в какой форме государственные почести, награды или похвалы. И это несмотря на действия многих воинов за пределами своего долга перед страной». У японцев хватало красивых орденов, но, как видите, награждали ими только погибших, а живые получили бы их после победы. Поэтому «победные списки» японских летчиков служили делу запугивания врага и ничего лично летчику не давали, посему и воспри-

нимались остальными без раздражения на начальство, без потери доверия к нему. Более того, движение камикадзе началось после того, как начальство в полном смысле этого слова пожалело летчиков, попыталось спасти их жизни. Если в Германии в привилегированном положении находились только пресловутые пропагандистские асы, верховное командование вооруженных сил Японии отдало такой приказ всем летчикам-истребителям: «В будущем от вас больше не требуется вступать в бой с вражескими самолетами, когда бы они ни встретились. Атакуйте или защищайтесь лишь тогда, когда боевые условия представятся вам особо благоприятными». Окумия пишет о том гнетущем впечатлении, которое произвела эта льгота на японских летчиков: «Даже сам выход такого приказа производил угнетающее действие, потому что для наших авиаторов такие слова явно означали официальное признание нашей слабости перед разбушевавшимися американцами». И летчики решили компенсировать слабость Японии своими жизнями, посему и первыми камикадзе были морские летчики-истребители, которых организовал их бывший командир вице-адмирал Ониси...

Да, пропаганда – это сильнейший род войск. Да, можно захватить все средства массовой информации и вбивать в головы толпы только то, что хочешь ты. Но абсолютной монополии на СМИ достичь невозможно, и если ты начал в своей пропаганде брехать, чтобы одурачить толпу, то эта брехня рано или поздно отбарабанит по шкуре самих пропагандистов. «Ты хочешь одурачить нас лживыми победами твоих пропагандистских «асов», чтобы мы бросились в атаку на русских? – задали Геббельсу молчаливый вопрос летчики-истребители люфтваффе. – Дураков среди нас нет, садись сам на Me-262 и атакуй их!»

Глава 9

АРМИЯ И МИРНОЕ НАСЕЛЕНИЕ

В ноте, врученной в 4 часа утра 22 июня 1941 г. послом фашистской Германии Шуленбургом наркому иностранных дел СССР Молотову, говорилось: «...Ненависть большевистской Москвы к национал-социализму оказалась сильнее политического разума. Большевизм— смертельный враг национал-социализма. Большевистская Москва готова нанести удар в спину национал-социалистической Германии, ведущей борьбу за существование.

Правительство Германии не может безучастно относиться к серьезной угрозе на восточной границе.

Поэтому фюрер отдал приказ германским вооруженным силам всеми силами и средствами отвести эту угрозу. Немецкий народ осознает, что в предстоящей борьбе он призван не только защищать Родину, но и спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма и расчистить дорогу к подлинному расцвету в Европе. (Берлин 21 июня 1941 г.)»

Как видите, Европа нам, глупым «унтерменшам», недочеловекам, несла на своих штыках свет мировой цивилизации. Воплей о том, что европейцы культурнее нас, более цивилизованные, всегда было много, особенно с упоением вопила о цивилизованности Европы наша дебильная интеллигенция, да и сами европейцы в этой истине никогда не сомневались. Правда, когда наши деды познакомились

с цивилизованными европейцами поближе, то эта истина как-то поблекла и потеряла убедительность.

Во-первых, неприятно поразила страсть цивилизованных к разбою. Исторически все армии создавались для разбоя, правда, в последние столетия это как-то не афишируется, поскольку в мире были силы этому противостоять. Но вот не стало СССР, и вы посмотрите на США — это же бандиты несравненной наглости, но с видом гимназистки.

Раньше, в старые времена, разбоя не стеснялись, не стеснялись его и наши предки, это уже потом, после татаро-монголов, стало «не до жиру, быть бы живу», а до них и русские были как все.

А на Западе иметь целью войны разбойничьего ничего не мешало, более того, из-за любви Запада к «правовым государствам» военный разбой был быстро узаконен и действовал, надо думать, чуть ли не до 20-го века. Вот, скажем, как это дело обстояло в Великобритании.

«Здесь, по-видимому, следует сказать, что в английском флоте захват в сражении «призов», то есть вражеских судов и товаров, всячески поощрялся. В Адмиралтействе существовал специальный отдел, ведавший призами. Особенно радовал Адмиралтейство захват вражеских судов. Он составлял важный и наиболее дешевый источник пополнения британского флота. Ведь на постройку нового корабля требовались долгие годы и очень большие деньги. А ремонт захваченного в бою судна противника мог быть осуществлен за несколько месяцев при куда меньших материальных затратах. Кроме того, нередко англичанам удавалось захватить неприятельские корабли, перевозившие золото из колоний в метрополию. За такими кораблями охотились и очень упорно. Когда приз доставлялся в Портсмут или другой английский порт, туда прибывал уполномоченный Адмиралтейства для установления его стоимости. В Лондоне тщательно изучали относящиеся к делу материалы и устанавливали призовую сумму.

Большая часть призовых денег распределялась среди экипажа судна, захватившего приз, — от рядового матроса до капитана, но, разумеется, не поровну, а в соответствии с их положением.

Призовыми деньгами привлекали матросов при вербовке во флот. В городах вывешивались плакаты такого, например, содержания: «Требуются три 1-й статьи или неморяки для службы на корабле его величества «Лайвели». Те, кто поступит на эту службу, будут направлены на захват богатых испанских галеонов и впоследствии возвратятся, окруженные почетом и нагруженные деньгами; они проведут остаток своих дней в мире и богатстве». И действительно, матрос, которому повезет, мог в течение часа заработать призовыми деньгами больше, чем за всю жизнь, трудясь на берегу. Везло, разумеется, лишь немногим. И, тем не менее, соблазн был очень велик.

Самым богатым призом, захваченным англичанами в XVIII столетии, оказался груженный золотом испанский корабль «Гермионо». Он шел из Лимы (Перу) в Кадис и был взят в 1762 году. Приз оценивался более чем в полмиллиона фунтов стерлингов. Из этой суммы английский адмирал получил примерно 6500 фунтов стерлингов, офицеры, естественно, меньше — соответственно рангу, матросы — еще меньше. И все же на долю каждого матроса и морского пехотинца пришлось по 485 фунтов стерлингов. По тем временам это были очень большие деньги: как уже говорилось, матрос 1-й статьи получал тогда 25 шиллингов в месяц. Такие случаи сильно действовали на воображение моряков, они самоотверженно гонялись за призами и, не задумываясь об опасности, лезли на abordаж. Не составляло секрета, что многие адмиралы и капитаны, особенно если они находились в районе военных операций, приобретали значительные состояния из призовых денег. Что касается Нельсона, то его отец и члены семьи в Барнэм-Торпе

вдохнули свободнее, когда он стал посылать им призовые деньги, добытые в Вест-Индии».

Для справки: фунт стерлингов — это английский фунт серебра, т.е. 0,454 кг, шиллинг — 1/20 фунта.

. . .

Русские цари и императоры тоже не были дураками и прекрасно понимали, что добыча хорошо стимулирует если не храбрость, то энтузиазм солдат. Но все цари, как правило, были истинно, а порою и истово (Иван Грозный, к примеру) верующие люди, и им, во-первых, не хотелось брать грех на душу и превращать русскую армию в разбойников, во-вторых, подавляющее количество войн велось за безопасность своих границ — безопасность живущих у границ подданных России. Буйных соседей следовало наказывать за набеги на Россию и этим отвращать от набегов, а британские алчность и жестокость могли бы только озлобить соседей и вызвать у них чувство мести. Потом, так или иначе, но многих соседей приходилось просто включать в число подданных империи, чтобы защититься от них, и в связи с этим также не имело смысла чрезмерно их обижать. Как бы то ни было, но вы вряд ли вспомните в русской истории кого-либо, кто бы разбогател от военной добычи, хотя, как вы знаете, у России достаточно было и вполне удачных войн.

Уже Петр I в «Артикуле воинском» начинает главу XIV «О взятии городов, крепостей, о добыче и пленных» ограничением объектов грабежа даже после штурма.

«Арт. 104. Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает, хотя вышняго или нижняго чина, церкви, школы или иные духовные дома, шпитали без позволения и указу грабить или разбивать, разве что гарнизоны или граждане в оном сдачею медлить и вели-

кий вред чинить будут. Кто против сего преступит, оный на-
кажется яко разбойник, а именно: лишен будет живота.

Арт. 105. Такжеже имеет женский пол, младенцы, свя-
щенники и старые люди пощажены быть, и отнюдь не уби-
ты, ниже обижены (разве что инако от фельдмаршала при-
казано будет) под смертною казнию.

Толк. Ибо оные или невозможности своей или чина
своего ради никакова ружья не имеют при себе, и тако сие
чести получить не можно, оных убить, которые оборони-
тися не могут».

В понимании русского, добыча не должна быть грехом,
и Петр уже в начале XVIII века страхом смерти запрещает
грабить церкви, а англо-французы и через полтора столе-
тия, взяв Севастополь, не только разграбили все церкви,
но не постеснялись вскрыть могилы адмиралов Лазарева,
Нахимова и Корнилова, чтобы сорвать с их мундиров зо-
лотые эполеты. Что с них возьмешь — цивилизованная
Европа! Понимает толк в грабежах.

Лет через 50 после петровского «Артикула воинского»
А.В. Суворов, подстраиваясь под солдатский язык, растол-
ковывает в своей «Науке побеждать», как солдату следует
себя вести в этом вопросе.

«Обывателя не обижай, он нас поит и кормит; солдат
не разбойник. Святая добычь! Возьми лагерь, все ваше.
Возьми крепость, все ваше. В Измаиле, кроме иного, де-
лили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих мес-
тах — без приказа отнюдь не ходи на добычь!

...Штурм. Ломи через засеки, бросай плетни чрез вол-
чьи ямы, быстро беги, прыгай чрез полисады, бросай фа-
шины, спускайся в ров, ставь лестницы. Стрелки очищай
колонны, стреляй по головам. Колонны лети чрез стену на
вал, скалывай, на валу вытягивай линию, караул к порохо-
вым погребам, отворяй ворота коннице. Неприятель бежит
в город! Его пушки обороти по нем, стреляй сильно в улицы,

бомбардируй живо. Недосуг за этим ходить. Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах. Конница, руби. В дома не ходи. Бей на площадях. Штурмуй, где неприятель засел. Занимай площадь, ставь гауптвахт, расставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазинам. Неприятель сдался? — Пощади! Стена занята? — На добычь!»

Суворов для лучшего запоминания этих правил солдатами писал их телеграфным стилем — только итоговые положения без объяснений. А суть этих положений проста.

Добыча — стимул, но она не должна мешать управлению войсками: «...Без приказа отнюдь не ходи на добычь!» Этим грешили все, но особенно казаки, которые могли прекратить преследовать противника, если на пути попадалось что-то, что можно было пограбить.

Второе. Грабить можно только того, кто не сдается, сдавшихся — нельзя: «Неприятель сдался? — Пощади!» И только если город приходится брать штурмом, то тогда его разрешено и грабить: «Стена занята? — На добычь!»

А мирных жителей селений, мимо которых проходят русские войска, грабить вообще нельзя («обывателя не обижай»). Здесь тоже военная целесообразность — у обывателя покупались фураж и продовольствие («он нас кормит и поит»), и если начать обывателя грабить, то он убежит и армия будет голодной.

Но характерно другое. Русская армия, как и прочие, состояла из солдат и офицеров, включая генералов и самого Суворова. Между тем, Суворов не пишет, что если взять лагерь или крепость, то все будет «наше», Суворов пишет «все ваше», то есть вся добыча принадлежит только солдатам. Иными словами, когда «в Измаиле, кроме иного, золото и серебро пригорошнями делили», то ни офицеры, ни генералы свои пригорошни не подставляли.

И в этом резкое отличие русской армии от остальных (скажем, того же британского флота), в которых добыча

доставалась и офицерам с генералами. А за что офицеру добыча? У него большое жалование от царя, у него имение, у него крепостные. Какая еще добыча?

Если вы помните, то в фильме «Петр Первый» есть характерный и, видимо, точный эпизод. Будущая русская императрица Екатерина I, в девичестве Марта Скавронская, была трофеем русских солдат, взявших под командованием фельдмаршала Шереметева шведскую крепость Мариенбург. Досталась Скавронская простому драгуну, но понравилась Шереметеву, и тот приказал привести ее к себе. Но это с его стороны было грабежом драгуна, честно добывшего свой трофей, и Шереметев отсылает драгуну рубль, то есть формально покупает Марту у своего солдата.

. . .

Традиции — это база законов, традиции складываются веками, и чтобы их отменить, одной бумажки мало, и уж совсем недостаточно вопить о том, что ты цивилизованный европеец.

Вот попутно вспоминает ветеран войны И.И. Кривой.

«В январе 1942 года 18-я дивизия народного ополчения г. Москвы передала свою полосу обороны другому соединению, погрузилась в эшелоны и по железной дороге через Москву была переброшена в район г. Сухиничи Калужской области. Эшелон, в котором следовал штаб 282-го стрелкового полка, в первой декаде января 1942 года четверо суток стоял на станции Люблино на окраине Москвы. Командиром полка был майор Щербина Иван Кузьмич.

В эшелоне командир полка поставил мне задачу поехать в г. Москву, найти Госбанк и сдать два слитка золота, которые солдаты захватили у отступавших немецких мародеров. Они так резво бежали от Москвы под ударами наших войск, что бросали награбленное ими.

До 1941 года мне в Москве бывать не приходилось, поэтому ориентироваться в городе мне было сложно. Тем не менее, золото в банк я сдал, получил в банке соответствующий документ, и у меня еще оставалось время».

Разберем ситуацию — это золото было из какого-то областного отделения Госбанка СССР, которое наши не смогли эвакуировать, а немцы его захватили. Но, заметьте, немцы золото не в немецкий Рейхсбанк сдали, а, соответственно, разграбили, — а чего стесняться, они же цивилизованные. Но вот золото попало к нашим солдатам, которые тоже могли его прикарманить, но они его сдали в Госбанк. Это, конечно, не правило — и наши пограбили Германию, но пример очень типичный и показывает, из какой цивилизации вышел сам военный грабеж — каким народам он особенно присущ.

Но в этой связи интересна брехливая подлость европейцев — сами грабители, а как вопят и стенают о том, что их, видишь ли, грабили русские.

Немцам (включая и австрийцев) вообще-то грех жаловаться, что победители во Второй мировой их грабили как могли. Тем более им грех жаловаться на нас. А чего это еще они, сволочи, вправе были ожидать? И не брехливая ли подлость, что сегодня на Западе эти военные грабежи представляются как исключительно советское злодейство?

Уже давно А. Дубров прислал мне вырезку из австрийской газеты «Kronen Zeitung» за 30.09.01 с публикуемой фотографией, на которой, якобы, изображен советский офицер, с якобы награбленными им тремя парами наручных часов. Вообще-то у меня факт того, что советский офицер отобрал у кого-то из немцев три пары часов, возмущения не вызывает: ничего, гады, и по солнцу время поопределяете!

Однако на этом фото в австрийской газете у меня не вызывает сомнения только звездочка на фуражке — она, судя по всему, наша. Но все остальное?!

Часы слишком плоские, чтобы быть часами времен Второй мировой. Погоны без звездочек. Ремень хрен знает какой армии. Портупея через правое плечо, а так ее наши офицеры ни до войны, ни во время войны не носили, даже если на поясе была кобура с пистолетом. Ремень же от планшетки не заправлялся под погон. И, наконец, медали австрийские, каких советский офицер Второй мировой ну уж никак не мог получить. Вот ведь тупые цивилизованные подлюки! Простую фальшивку не могут сделать! В ГДР наши войска стояли всего до 90-х годов, а из Австрии вышли спустя всего лишь несколько лет после войны, вот сегодня австрийцы и представляют себе, как выглядит советский офицер только по фильмам из Голливуда. Отсюда и такая убогая фальшивка...

. . .

Ну и если уж речь зашла о часах, то давайте освежим в памяти, что вспоминали о своих часах сами немцы.

Эрик Хартманн, немецкий пропагандистский ас, рассказал американцам обстоятельства своего пленения так:

«Во второй половине дня колонна оказалась возле Писека. Эрих увидел несколько американских танков, осторожнодвигающихся по дороге. Американцы немедленно остановились, когда увидели немцев, мчащихся к ним прямо по полю. Граф и Хартманн подошли к головному танку и отдали честь американскому офицеру, смотревшему на них из башни.

«Я подполковник Граф, командир 52-й истребительной эскадры германских ВВС. Это майор Хартманн, командир I группы моей эскадры. Люди, сопровождающие нас, личный состав эскадры вместе с немецкими гражданскими беженцами. Мы сдаемся армии Соединенных Штатов».

Американский офицер достал микрофон рации из башни и начал о чем-то говорить со своим штабом в Писеке.

Через несколько минут позади танков появились грузовики с солдатами американской 90-й пехотной дивизии. Американские солдаты попрыгали на землю и начали сгонять немцев в поле возле дороги. Они отбирали у немцев оружие. Офицерам было разрешено сохранить свои пистолеты, и они были обязаны поддерживать дисциплину.

В качестве сувениров особенно высоко ценились немецкие наручные часы. Личный состав JG-52 тут же лишился этих предметов». (Р.Ф. Толивер, Т.Дж. Констебль. Эрик Хартманн — белокурый рыцарь рейха. Екатеринбург, 1998, с. 186.)

А вот обстоятельства пленения другого немецкого аса — Руделя: «В тот же день Рудель вместе со своим бортстрелком гауптманом Ниерманном, а также еще несколько экипажей SG2 перелетели из Куммера на аэродром в Китцингене, где и сдались в плен американцам. Для начала американцы всех их «освободили» от часов, авторучек и прочих «ненужных» предметов, а затем поместили в близлежащий лагерь для военнопленных». (М.Ф. Зефиоров. Штурмовая авиация люфтваффе. М., АСТ, 2001, с. 278.)

Так что надо было бы «Kronen Zeitung» дать на этой фотке Шварценеггера в американской форме.

А вот антисоветчик И.А. Лугин, сдавшийся немцам в плен и освобожденный американцами, в сборнике «Всероссийской мемуарной библиотеки», основанной А.И. Солженицыным (серия «Наше недавнее», выпуск 6, И.А. Лугин «Полглотка свободы», Paris, YMCA-PRESS, 1987, с. 242–243) вспоминает:

«Когда фронт в сентябре 1944-го приблизился к границам города, Геббельс писал, что Ахен станет вторым Сталинградом и город Карла Великого никогда не будет сдан. С другой стороны, союзники, быстро изгнавшие немцев из Франции, были уверены в скором падении города.

Обе стороны ошиблись. Ахен не стал поворотным пунктом войны. Разве что после девяти больших налетов

авиации профиль города действительно стал напоминать сталинградский. Но и не достался дешево американцам. После шестинедельных кровавых боев, 21 октября, горстка защитников, израсходовав амуницию, сдалась. Около половины всех зданий города были разрушены, другая половина частично повреждена. Чудом уцелел Ахенский собор. Из 160 тысяч населения осталось только около 5 тысяч. Большинство было эвакуировано по приказу Гитлера. Несчитанные тысячи остались погребенными под развалинами зданий или же погибли во время уличных боев.

...Служи о богатствах покинутого жителями города быстро достигали ушей новоприбывших. Начались массовые походы в город. Но не только мы грабили покинутые квартиры. Голландцы и бельгийцы приезжали с большими возами и уезжали домой, тяжело нагружив их мебелью и посудой. Идущие на фронт американские войска также сворачивали в город пограбить, но брали они только ценные вещи».

Вот ведь сукины дети! Как воевать, так Красная Армия разбила семь из восьми немецких дивизий. А как грабить, так только «ценные вещи»! А как обвинять в грабежах, так снова русских!

* * *

К сожалению, не могу сейчас найти источник, в котором читал, что немцы на оккупированных советских территориях оставили миллион детей, а наша армия на оккупированных территориях оставила всего четверть миллиона. И, знаете, в сам факт такой статистики плохо верить, но соотношение, скорее всего, верное, и вот почему.

Мой отец вспоминал, что в конце войны в Германии он на марше командовал боевым разведдозором дивизии. Наткнулись на колонну немецких беженцев, которые спасались от наших войск. (И правильно делали, в Германию

входили солдаты, уже увидевшие свою страну сожженной и изнасилованной.) Понимая, что будет, когда эту колонну догонят войска дивизии, отец скомандовал немцам бежать и прятаться в ближайший лес. Переждать, пока дивизия пройдет.

В это время подъехал начальник политотдела, еврей, если это имеет значение. Бросился к немцам, выхватил из толпы старика и выстрелил в него. Вернее — пытался выстрелить. Пистолет дал осечку. Но второй раз ему выстрелить отец не дал и потребовал, чтобы тот убрался, а когда начальник политотдела попытался надавить на отца должностью и званием, отец пообещал его пристрелить. Оскорбленный начальник политотдела уехал. Остановились на ночевку, и отец с тревогой ждал, когда за ним придут. Действительно, пришли. Пришел адъютант командира дивизии и под роспись ознакомил с приказом Жукова, из которого следовало, что «...за убийство гражданского немца — расстрел, за поджог дома — расстрел, за мародерство — расстрел, за изнасилование — расстрел». И этот приказ помнят все фронтовики, вошедшие в Германию, поскольку этот приказ закреплялся в памяти солдат расстрелами перед строем. Прекрасно знали о нем и немцы с австрийцами. Мне пришлось видеть телефильм нашего телевидения, наши «демократические» авторы которого стонали не о русских женщинах, изнасилованных немцами, а о немецких, изнасилованных русскими солдатами. И в одном из эпизодов авторы спросили свидетельницу — порядочную немку, были ли в их городе случаи изнасилования немецких женщин русскими. «Да, — ответила она, — были, но мы пожаловались русским офицерам, насильников расстреляли публично на глазах жителей и похоронили вон в том лесу», — немка показала рукой.

А кто может вспомнить хотя бы о каком-либо приказе по немецкой армии, запрещающем грабежи, убийства

и изнасилования? Есть ли хоть в каких-то воспоминаниях немецких ветеранов хотя бы намек хотя бы на какое-то наказание немецких солдат за изнасилование русских женщин? Чему же удивляться, что немцы оставили нам миллион детей, а мы им всего четверть миллиона.

Но посмотрите, как эта подлая цивилизованная Европа благодарит нас за эту сдержанность. Вот письмо одного из читателей «Дуэли» на эту тему.

«В книге Дугласа Рида «Спор о Сионе» (изд. «Витязь», Москва, 2000 г.), довольно обстоятельном и, можно даже сказать, непредвзятом труде, если из него исключить самую настоящую ложь о советских солдатах и сталинском режиме по еврейскому вопросу, я наткнулся на следующий эпизод (с. 421 настоящего издания), ужасно страшный по описанию, но вместе с тем уморительно смешной по своей лживой сути, наглядно иллюстрирующий всю абсурдность лжи, выплеснувшейся на советское войско и советских солдат в западной литературе: некая г-жа Френсис Февьелл ужаснулась, когда прочла дневник своей экономки Лотты с описанием «изнасилования Лотты и тысяч других женщин, даже 65-летних старух, вшивыми монгольскими солдатами, не раз, но множество раз, женщин с детьми, цеплявшимися за их платья...». Также в дневнике были указаны «все даты и подробности, записанные при свете фонарика, убийства тех, кто пытался защитить старых женщин, извинения русского офицера, увидевшего трупы... его объяснения Лотте, что солдатам были даны двое суток свободы грабежа...».

Теперь представьте себе следующую картину: особо озабоченные вшивые монгольские солдаты насилуют ПО НЕСКОЛЬКО РАЗ ТЫСЯЧИ женщин, включая 65-летних старух и женщин с детьми, цепляющимися за их платья. Представляете? Я лично с трудом. Еще мне трудно представить размер дневника Лотты, в котором подробно описа-

ны все эти зверства (неужели она присутствовала при каждом из них и, как заправский управляющий, отмечала их в своем дневнике, как в амбарной книге). А где совершались эти массовые изнасилования? Что за двое суток свободы грабежа, в которые, видимо, нужно было уложиться с изнасилованием ТЫСЯЧ женщин? Дуглас Рид эти вопросы не освещает...

Если бы факт изнасилования ТЫСЯЧ женщин монгольскими солдатами действительно имел место, то я сомневаюсь, что ТЫСЯЧИ изнасилованных женщин стали бы об этом молчать, СМИ в мгновение ока разнесли бы эту весть, а нынешние «демократические» историки не преминули бы посмаковать столь пикантные особенности оккупационного режима советских войск.

В своих буйных сексуальных фантазиях Лотта (или г-жа Френсис Февьелл) может дать фору самому Маркизу де Саду, а, может быть, она страстная почитательница его творчества?

Самое печальное, что все это было опубликовано на Западе и какой-нибудь не слишком утруждающий себя размышлением читатель поверил в эту белиберду, к данному вопиющему факту откровенной лжи не прилагается примечания переводчика (отсутствует также примечание по поводу Катынского дела — Рид обвиняет в убийстве 15 000 поляков Советы, а примечания хотя бы о спорности данного положения, я уж не говорю об опровержении, нет, зато есть примечание прогерманского характера насчет присоединения Судетской области: Гитлер освободил угнетенных немцев, которые носили статус второразрядного населения. А о том, что он их использовал для своей армии — молчок).

Действительно, прав был Геббельс, когда говорил: что бы в ложь поверили, она должна быть грандиозной.

Евсей Евсеев».

Меня же во всех этих байках об изнасилованиях возмущает вопрос: а надо ли было стараться, чтобы изнасиловать немок и австриек? Вот мой соавтор по одной из книг ветеран войны А.З. Лебединцев бесхитростно вспоминает, каким на самом деле было положение с этим вопросом.

«К вечеру расположились в городке под тогдашним наименованием Ньем Бенешов, названом, скорее всего, в честь последнего буржуазного президента Бенеша.

Это был маленький городишко с кирхой в центре на площади, с гостиницей, рестораном и кинотеатром. Жителей из центра отселили, и мы заняли дома под отделы штаба. Нашему отделению выделили двухэтажный домик, в котором внизу ранее был магазин радиоаппаратуры. Молодая хозяйка с грудным ребенком ночами приходила навещать свое жилье и оставалась до утра с чертежником «Алексом». Наверху проживал я с офицером связи от одного из корпусов, капитаном Блохой. Он часто бывал в отъездах, и я практически один находился в своей комнате.

Однажды услышал легкий стук в дверь. Открыв ее, я увидел цивильного мужчину, который много раз повторил по-русски с акцентом извинения. Потом он попросил разрешения взять «пару белья», так как является хозяином этой спальни. Я разрешил ему войти, и он заглянул в платяной шкаф. Покопавшись там, он вынул зонт, поблагодарил меня, собираясь выйти. Но, увидев на столе открытую пачку сигарет в сто штук, он долго не мог оторвать свой взгляд от нее. Я понял, что он давно не курил, и предложил ему закурить. Он с благодарностью взял, я дал ему зажигалку и разрешил сесть, так как меня интересовало, откуда он знает русский язык. Он объяснил, что изучал его на курсах военных переводчиков, но в России ему воевать не пришлось. «Плохо вас учили, так как то, что вы взяли, по-

русски называется зонт, а не пара белья». Он искренне извинился. Оказалось, что он был владельцем этой квартиры. С женой они были в разводе, и он показал ее снимок в рамке на стене. Я сказал, что дама симпатичная, и он тут же предложил привести ее и познакомиться. Но я не поддержал его предложение, тогда он вызвался сделать приборку помещения. Я отказал ему и в этом, пообещав навести порядок, ибо до нас здесь побывали солдаты. На прощание я отсыпал ему с полсотни сигарет, и он много раз благодарил меня за такую щедрость.

Чертежник Алексей теперь занимался любовью со своей молодой хозяйкой. Днями она не выходила на улицу. Кормил ее Алексей с кухни, принося еду в котелке. Мария просила, чтобы он взял ее с собой в Харьков, Алексей, естественно, соглашался, а она обещала ему подарить маленького «рус», намекая на зачатие от него. Однажды Алексей поднялся ко мне и попросил спуститься к ним, так как Мария припрятала радиолу «Телефункен». Приемники требовалось сдавать коменданту, а она не сдала и хотела передать нам без наказания. Я впервые видел эту молодую немку с полугодовалым ребенком на руках. У стены стояла ее младшая сестра лет 16—17. Старшая сестра предлагала через Алексея ее мне в сожительницы. Для нас это было дико и неправдоподобно. Я ушел, оставив даже радио».

* * *

Между прочим, историк-фронтовик А.З. Лебединцев восхищается бытовым обслуживанием в тогдашней немецкой армии. Вот он пишет: «Сразу оговорюсь и скажу честно, что по сравнению с немцами и к их зависти мы в морозы имели валенки, шапки-ушанки, полушубки или телогрейки и ватные брюки. А «фрицев» и «Гансов» зимы заставляли в пилотках, тонких «демисезонных» шинелях и сапогах с шипами. Но зато они всегда имели пакетик «дус-

та» для борьбы с вшивостью! А мы получили это средство от них только после войны, в счет репараций, и закончили в 1947 году с извечной вшивостью в нашей деревне, принудительно проводя в селах санобработку людей и домашних животных. На фронте мы вели борьбу с насекомыми с помощью «бучила», но они были малоэффективными. Напомнил об этом потому, что не встречал об этом описаний в нашей исторической и художественной литературе. Так из нашей истории мог выпасть целый жизненный «пласт» ее тогдашнего быта. Хотя благодаря нашей медико-санитарной службе нам удалось избежать тифозной эпидемии, как было в годы Гражданской войны. Это тоже положительный факт истории».

Меня, надо сказать, этот dust покоробил.

И я вспоминаю такой случай. Где-то после, пожалуй, второго класса родители отправили меня на лето к дяде в село Златоустовка Криворожского района. У дяди Феодосия огород плавно сходил в низинку, в которой был длинный и мелкий ставок (пруд), за ставком местность поднималась и по хребту возвышенности шла дорога. Теперь я понимаю, что это была идеальная местность для занятия немцами обороны «за обратным скатом». Между огородом и ставком в земле была видна уже заросшая кольцевая выемка. Дядя Феодосий пояснил, что это немецкий окоп под пулемет, а окопы стрелков были чуть выше — немцы их выкопали поперек огорода дяди, и когда их выбили, то дядя стрелковую траншею зарыл. И созрела у меня мысль, что дядя мог в траншее не досмотреть что-нибудь интересное, например, пистолет, и если я откопаю эту траншею, то смогу найти что-то полезное для своего мальчишеского хозяйства. Дядя понял мои намерения, когда я начал просить его указать мне точно, где были окопы, и уверил, что он из окопов все забрал и закопал только dust. Что такое dust я знал, поскольку отец смешивал его с медным купоросом, когда опрыскивал деревья, для

меня дуст интереса не представлял, и я отказался от идеи перекопать дяде картошку. Александр Захарович пишет, что благодаря дусту, этому подарку «цивилизованных немцев», мы, русские, «покончили в 1947 году с извечной вшивостью в нашей деревне», а мой дядя, который в безлесной части Украины использовал кабину немецкого грузовика под туалет, стволы винтовок и колючую проволоку под ограду, немецкие каски под голубиные гнезда, гильзы артвыстрелов для оформления входа в погреб, этот дуст закопал, как только похоронил убитых немцев с их вшами.

Не знаю, может быть, в той деревне, в которой жил Лебединцев, была «извечная вшивость», но я помимо упомянутого села подолгу жил в селе Новониколаевка Новомосковского района и в селе Гуппаловка на границе с Полтавской областью, и до отъезда в Казахстан всю жизнь прожил в частном доме без удобств, построенном отцом в 1948 г. Так вот, в «нашей деревне» я ни разу не видел не только вшей, не только клопов, но я не смог увидеть даже таракана, о котором читал в стихке Чуковского. Первого таракана в своей жизни я увидел на 24-м году своей жизни в общежитии в Казахстане, там же, переселившись в комнату, из которой выселился алкаш, увидел и клопов. Потом, много лет спустя, кто-то из моих детей лежал в больнице и принес оттуда вшей. Я перепугался и предложил жене остричь их наголо, жена покрутила пальцем у виска и несколько вечеров старательно мыла детям голову, вычесывая вшей и давя гнид. И на этом все закончилось.

Возможно, многие цивилизованные и удивятся, но от вшей, клопов и тараканов очень хорошо помогает не дуст, а чистота. А с этим делом у русских было так.

Еще по хроникам XVI века в быту русских крестьян было принято следующее. В субботу женщины обязаны были выстирать белье, вымыть избу, причем полы, лавки и столы отдраить дресвой — аналогом наждачной шкурки. В воскресенье все шли в баню — а в русской бане тем-

пература около 100 градусов, а белок, из которого состоит тело вши и ее яиц-гнид, сворачивается при 70, посему в бане у вшей нет шансов выжить. (А дуст гнид не берет.) В безлесной Украине бани тоже были (в Новониколаевке была общая), но при их полном отсутствии еженедельно мылись в корыте, а парились в русской печи – топили ее, выгребали жар, стлали на под соломку и залезали внутрь. Да, в печи париться неудобно, но что поделать, если на баню денег нет, а мыться – это наш варварский русский обычай? Вот в выпущенной в 1915 году издательством И.Д. Сытина «Географии России» даже о Московском промышленном районе, не безлесном, пишется: «Избы в селениях стоят правильной улицей в один или два «порядка», напротив изб или на задах идут амбары, свиные сараи, кладовые, овины; бань мало, больше моются в печах».

Это «цивилизованным» дуст нужен. А русским-то он зачем? Они же некультурные варвары – они мыться призывали.

У меня есть панегирик немецкой пехотной дивизии, выпущенный издательством «Tornado», в нем о немецкой пехоте написано все: и сколько чего, и кто чем, и кто за что, и откуда куда. Ну, скажем, помимо хлебопекарной роты, в каждой немецкой дивизии был механизированный передвижной мясокомбинат с коптильным цехом и машинами по механизированному изготовлению сосисок. Но в немецкой дивизии и намек не было на то, что обязательно было в советской дивизии, – и намек не было на какой-либо банно-прачечный отряд или отрядик. А зачем он им? Они же «цивилизованные». Зачем им тратить время на мытье и стирку, если они дустом себя посыпали – и готово!..

. . .

Лебединцев с завистью пишет о том, что «только с вступлением в пределы Западной Европы наши воины смогли

убедиться в огромной разнице их и нашего быта». Это так. Но только увидели разницу все по-разному. Мне приходилось читать воспоминания девушки, вывезенной немцами в Германию и работавшей у немецкого культурного крестьянина служанкой. Приехал с фронта в отпуск сын хозяев, утром на кухне мать готовит завтрак, служанка чистит картошку, проснувшийся сын входит на кухню, вынимает член и мочится в кухонную раковину. Девушку возмущало, что он делал это при женщинах, пусть даже одна из них его мать. А нам, получается, нужно восхититься — какая «цивилизация»! Русский бы варвар надевал полушубок, обувал бы валенки, шел бы куда-то на скотный двор в нужник, а у «цивилизованного» немца таких проблем нет — отодвинул в раковине посуду и помочился. Кстати о нужниках — это же тоже варварское русское изобретение.

Один мой товарищ был в Лувре — бывшем дворце королей Франции — и там в зале гобеленов обратил внимание, что гобелены как-то странно, как бы это помягче сказать, пахнут. А гид объяснил, что у французов много веков нужников не было: днем его величество и двор опраивались под окнами дворца, вечерами — по темным уголкам залов, а утром слуги все это добро из дворца убирали. Вот королевские гобелены и пропитались многовековым запахом «цивилизации». Русские изобретали нужники на улице, а они — ночные горшки. Как удобно! Слез с кровати, сделал дело, горшок под кровать и снова спи. «Цивилизация»! А что касается вони, то французы изобрели для этого парфюмерию. Не нравится эта вонь, побрызгайся духами и будешь вонять по-другому.

Как-то читал описание летописцем переезда киевского князя в Новгород, и, чтобы подчеркнуть богатство князя, летописец упомянул, что на несколько дней впереди свиты князя ехали плотники, которые на месте будущей ночевки рубили новую баню, т.е. в уже готовых банях такому бога-

тому князю вроде и срамно было париться. Варвар! А вот французские короли хвастались, что они мылись два раза в жизни: их обмывали сразу после родов и перед тем, как в гроб класть. Это же сколько времени варварские русские князья тратили на то, чтобы раздеться, помыться, одеться, а французский король кружева нацепил, одеколоном sprysнулся — и порядок! «Цивилизация-с»! Некоторым нашим русским очень завидно...

А каков итог? Лебединцев как о недоразумении упоминает, что, несмотря на нашу русскую бедность и тупость, несмотря на отсутствие вожделенного дуста, в Красной Армии не было эпидемий. Получается у него прямо по формуле: «дуракам везет». А как обстояло дело с немцами — со счастливыми обладателями дуста?

Уместно вспомнить эпизод из воспоминаний Лебединцева, касающийся их труднейшего похода по Украине в зиму 1943/44 года. «Отогревшись, пленный начал время от времени судорожно дергать плечами, чувствовалось, что у него в белье, как и у нас, немало вшей. Собрав все свои познания в немецком, я спросил: «Вас махен зи?» Пленный вскочил и доложил: «Партизанен!» Немецкая шутка, давшая вшам название «партизаны», понравилась всем». У советских солдат дуста не было, и наличие у них вшей после длительного похода понятно, но ведь, к зависти Лебединцева, у немцев дуст был, откуда же и у них «партизаны»?

А вот уже профессиональный историк, исследующий фронтовой быт, пишет в альманахе «Военно-исторический архив», № 8: «Что касается Великой Отечественной войны, то для нее было характерно особое внимание к санитарно-гигиеническому обеспечению в действующей армии, в чем проявился учет жестокого опыта Первой мировой и особенно Гражданской войн. Так, 2 февраля 1942 г. Государственный Комитет Обороны принял специальное

постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии». В целях профилактики в тылу и на фронте регулярно осуществлялись мероприятия по санитарной обработке и дезинфекции, в армии активно действовала разветвленная военная противозидемическая служба. Причем, на разных этапах Великой Отечественной перед ней стояли различные задачи: в начале войны — не допустить проникновения инфекционных заболеваний из тыла в армию, а затем, после перехода наших войск в наступление и контактов с жителями освобожденных от оккупации районов, где свирепствовали эпидемии сыпного тифа и других опасных болезней, — от проникновения заразы с фронта в тыл и распространения ее среди гражданского населения. И хотя случаи заболеваний в наступавших советских войсках, безусловно, имели место, эпидемий, благодаря усилиям медиков, удалось избежать.

В то же время немецкая армия в течение всей войны была огромным «резервуаром» сыпного тифа и других инфекций. Так, в одном из секретных приказов по 9-й армии (группа армий «Центр») от 15 декабря 1942 г. констатировалось: «В последнее время в районе армии количество заболевших сыпным тифом почти достигло количества раненых». И это не случайно: основными переносчиками сыпняка являются вши, а жилые помещения противника буквально кишели этими паразитами, о чем оставлено немало свидетельств. «Во время наступательного марша мы изредка в ночные часы использовали немецкие блиндажи, — вспоминал С.В. Засухин. — Надо сказать, немцы строили хорошие блиндажи. Стенки обкладывали березой. Красиво внутри было, как дома. На нары стелили солому. В этих-то блиндажах, на нашу беду, мы и заразились вшами. Видимо, блиндажный климат создавал благоприятные условия для размножения насекомых. Буквально в несколь-

ко дней каждый из нас ощутил на себе весь ужас наличия бесчисленных тварей на теле. В ночное время, когда представлялась возможность, разводили в 40-градусный мороз костры, снимали с себя буквально все и над огнем пытались стряхнуть вшей. Но через день-два насекомые снова размножились в том же количестве. Мучились так почти два месяца. Уже когда подошли к городу Белому, нам подвезли новую смену белья, мы полностью сожгли все вшивое обмундирование, выпарились в еще уцелевших крестьянских банях и потом вспоминали пережитое, как страшный сон». Этот страшный для русских сон и есть «европейская цивилизация».

* * *

Лебединцев забыл упомянуть, что, кроме пакетика с дустом, немецкие солдаты носили и запасец презервативов. Но если бы они ими пользовались! А то ведь, насилуя наших женщин и девушек, они забывали их надевать и в результате заразили сифилисом и гонореей все оккупированные ими области, заразили до такой степени, что это стало проблемой и для наших войск при освобождении территорий. В 1943 году ГКО был вынужден отвлечь от обороны дефицитнейший каучук для резкого увеличения производства презервативов, теперь уже и для Красной Армии.

Надо сказать, что от европейской «цивилизации» даже европейцы-англичане шарахались. Будущий британский фельдмаршал Монтгомери, в 1940 году командовавший дивизией британских экспедиционных сил во Франции, деликатно написал о вооружении им британских «Томми» своей дивизии презервативами:

«В первую зиму войны я имел серьезные неприятности. Это случилось следующим образом. После нескольких месяцев пребывания во Франции процент венерических

заболеваний в 3-й дивизии заставил меня обеспокоиться. Чтобы как-то остановить неприятный процесс, я прибег к помощи врачей и даже священников, однако все усилия оказались тщетны, и количество заболевших увеличивалось. В конце концов, я решил разослать всем нижестоящим командирам конфиденциальное письмо, в котором весьма откровенно проанализировал проблему и изложил свои идеи по поводу ее разрешения. К несчастью, копия моего письма попала в руки старших священников в генштабе, и о моем поступке доложили главнокомандующему (Горту). Мои взгляды на то, как справиться с проблемой, сочли неприличными, и поднялся страшный шум. В Генштабе все жаждали моей крови, но Брук спас меня, настояв на том, чтобы ему позволили самому разобраться с этим делом. Сделал он это без обиняков, я получил от него хорошую трепку. Он сказал, кроме прочего, что невысоко оценивает мой опус. Но, как бы то ни было, цель, которую я себе ставил, оказалась достигнутой — количество венерических заболеваний сократилось».

А уж как в самой Германии немецкие женщины своим бактериологическим оружием отомстили нашим бойцам за взятие Берлина! Бывший советский военнопленный Ф.Я. Черон, сбежавший после войны в американскую зону оккупации, издал в Париже воспоминания, в которых описывает советское варварство по отношению к венерическим больным в Германии в 1945 году: «Не помню точно месяца, мне кажется, что это было уже в конце июня, — был отдан приказ: никого с венерической болезнью на родину не пускать. Это касалось в первую очередь военных, как солдат, так и офицеров. Но скоро этот приказ был распространен на всех, включая остовцев и военнопленных. Для лечения этих болезней созданы были специальные лагеря, потому что речь шла о тысячах людей... Один из таких лагерей находился недалеко от Ризы в лесу. В этом лаге-

ре все перемешалось. Там были и полковники, и младшие офицеры, и солдаты, и оловцы, и военнопленные».

Между тем, во Франции гонорею называют всего-навсего «мужским насморком», в англо-русском словаре как-то наткнулся, что английское слово «chordee» (от корня «chord» — «аккорд, струна»), что на жаргоне означает «воспаленный эрегированный пенис, изгибающийся вниз в результате гонореи». Смешно! Бездна «цивилизованного» юмора. А у нас, бедных и необразованных варваров, Сталин больных гонореей на родину из вшивой Европы не впускал, пока не вылечатся, — вот тиран!

Заключение

В заключение этой книги, чтобы поставить все точки над «i» в вопросе о нашей армии, давайте потратим еще немного времени на рассмотрение вопроса о том, кто мы, русские, такие, откуда взялись и чем отличаемся. Вспомним — наше государство расположено в центре материка, окружено другими государствами и почти нигде не имеет и не имело с ними естественных границ — гор или морей. Последнее время СССР занимал самую большую площадь на планете, но ведь не всегда было так. Начиналась Россия с небольшой территории на северо-западе страны, а окончательного размера достигала сотни лет, непрерывно двигаясь на юг и восток.

Жить в России нелегко и по географическим, и по климатическим условиям. Короткое, хотя часто и жаркое, лето сменяется длинной и часто холодной зимой. Это требует большого труда на строительство теплых жилищ, но главное — на их обогрев.

Огромные расстояния требуют больших затрат энергии на их преодоление — царские гонцы на дорогу из конца в конец государства тратили годы.

Такой вот пример. Императрица Елизавета, взойдя на престол, посылает на Камчатку своего курьера Шахтурова, чтобы он не позже, чем через полтора года, к ее коронации, привез «шесть пригожих, благородных камчатских девиц». Императрица слабо представляла себе размеры государства и трудности передвижения в нем: только через 6 лет гонец с отобранными девицами смог на обратном

пути достичь Иркутска. Там у него кончились деньги, да, видимо, и девиц он действительно отобрал пригожих, так как к тому времени как-то так получилось, что они уже все были или с детьми, или беременны. Несчастный гонец, понимая, что безнадежно запоздал, запрашивает Петербург из Иркутска, что же ему дальше делать с «девицами»?..

. . .

Жить в нашем государстве значительно труднее, чем в любом другом, — значительно дороже. Урожаи из-за климата меньше, чем в других странах, а следовательно, пахать, сеять и убирать надо и больше и дольше. По сравнению с гражданами других государств, житель России тратил и тратит в несколько раз больше труда только на то, чтобы просто выжить. И тем не менее, никто так не любил свою Родину, как русские, никакой другой народ так мало не уезжал в другие страны, никто так не тосковал за границей по Родине, как они. Хотя это лирика, но нужно заметить, что мало кто в мире так любил свободу, и мало у кого это свободолюбие подвергалось столь жестоким испытаниям.

И дело здесь вот в чем. На юге и на тысячи километров к востоку от России находились кочевые народы и племена со своими обычаями и правилами, в корне отличающимися от законов, принятых на Западе. Россия была пограничным государством, прикрывавшим оседлые народы Запада от кочевников Востока. Она была пограничником.

Кочевник-скотовод, пасущий скот на выжженных солнцем степных просторах летом и на тех же, но уже обледеленных просторах зимой, имел совершенно другие взгляды на войну и совершенно другие ее правила. Ему нужна была земля, но не в том виде и не в том количестве, в котором она нужна была земледельцу. На той же площади, с которой земледelec мог снять урожай, достаточный, чтобы прокормить в течение года свою семью, кочевник

едва мог вырастить овцу, которую съедал со всей семьей за один-два дня. Кроме того, изменчивость климата, засуха в одних районах или гололед в других требовали быстрых перемещений на огромные расстояния в места, менее пострадавшие от климатических явлений. По этой причине кочевнику требовалось земли в сотни и тысячи раз больше, чем земледельцу. Ему нужна была возможность безопасно откочевать летом на север на 1,5 – 2 тысячи километров, а зимой вернуться обратно. Кочевнику, чтобы жить, нужен был простор.

Поэтому войны между кочевниками велись не за обладание налогом с поработенных народов, а за очистку территории от этих народов. Этим объясняется поражавшая всех жестокость кочевников: захватив в плен противника, они убивали и старых и малых – всех, в ком не видели пользы, скажем, кого нельзя было продать как раба в третьи страны. Тут не имело значения, кто ты – солдат или мирный житель. На той территории, что присмотрел себе кочевник, тебе, с его точки зрения, делать было нечего.

Кроме экономического, имелся и чисто военный аспект. На войну кочевники собирались в большие подвижные группы – орды, но в мирной жизни они рассыпались по степи мелкими и потому беззащитными кочевьями. Если бы они в соответствии с западными правилами ведения войны, взяв и ограбив город, оставили бы его жителей в живых, то те спустя некоторое время могли бы перебить кочевников, нападая на каждое кочевье отдельно. С этой точки зрения оставлять местных жителей в районах, пригодных для кочевого выпаса скота, было бы преступной халатностью, и потому все жители уничтожались либо запугивались убийствами до парализующего волю страха.

Поддерживать мирные отношения с кочевниками было сложно.

Во-первых, их культура, позволяющая им выжить в очень суровых условиях Сибири, была на очень низком

уровне в области техники и технологии, товарных производств и ремесел. Они не умели получать и выделять железо, стекло, керамику и многие из тех видов товаров, производство которых давно и успешно освоили оседлые народы. Кочевники вынуждены были эти товары каким-либо образом приобретать, но для торгового обмена они имели только скот. А скот по тем временам и так стоил не очень дорого, и, кроме того, доставка его на большие расстояния для продажи была чрезвычайно затруднена. Таким образом, для кочевника наиболее доступной формой получения необходимых товаров оставался военный разбой — набег на города и села. Причем в качестве трофейного товара использовались и захваченные пленные — их кочевники продавали на невольничьих рынках Средней Азии и Средиземноморья. Время от времени кочевые племена, особенно потерпевшие поражение, могли вполне искренне заключить мирный договор с Россией, но наступал товарный голод, подрастало новое поколение джигитов, и они снова устремлялись в набег.

Во-вторых, кочевники первыми освоили стратегическую оборонную инициативу, которую в США впоследствии стали сокращенно называть СОИ. Идея заключалась в возможности нанесения противнику безнаказанного для своего населения удара. Отряды кочевников в начале лета внезапно вторгались в пределы России, быстро грабили все, что могли, и быстро откатывались назад. Российские князья с дружинами бросались в погоню. Но кочевники, собрав весь свой народ и весь скот, продолжали отходить дальше и дальше на восток в тысячекилометровые бескрайние степи. Высохшую траву за собой поджигали, лишая русские войска корма для лошадей, колодцы отравляли. Наказать их за набег становилось невозможно или, по крайней мере, очень затруднительно.

Подобная стратегия и тактика кочевников требовала от России менять правила ведения войны на Востоке и во-

обще должна была заставить русских задуматься о том, как дальше быть. Русские – оседлый народ, но на многие сотни километров от кочевников невозможно было селиться и вести хозяйство – очень высок был риск, что тебя ограбят и если даже не убьют, то продадут рабом на галеры.

. . .

До определенного момента кочевники были разобщены, воевали не только с оседлыми народами, но и между собой, а поэтому и сами были слабы. И до поры до времени на Руси считалось мудрым поступать, как на Западе, то есть населению в войне не участвовать, а нанимать князей, поручая им свою защиту.

Однако почти девять веков назад Чингисхан объединил кочевников в государство высочайшей цивилизации, но в очень узких областях – политической и военной. И при нем кочевники по-прежнему были крайне отсталыми в товарном производстве, даже оружие они покупали либо добывали в бою, но они создали сильнейшую армию мира, солдат высочайшей военной выучки и храбрости, ввели крепкую дисциплину и в армии, и в государстве. И одним ударом кочевники начали громить все близлежащие государства, причем и такие, как Китай, численность населения которого в сотни раз превышала численность кочевников. Эти государства, кичась, как им казалось, своей высокой цивилизацией, глядевшие на кочевников как на дикарей, на полуобезьян, оказались неспособными сопротивляться военной цивилизации Чингисхана, они падали перед его армией на колени, становились бесправными рабами.

А в 1223 году полководцы Чингисхана Джебе и Субедей, разгромив ясов, обзюзов и половцев, вошли в землю Русскую.

Нельзя сказать, что русские не почувствовали опасности, хотя князь киевский и убил послов Чингисхана. Князя

собрали войска и выступили навстречу врагу. Повели объединенную армию три Мстислава: киевский, черниговский и галицкий (Удалой). Все три были, к несчастью, старшие из княжеского рода. Были и младшие: Даниил Волынский, Всеволод Мстиславович киевский, Михаил — племянник черниговского князя, Олег курский и другие. Как видим, князей хватало.

Перешли реку Калку, стали станом. 31 мая Мстислав Удалой выехал из лагеря и увидел, что татаро-монголы (будем называть их так) приготовились к битве. Он вернулся в стан и дал команду только своим полкам изготавиться к бою. Остальные князья спокойно сидели в стане, ничего не зная. Летописец утверждает, что Удалой сделал так из зависти.

Татары ударили, смяли союзников русских — половцев, те бросились бежать через стан не успевших ополчиться русских; увидев, что дело плохо, Мстислав киевский не двинулся с места, лагерь у него был на горе, он огородил его кольем и засел там.

Разгром русской армии был полный. Выговорившего себе почетную сдачу Мстислава киевского татары положили под помост, на который сели обедать, и так задушили. Шесть князей были убиты в бою и во время бегства. Надо бы их пожалеть, да не жалеется. Оценивая действия Мстислава Удалого да Мстислава киевского, начинаешь понимать Ивана Грозного, жестоко расправившегося со всеми такими суверенитетчиками. Ведь им была доверена огромная русская армия, доверена была Россия. А они, мерзавцы, из-за своих поганых амбиций все погубили. Тысячи дружинников полегли на берегах Калки, принял смерть в бою и Алеша Попович со своими братьями. Дружинников и богатырей жалко, да Бог с ними — они солдаты, такова их судьба. Главное же началось после Калки.

От Калки татаро-монголы двинулись в область волжских булгар, однако те их встретили дружно и разгромили. Но это было только начало.

В 1236 году к пределам Руси подошел внук Чингисхана — Бату. Великолепный полководец с лучшей в мире армией, он разгромил волжских булгар, выжег их города и уничтожил жителей. Оставшиеся в живых бросились спасаться в Русь. Затем Бату добил половцев, остатки которых откочевали в Венгрию. Народов и государств, прикрывавших Русь с востока, не осталось. И Бату ворвался в нее.

Четыре года грома разрозненные дружины, он жег русские города и уничтожал жителей. Масштаб опустошения был сравним только с природной катастрофой. Не то что районы — целые земли начисто опустошились: Курская земля, Черниговщина «от того нечестивого Бабаева пленения запустеша и ныне лесом заросташа и многим зверем обиталище бывша». Пал и был уничтожен Киев — мать городов русских.

Многие князья с дружинами, честно исполняя долг, пали в боях с татаро-монголами, разумеется, ослабляя их. Но были и такие, что вслед за половцами сбежали в Венгрию. Как бы то ни было, но сопротивление не только не привело к успеху, но даже и не уняло Бату. В 1241 году он перешел Карпаты, нанес сокрушительное поражение польско-немецкому рыцарству, ворвался в Силезию, но был остановлен войсками чешского короля Владислава. Не приняв боя, Бату вернулся, по дороге опрокинул венгерско-французско-австрийскую рыцарскую армию, гнал ее до Пешта и на ее плечах ворвался в столицу Венгрии. Ну, да ладно, не о Бату речь.

К счастью, для кочевого выпаса скота лесная часть России была мало пригодна. Этим она не представляла собой ценности для татаро-монголов, и у них не было особой необходимости очищать ее от людей полностью. Поэтому ими были вырезаны города и села только лесостепной части, чтобы предотвратить в будущем нападение оттуда на степь, а лесная часть была просто покорена и ограблена. Жителей городов, которые пытались оказать сопротивле-

ние, таких, как Козельск, полностью уничтожили, а тех, кто сдался, частью увели в рабство, а частью оставили в живых, наложив дань. Сдавшихся князей и дружины тоже частью пощадили, поручив им собирать эту дань и защищать Россию, а заодно и Орду с Запада, где тоже было достаточно желающих пограбить.

Век спустя, когда государство Чингисхана, раздираемое междоусобицами, начало слабеть, западные соседи России — Литва и Польша — захватили и держали уже под своим владычеством ту юго-западную лесостепную, наиболее ослабленную часть, что впоследствии была названа Украиной, немецкие же ордены захватили северо-западные земли. Этими ударами западные соседи отрезали России выходы к открытым морям, затруднив и торговлю, и общение с остальным миром.

Тем не менее, России повезло. Разбитая и непрерывно ограбляемая, запертая в глубине своих лесов, она осталась жить. Осталась жить, а все народы восточнее ее были вырезаны полностью, и названия их исчезли из памяти людской.

Повезло России и в другом. За время тяжелейшего, дикого и унижительного татаро-монгольского рабства русские поняли то, чего не понимали и не понимают другие народы, правда, в последнее время, и русские перестали это понимать. А тогда рабство на грани смерти их научило многому.

. . .

Могут ли понять Россию на Западе, для которого столетиями войны были сродни развлечениям? Может ли понять Россию американец, для которого, по-видимому, до сих пор война — это любимая забава Рэмбо? Могут ли понять Россию наши отечественные «демократы», для которых единственная мудрость — это смотреть на все глазами того же Запада?

Историк Ключевский подсчитал, что с 1228 по 1462 год, за период, когда формировался великорусский народ, Русь вынесла 160 внешних войн. Только внешних. В шестнадцатом веке она 43 года воюет с Речью Посполитой, Ливонским орденом и Швецией, одновременно защищаясь от набегов татар. Да каких набегов! В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей сжег Москву. По русским летописям, погибло до 800 000 душ. Возможно, это преувеличение, но летописи дают такие подробности. Хоронить мертвых не было ни сил, ни возможностей, трупы сбрасывали в реку, «Москва-река мертвых не пронесла: нарочно поставлены были люди спускать трупы вниз по реке; хоронили только тех, у которых были приятели».

Какие реки, протекающие через столицы западных государств, видели подобное? Сена, Темза, Потомак?

В семнадцатом веке Россия воюет 48 лет!

В восемнадцатом веке Россия воюет 56 лет!

Жестокие войны, подавляющее число которых было направлено на уничтожение русских, стали правилом, жизнью России, а мир... мир — исключением из правила.

Могло в таких условиях за эти столетия у русских выработаться свое мировоззрение, свой взгляд на свободу, на демократию? Да, могло. И оно выработалось. Даже тупой ученик за пятьсот лет обязан что-то понять и чему-то научиться.

Демократия — это ситуация, когда народ имеет в стране власть. Однако по критериям мудрости, принятой на Западе, народом считается каждый человек. Считается, что это мудро, и, естественно, каждый «демократ» и там, и у нас тоже так считает. Поэтому демократическим считается то государство, которое удовлетворяет желания большинства той части населения, которая имеет возможность требовать. Когда толпа «демократов» собирается в здании или на площади и начинает требовать: «Не хотим этого короля, а хотим другого!», то с точки зрения «демократа» — это вершина демокра-

тии. «Демократ» рассуждает: «Король — это глава государственного аппарата, и если мы подберем короля, который будет служить народу (а под народом мы подразумеваем лично себя — «демократов»), то такой король и такой государственный аппарат будут демократичными».

Такова их логика, и такой она была во всех государствах, и в России до порабощения ее кочевниками.

Кстати, и во время татаро-монгольского рабства в России были места, куда кочевники из-за глухих лесов и болот просто не добрались. Таким местом был Новгород. Там эта самая «демократия» существовала очень долго. Этот город подвергался нападениям Литвы или Ордена, и новгородцы приглашали для своей защиты опытного в боях князя, например, Александра Невского. Но когда князь отбивал нападение врага, его почти сразу из города выгоняли. Крутой нрав Александра, заставлявшего жителей излишне, по их мнению, тратить силы на оборону города, «демократам»-новгородцам не нравился. Тем не менее, и старые и новые наши историки всегда берут Новгород за образец народной демократии.

По мере того, как кочевники убивали или угоняли в рабство русских, представления русских о демократии стали меняться. Стала подвергаться сомнению логика Запада, которая выражалась в следующей сентенции: «Если народ — это я, то служить я должен сам себе, в том числе и своей чести, и своей славе. И если во имя своей чести мне надо умереть, то что же — я умру, так как этим я прославлю себя и в себе свой народ. Но если мне предстоит умереть, а ни чести, ни славы для себя я не заработаю, то вместе со мной умрет мой народ. Это бессмысленно. Лучше сдаться на милость победителя, тогда я спасу себя и в себе — народ. Заставляет меня идти в бой и на смерть государство и его глава — царь или король, в том числе и на такую смерть, где ни чести ни славы я не найду. Чем больше я буду рабом государства, тем больше я буду подвер-

гать себя лишениям и смертельному риску. Поэтому чем я буду более свободен от государства, тем больше буду служить себе и в себе народу, следовательно, тем больше я демократ!»

Но в те времена для русского сдача в плен почти без вариантов означала либо смерть от руки кочевника, либо рабство на галерах. Продолжалось это столетиями, было время все обдумать. И постепенно образ мыслей россиян стал меняться: «А народ ли я? А может, народ — это не я, а все живущие в моей стране, в том числе и дети, в том числе и еще не родившиеся дети наших детей? Тогда я не народ, тогда я только частица народа. И если я хочу быть демократом, то мне нужно служить не себе, а всему народу. При этом, если я испытываю лишения, то это еще не значит, что народ испытывает их, мои лишения могут обернуться отсутствием лишений у моих детей. Если я умираю, защищая свою страну, то вместе со мной умирает только очень малая частица народа, а народ будет жить, так как своей смертью я его смерть поправил. И не важно — умер ли я на глазах восхищенных моим героизмом зрителей или незаметно в мучениях скончался от болезней в осажденной крепости. Враг, стоящий под ее стенами, не идет в глубь моей страны, не убивает мой народ. Но если я сдамся, то враг, не сдерживаемый мною, пойдет убивать мой народ дальше».

Ливонский летописец Рюссов: «Русские в крепости являются сильными боевыми людьми. Происходит это от следующих причин. Во-первых, русские — работающий народ: русский в случае надобности неутомим во всякой опасной и тяжелой работе, днем и ночью, и молится Богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя. Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может. В-третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показаться в своей земле,

так как их умерщвляют с позором; в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться. Поэтому они держатся в крепости до последнего человека, скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно, где бы ни жить, была бы только возможность вдоволь наедаться и напиваться. В-четвертых, у русских считалось не только позором, но смертным грехом сдать крепость».

Да, со временем татаро-монголы научили, и русские стали думать: «Если я демократ, то я должен быть рабом своего народа, я должен ему отдать все. Организуют нас на службу народу государство и его глава — царь. Следовательно, я должен быть не наемником за деньги, а рабом, добросовестным рабом государства и царя. Только став рабом народа, я освобожу народ от любого гнета, сделаю его свободным.

Но среди нас, рабов, очень много умников, которые считают народом только себя лично и хотят быть как на Западе — свободным от службы и ему (народу), и государству. Чем их больше, тем больше тягот и по защите народа, и по защите их — умников — падает на меня, на раба. Это несправедливо. И если царь действительно служит, как и я, народу, то у него должна быть железная рука против этих уродов: он должен их либо заставить служить народу, как это делаю я, либо перебить, чтобы другим неповадно было становиться «демократом» и перекладывать на меня, как на раба народа, все трудности и опасности службы».

. . .

Таким образом, трехсотлетняя власть татаро-монголов привела к тому, что все больше и больше русских по своему мировоззрению становились *истинными* демократами — рабами своего государства.

Между прочим, подобный образ мыслей не был понятен не только жителям Запада, но и большинству наших историков. Сложилось устойчивое мнение, что Россия — страна рабов (и это правильно), но мало кто понимал, чьи это рабы, кому они служат. Считалось, что русский — это такая тупая скотина, которая без плети жить не может. При этом подобные историки и исследователи как-то обходили вниманием то, что за пятьсот лет после рабства у кочевников эти «тупые скоты» не склонили головы ни перед кем и ни один захватчик больше не смог поставить их на колени в то время, когда почти все западные страны — «демократы» — по паре раз в столетие на колени становились.

Причем Россия была свободной даже тогда, когда численность русских была вдвое меньше, чем численность любого их западного соседа.

Что касается плети, то Запад видел ее, но не видел или не хотел видеть, кому она предназначается, Запад не понимал, что раб-россиянин, раб своего народа, меньше всего боится этой плети, так как она в своей идее не ему предназначалась. Правда, попадало от этой плети и преданным рабам, но лишь тогда, когда в руки ее брали холоуи, желающие продемонстрировать свою мудрость и преданность царю. Такое было, и от этого ненависть русских-рабов к просто холоуям при царе еще больше возрастала.

Сейчас наши «демократы» пеной исходят от ненависти к Ивану Грозному: как же, в его царствование были казнены от 4 до 5 тысяч князей, да бояр, да прочей тогдашней «интеллигенции». А спросите их, чего вы, собственно, слюной брызжете? Ведь Иван Грозный давно умер, и если говорить о ненависти, то тогда надо говорить о ненависти к нему его современников.

Иван Грозный вел очень неудачные войны с польским королем Стефаном Баторием, в рядах последнего дрался наблюдательный немец Гейденштейн. Он записал о Грозном: «Тому, кто занимается историей его царства-

ния, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости могла существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки. Причем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже высказывал во время войны невероятную твердость при защите и охране крепостей, а перебежчиков вообще очень мало. Много, напротив, нашлось во время этой войны таких, которые предпочли верность князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам».

Иван Грозный так и остался для нашей интеллигенции кровопийцей, а в сказаниях народа – очень добрым царем. Историк Ключевский даже делает вывод, что вот, дескать, русский народ – это очень незлобивый народ. Это не так. Русские в ярости своей жестоки и злы. Но у раба русского не может не вызвать добрых чувств раб-царь. Царь – раб своего народа.

Идея о том, что русские очень любят быть рабами своего царя, своего государства, тешит наших «демократов». Любое упорство русских по защите своего Отечества объясняется ими боязнью царя или государства. Это и понятно. Ведь «демократ» все мерит по себе, посему и царя, и государства страшно боится, так как не хочет им служить. Он обычно говорил: «Русские потому так упорно защищались, что иначе царь их убил бы!» И не задумывается, что человеку, в принципе, все равно, кто его убьет – враг или свой царь. Да и в истории России все было не так, и Царю, как таковому, не служили. Служили Родине.

. . .

В 1980 году первым изданием вышла замечательная книга Ф.Ф.Нестерова «Связь времен». Многие из вышеприведенных примеров взяты из нее. И хотя я не со всеми вы-

водами Нестерова согласен, но книгу его считаю поистине замечательной. Не для «демократов».

Для обоснования того, что русские служили не царю, приведу пример, взятый также из этой книги.

«С 21 сентября 1609 года по 3 июня 1611 года армия польского короля Сигизмунда осаждала Смоленск. За время осады успело рухнуть Московское государство: в 1610 году Василий Шуйский был свергнут с престола, бояре для защиты Москвы от Лжедмитрия впустили в нее польское войско гетмана Жолкевского и отправили в стан Сигизмунда посольство, чтобы просить у него сына, королевича Владислава, на русский трон. Сигизмунд соглашается, но требует от послов Смоленск. Послы передают его слова смолянам.

Так, совершенно неожиданно защитникам города пришлось самим решать, продолжать ли оборону, или впустить Владислава с польским войском. Смоленяне согласились впустить Владислава как русского царя, но не как польского королевича, сопровождаемого польскими ратными людьми. Но на последнем настаивает Сигизмунд, это его последнее условие.

Над Смоленском не было уже верховной власти, церковь разрешила всех от клятвы верности низложенному царю, смоляне с крепостных стен видели плененного Шуйского в королевском лагере на пути в Варшаву— некому было «казнить их казнью» за сдачу города. Многие русские города признали Владислава царем, и поляки на этом основании называли жителей Смоленска изменниками. Все знали, что Смоленск— ключ к Москве, но зачем хранить ключ, когда сбит замок? К тому же город в течение года выдержал осаду, горел от раскаленных польских ядер, страдал из-за отсутствия соли и был поражен каким-то поветрием. Превосходство польской армии было очевидным, падение крепости оставалось лишь делом времени, так как неоткуда ждать помощи, а условия сдачи были

милостивыми. Не пора ли подумать о жизни женщин и детей, прекратить бессмысленное кровопролитие? Дети боярские, дворяне и стрельцы колебались в ответе, воевода молчал, архиепископ безмолвствовал. Черные люди посадские, ремесленники и купцы настояли на обороне до конца, и Смоленск ответил королю: «Нет!» Перед русским посольством во главе с митрополитом Филаретом смоленские представители, дети боярские и дворяне, разъяснили, что хотя поляки в город и войдут, но важно, чтобы их, смолян, в том вины не было. Поэтому они решили: «Хотя в Смоленске наши матери, и жены, и дети погибнут, только бы на том стоять, чтобы польских и литовских людей в Смоленск не пустить».

Потом был приступ. Поляки, взорвав башню и часть стены, трижды вламывались в город и трижды откатывались назад. Потом вновь перешли к правильной осаде, днем и ночью засыпали Смоленск ядрами. Потом снова приступали к крепости, снова отступали, снова долбили ее стены и башни из пушек, снова вели подкопы и взрывали укрепления. Так в течение еще одного нескончаемого года. К лету 1611 года число жителей сократилось с 80 до 8 тысяч душ, а оставшиеся в живых дошли до последней степени телесного и душевного изнурения. Когда 3 июня королевская артиллерия, сосредоточив весь свой огонь на свежестроенном участке стены, разрушила его полностью и войско Сигизмунда вошло наконец в город через пролом, оно не встретило больше сопротивления: те смоляне, которым не вмоготу было видеть над Славонковской башней польское знамя, заперлись в соборной церкви Богородицы и взорвали под собой пороховые погреба (по примеру сагутинцев, замечает польская хроника); другим уже все было безразлично: безучастно, пустыми глазами смотрели они на входящих победителей. Сигизмунду передали ответ пленного смоленского воеводы Шеина на вопрос о том, кто советовал ему и помогал

так долго держаться: «Никто особенно, никто не хотел сдаваться». Эти слова были правдой. Одного взгляда на лица русских ратных людей было довольно, чтобы понять, что брошенное где попало оружие не служило просьбой о пощаде. На них не было ни страха, ни надежды — ничего, кроме безмерной усталости. Им уже нечего было терять. Никто не упрекнул бы Сигизмунда, если бы он предал пленных мечу: не было капитуляции, не было условий сдачи, никто не просил о милости. Сигизмунд, однако, не захотел омрачать бойней радость победы и разрешил всем, кто не хочет перейти на королевскую службу, оставив оружие, покинуть Смоленск.

Ушли все, кто мог еще идти. Опустив головы, не сказав слова благодарности за дарованные жизни. Пошли на восток от города к городу по истерзанной Смутой земле, тщетно ища приюта, питаюсь подаянием Христа ради. Когда добрались до Арзамаса, местные земские власти пытались, было, поселить под городом нищенствующих дворян и детей боярских, да арзамасские мужики не захотели превращаться из черных крестьян в крепостных и прогнали новоявленных помещиков дубьем.

Эти странники с гноящимися под драным рубищем ранами, с беззубыми от цинги ртами еще не знали, что пролитая кровь, смерть товарищей, гибель семей не были бесцельной, бессмысленной жертвой. Они выполнили долг перед государством как смогли, но где оно, их великое государство? Без малого восемьсот верст прошли они, но на своем скорбном пути видели лишь одну и ту же мерзость запустения. Защитникам Смоленска мысли не могло прийти о том, что истинными победителями остались они.

Однако это было именно так. Польская и литовская шляхта, истомленная долгой осадой, сразу же после взятия города разошлась по домам, несмотря на все уговоры и посулы короля. Сигизмунд с одними наемниками был не в состоянии продвинуться дальше в глубь России и оказать

существенную помощь засевавшему в Москве польскому войску. Восстановив стены и оставив в крепости гарнизон, он вернулся в Варшаву. В России между тем начиналось народное движение за освобождение Москвы и восстановление Московского государства. Нужно было время, чтобы оно разрослось и набрало силу. Верный Смоленск и послужил ему, сам того не ведая, надежным щитом.

История обычно чуждается театральных эффектов. Ее герои, вышедшие на сцену в первом действии драмы, как правило, не доживают до заключительного. Для смолян было сделано исключение. Неисповедимыми путями приходят они в Нижний Новгород как раз тогда, когда Минин бросает свой клич. Смолене первыми откликаются на призыв, образуя ядро собираемого народного ополчения. Потом в его рядах с боями доходят они до столицы, отражают у Новодевичьего монастыря и Крымского моста последний, самый страшный натиск войска гетмана Ходкевича, прорывающегося к осажденному в Кремле и Китай-городе польскому гарнизону, и наконец среди пылающей Москвы на Каменном мосту во главе с Пожарским принимают капитуляцию королевских рот, выходящих из Кремля через Боровицкие ворота...

Личная судьба смоленского воеводы Шеина также имеет определенный исторический интерес. Вернувшись из Польши по обмену военнопленными, он вскоре по указу царя Михаила Федоровича возглавил десятитысячную рать, отправленную отвоевывать потерянный Смоленск. Едва русские расположились под городом, отстроили палисад и деревянную крепость, острожек, как на помощь осажденным пришел со всей армией Владислав, теперь уже король Польши. Осаждающие оказались между двух огней и осажденными в свою очередь. Прорвать внешнее кольцо и дать бой в чистом поле русская рать не могла из-за численного и, главное, качественного превосходства регулярного польского войска; а отсиживаться в окру-

жении также не было никакой возможности, поскольку запасы продовольствия быстро подходили к концу. К тому же иностранные наемники, бывшие на этот раз под началом у Шеина, громко требовали сдачи, грозя бунтом и переходом в польский лагерь. Шотландцы принялись сводить старые счеты с англичанами. Те и другие открыто показывали свое пренебрежение к требованиям воинской дисциплины. Полякам, со своей стороны, не было смысла лезть на русские укрепления; дожидаться же того, чтобы упорные московиты перемерли с голоду или пошли на безоговорочную капитуляцию, тоже не хотелось — и так всю зиму пришлось провести в поле без дела. Так или иначе, Шеину удалось выговорить условия выхода из окружения.

Утром 19 февраля русская рать без барабанного боя, со свернутыми знаменами и с затушенными фитилями вышла из своих укреплений и остановилась у подножия холма, где на коне сидел польский король, окруженный сенаторами и рыцарями. Русские знамена были положены у его ног, а знаменосцы отошли на три шага назад. Шеин и другие воеводы, спешившись, низко поклонились Владиславу. Пушки тут же были переданы победителям. Предложено было выйти из рядов тем, кто пожелает перейти на королевскую службу. Иностранцы вышли почти все, из московских людей 8 человек (из них 6 казаков). После этого Владислав в знак приязни к своему знакомцу еще со времен первой осады воеводе Шеину дозволил взять с собой 12 полковых пушек (последнее условиями капитуляции не предусматривалось). По знаку короля знаменосцы подняли и развернули знамена, стрельцы запалили фитили, раздалась дробь барабанов, и все войско двинулось восвояси по Московской дороге.

На этот раз все прошло на уровне лучших европейских стандартов: красочная мизансцена, музыкальное сопровождение и даже заключительный милостивый жест короля воспроизводили в деталях представления, кото-

рым Запад не раз был зрителем в эпоху Тридцатилетней войны. Опущенной оказалась лишь одна частность. Там побежденные полки в полном составе с охотой переходили под знамена великодушного, а главное, более щедрого победителя (ибо победитель, как правило, получал возможность быть щедрым). Здесь перешла лишь жалкая горстка московитян.

Причиной столь странного для европейцев явления не могло быть какое-то особое озлобление русских против поляков. Несмотря на то что борьба России против Литвы и Польши велась более трех столетий, в ней не видно того ожесточения, которое, например, всякий раз прорывалось в более коротких столкновениях русских с Орденом. В разгар Смуты русские города по доброй воле присягали Владиславу, а польско-литовская шляхта не раз выдвигала кандидатуру московского царя на престол Речи Посполитой. Московские щеголи, отправляясь на войну с Польшей, наряжаются в платья, сшитые по варшавской моде, и берут с собой в поход книги, переводы с польского. Вообще говоря, Речь Посполитая не должна была казаться русским ратным лицам, стоявшим у подножия холма, совершенно чуждым государством. Она включала в себя русские земли, пользовавшиеся широким самоуправлением. Русские магнаты Острожские, Вишневецкие, Ходкевичи, Чарторыйские, Сапеги и другие вошли в высший слой польской аристократии, оттеснив чисто польских по своему происхождению Пястов. И напротив, до трети всех боярских и дворянских семей в Московии произошли от выходцев из Польши и Литвы. Иногда граница разрезала одну семью.

Так, князья Мосальские, служившие в Варшаве и Москве, вполне могли встретиться друг с другом на поле боя. Польский король был одновременно и «князем русским». Почему бы русским дворянам и детям боярским, этим «холопам государевым», составлявшим ядро войска

Шейна, не признать Владислава своим князем, не выбрать шляхетскую «злату вольность», не оставить тяжкую и неблагодарную службу царскую ради вольготной и хорошо оплачиваемой королевской, почему бы не распротиться с московскими кнутом и батогами? Не последним по силе доводом был еще и голод. Русские ратные люди были голодны. За три месяца сидения в осаде недоедание успело смениться самым настоящим голодом. Многие от слабости едва держались на ногах. И многие были больны: уже давно в костры пошло все, что могло гореть, последние недели приходилось дневать и ночевать на морозе.

Польский лагерь совсем рядом, манит дымком, запахом горячей пищи.

Москва далеко, на другом конце снежной пустыни. Как еще встретит она свое опозоренное воинство? Больным лишь нечего бояться — для них довольно места по обеим сторонам Смоленской дороги. И все же нельзя выходить из рядов. Нужно стоять, опустив от стыда головы, а потом идти. Жить не необходимо, идти необходимо. Туда, где бьется суровое сердце России.

Пятая часть вышедшей из-под Смоленска рати погибла в пути. Шейн в докладе, представленном Боярской думе, привел точную цифру убыли от болезней: 2004 ратника. Они тоже сказали свое «нет!».

Кремль не оценил дипломатического искусства своего воеводы. Шейну и его молодому помощнику Измайлову было предъявлено обвинение в государственной измене. Бояре выговорили им: «А когда вы шли сквозь польские полки, то свернутые знамена положили перед королем и кланялись королю в землю, чем сделали большое бесчестие государеву имени...» Выговор завершился приговором... Палач, подойдя к краю помоста, поднял обе головы над толпой, чтобы хорошо видели все: пусть замолчат те, кто толкует о том, что московскому человеку не под силу стоять против литовского короля; пусть Польша полюбуется

на плоды своего рыцарского великодушия; пусть ждет новую рать и пусть знает, что, если даже вся Смоленская дорога превратится в сплошное кладбище, Смоленск все же будет русским».

Эти строки Ф. Нестерова трудно читать без внутреннего содрогания, без спазм в горле... И каково читать эти строки тем, кто видел так называемое Всеармейское совещание офицеров Вооруженных Сил СССР после Беловежского сговора? Кто видел это лакейство, эту подлость людей, получивших от народа все, но в трудный для него час плюнувших на присягу, на волю народа, высказанную на референдуме? Наши предки Шеину голову снесли. Боже, что бы сделали они с этими подонками?! А что бы сделали с ними Сталин и большевики?!

. . .

Итак, держа Россию на грани жизни и смерти, татаро-монголы создали из нее особую нацию, которая начала смотреть на себя как на единую семью, целью которой было выживание. Но семье нужен единый глава, единый, а не несколько. Иначе стало бы уже несколько семей и не было бы гарантии их совместного действия. Таким началом был царь-самодержец. Самодержавие создавалось несколько веков, и в этот период народ в массе своей безусловно поддерживал кандидатов-самодержцев, с пониманием относясь к их жестокой борьбе со всеми суверенитетчиками, тем более что первые русские цари шли на все во имя своего народа.

Надо сказать, что жертвенностью своих руководителей Россию было трудно удивить, более того, для нее это было естественно, так как народ, повторю, рассматривал их, как отца в семье, а для отца жертвенность во имя семьи естественна.

Причем отца именно всего народа, а не собственно монархического семейства. Наоборот, очень часто члены царской семьи в России становились жертвой, положенной на алтарь Отечества, — препятствием, которое сметалось монархом во имя народа.

...Тяжело болел великий князь Иван III, готовится предстать перед судом Господним. Он боится Божьего наказания за грехи, боится преисподней. А в тюрьме в это время по его приказу находится его брат Андрей, и митрополит просит за него, предлагает Ивану не брать грех смерти в тюрьме родного брата на душу. Но Иван и боится, и не может освободить Андрея: «Жаль мне очень брата, и я не хочу погубить его... но освободить его не могу. Иначе, когда умру, будет искать великого княжения над внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю губить, жечь и пленить, и дань опять наложат, и кровь христианская опять будет литься, как прежде, и вы снова будете рабами татар».

Наши отечественные ученые все ищут близость между русскими и европейцами. А между тем, хотя бы по вышеприведенному примеру, не лучше ли поискать близости между русскими и японцами? Самурай превыше всего ставит исполнение своего долга. Он тоже боится греха и загробной жизни, и этот страх обязывает его исполнять долг. Но кодекс самурайской чести требует от самурая, чтобы он исполнил свой долг, даже если он сделает такое, за что попадет в ад.

Начав формировать регулярную армию, Петр I столкнулся, как и другие цари, с необходимостью призыва большого количества людей, не представляющих себя солдатами, а отсюда робкими, не способными подавить в себе страх. Проходило время, и эти люди в конце концов становились хорошими бойцами, но поначалу они пугались пер-

вого неприятельского выстрела, легко поддавались панике и разбегались от первого вражеского натиска.

Под Полтавой Петр, боясь Карла XII и того, как бы не повторился нарвский конфуз, вводит в боевое построение войск отряды, которые в Великой Отечественной войне 1941—1945 г. получат название заградительных. Сзади боевой линии своих войск он выстраивает линию солдат и казаков и дает им приказ: «Я приказываю вам стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля»...

Так ли уж нельзя умом понять Россию, как это казалось поэту? Наверное, нельзя, если мерить ее не своим русским аршином, а западным.

Чтобы понять разницу в образе мыслей русских и народов Запада, нужно учесть следующее. Любую страну Запада можно образно представить в виде гостиницы. Люди живут каждый в своем номере и платят за него ими же избранной администрации гостиницы за охрану и обслуживание, т.е. платят то, что в государстве называют налогами. Существует основной договор между администрацией и жильцами (Конституция страны) и правила (законы), в которых оговаривается, кто что и кому должен. Жильцы могут быть патриотами своей гостиницы, но при этом не вызовет недоумения и их переезд в другую гостиницу или случай, когда охранник гостиницы, законно расторгнув договор с администрацией, перейдет на службу в другой отель. Абсолютно естественно, что одни живут в бедных номерах, другие в комфортабельных. Каждый оберегает неприкосновенность своего номера (мой дом — моя крепость) и личную свободу как от остальных жильцов, так и от администрации.

В своей весьма ценимой личной свободе житель стран Запада привык ориентироваться на себя, на свою активность и предприимчивость. Он не ждет ничего особенно-

го от своего правительства: если оно защитит его жизнь от внешнего врага и уголовника, то и это хорошо. Причем не важно, как оно это сделает, лишь бы сам житель не пострадал или пострадал в минимальной степени. В своих делах он требует, чтобы никто не вмешивался, не ограничивал его свободу, не мешал ему. Заплатил налоги — и отстаньте! Он в делах коммуникабелен, для получения какой-либо выгоды легко сходится с другими людьми. Но он и при этом остается индивидуалистом — его мир сосредоточен в нем самом.

Мировоззрение русских совсем другое. Татаро-монголы сбили нас в одну семью, научили истинной демократии, и мировоззрение наше приняло формы мировоззрения члена огромной семьи. Русские перестали рассматривать свое государство, как гостиницу, они стали смотреть на него, как на огромный дом с многочисленной, но очень близкой родней. Во главе семьи, естественно, стоял отец — царь или правительство. В связи с этим доверие к ним было полнейшее: действительно, не может же отец что-либо делать в ущерб собственной семье. И те цари и правительства, которые это понимали, достойно играли свою роль. А в «перестройку» советский народ попался именно на этом — на неверии, что правительство СССР может сделать что-либо ему во вред.

Причем действительными и полноправными членами семьи в старые времена рассматривались только так называемые простые русские, т.е. по тем временам — крестьяне, и, разумеется, сам царь. Люди, занимавшие промежуточное положение между царем и крестьянами, особенно чиновники органов управления государством, тоже считались членами семьи, но не совсем полноценными. «Народом — миром» крестьяне считали только себя. Если вспомните, то первыми чиновниками и офицерами государства были воеводы, бояре, дружинники — те, кто организовывал народ и управлял им при военной опасно-

сти. Эти люди в те времена очень часто были не только пришлыми, но и просто иностранцами, служившими князю или царю по найму. Возможно, поэтому к ним и впоследствии сохранилось несколько недоверчивое отношение.

В качестве анекдота можно напомнить, что до самого конца Российской империи царь ко всем обращался на «ты», в то же время ему говорили: «Вы, Ваше Величество». Говорили все, кроме крестьян, которые вели себя с царем, как с отцом, несколько фамильярно, обращаясь к нему: «Ты, царь». Николай I как-то объезжал Россию, и в очередной деревне к нему вышли крестьяне с хлебом и солью. Бедный староста, зубривший приветственную речь, при виде царя сумел произнести только первые три слова: «Царь, ты столп...» — и его заклинило. Он снова начинал: «Царь, ты столп» — и снова забывал, что дальше. Наконец Николаю надоело: «А ты бревно», — сказал царь, забрал хлеб-соль и закончил этим митинг.

Тем не менее и чиновники и офицеры — все были членами семьи. О каких-либо договорных отношениях с царем и речи не могло быть — ну, кто же в семье договаривается с отцом? Дескать, я тебе плачу определенную сумму, а ты меня защищай, или — ты мне плати определенную сумму, а я буду защищать семью. В семье это немыслимо, в семье это естественная обязанность и тех и других. В этом незаметное, но резкое различие с Западом.

Когда Россия, объединяясь в семью вокруг Москвы, стала крепнуть, к ней с окраин от татарских границ стали стекаться крестьяне. Великий князь Московский ни о чем не договаривался с вновь прибывшими детьми — он давал им землю, давал семена, если мог, то и скот, ничего не требуя взамен. А что может потребовать отец за исполнение своего долга перед детьми? Но когда приходила пора защитить семью, то царь и брал у крестьян столько, сколько было нужно, включая и их самих. И почему он это делал, было всем понятно. А как может быть в семье иначе?

В Москву приходили князья и бояре из других княжеств. Князь и с ними ни о чем не договаривался, а ставил их в строй. Но по тем временам для содержания одного воина требовался труд не менее десяти-тридцати крестьянских семей. Поэтому князь закреплял за своими дворянами крестьянские семьи, эти семьи дворян кормили, их трудом дворяне вооружались, нанимали дополнительно солдат и защищали под руководством князя или царя этих же крестьян.

Формально в России был феодализм, но в отличие от Запада дворяне по отношению к крестьянам имели прав не более, чем ротный командир на своего солдата. Если на Западе рыцарь мог повесить своего крепостного крестьянина, имел право первой ночи, и крепостной был фактически его рабом, хотя и вел самостоятельное хозяйство, то в России это было немыслимо. Российский дворянин мог только восстановить дисциплину, т.е. выпороть крестьянина за проступки и в крайнем случае вернуть его царю — отдать в солдаты. Но ни посадить в тюрьму, ни тем более убить крестьянина дворянин не мог. Это было делом отца-царя, делом только его суда.

Дворянин мог сделать и то, что выглядело продажей, он мог отдать крестьянина другому дворянину и получить за это деньги. И это действительно выглядело бы продажей, если не учитывать, что крестьянин для дворянина был единственным источником дохода, при помощи которого дворянин защищал тех же крестьян. Передавая источник своего дохода другому, он имел право на компенсацию. Разумеется, что при такой продаже законом исключалось разделение семей.

Крепостных дворянин имел до тех пор, пока служил он и служили его дети. Прекращалась служба — отбирались крепостные. Заметим, служба русского дворянина князю, как и служба человека своей семье, не имела сроков. Уйдя на службу в 15 лет, он мог до глубокой старости

просидеть в крепости на границе за тысячи километров от своего имения и так никогда и не увидеть своих крепостных. Тяжелые условия, в которые попала Россия, требовали такой же тяжелой службы ей.

Мировоззрение члена семьи выработало особые черты российского характера, и прежде всего российский демократизм. То, что каждый человек должен в первую очередь служить народу, обществу, страдать во имя общества, было для русских вещью безусловной. Поэтому всякое уклонение от этой службы, противопоставление ей своих личных интересов было для русских противостоестественно, что тогда уже вызывало удивление западных современников, которые не без резона считали, что родина у человека там, где ему хорошо живется.

. . .

Позволю себе привести еще одну цитату из Ф. Нестерова, очень уж хороша книга.

«В июле 1701 года шведская эскадра в составе семи боевых кораблей входит в Белое море и направляется к Архангельску, чтобы согласно королевской инструкции «сжечь город, корабли, верфи и запасы». Шведы знают, что русские считают Архангельский порт своим глубоким тылом, а потому и рассчитывают на внезапность диверсии. Операция закончилась, однако, провалом. Шведский историк XIX века А. Фриксель, используя сохранившуюся в архивах документацию, объясняет следующим образом неудачу экспедиции:

«Когда шведские корабли вошли в Белое море, то они стали искать лоцмана, который сопровождал бы их в дальнейшем пути в этих опасных водах. Два русских рыбака предложили тут свои услуги и были приняты на борт. Но эти рыбаки направили суда прямо к гибели шведов, так что два фрегата сели на песчаную мель. За это оба преда-

тельски действовавших лоцмана были избиты возмущенным экипажем. Один был убит, а другой спасся и нашел способ бежать. Шведы взорвали на воздух оба своих фрегата и затем возвратились в Готенбург. Царь Петр тотчас вслед за тем поспешил в Архангельск, одарил деньгами, а также из собственной одежды рыбака, который с опасностью для жизни посадил на мель шведские корабли, и назвал его вторым Горацием Коклесом».

Русские источники кое-что добавляют и исправляют в шведской версии события. Архангельский воевода князь Прозоровский через голландских купцов был осведомлен о готовившейся экспедиции, а потому запретил рыбакам выходить в море. Дмитрий Борисов и Иван Рябов ослушались приказа воеводы и были захвачены шведами, которые угрозами и посулами принудили их показать безопасный путь к берегу для высадки десанта. Лоцманы, как видно, действительно хорошо знали свое дело, коль скоро не только посадили на мель шведские фрегаты, но сделали это как раз напротив недавно поставленной береговой батареи. После десятичасовой перестрелки русские пушкари разбили оба корабля (другие, опасаясь мелей, держались вдалеке), шведы не взорвали их, а покинули на шлюпках. Русские обрели на шведских судах 13 пушек, 200 ядер, 850 досок железных, 15 пудов свинца и 5 флагов. Дмитрий Борисов был застрелен на палубе шведского флагмана, а Иван Рябов выбросился за борт и вплавь добрался до берега, после чего был засажен в острог за самовольный, вопреки указанию воеводы, выход в море.

Князь Прозоровский, следует признать, действовал более в духе своего общества, нежели царь Петр. Он, конечно, доволен поступком рыбаков и даже избавляет Рябова от причитавшихся ему батогов, но не разделяет восторга Петра. Будь на месте Ивашки с Митькой, думал воевода, Сидорка с Карпушкой, то, наверное, тоже не оплошали бы; чего же ради смотреть на Рябова как на чудо морское? За выполнение долга не требуется особой благодарности.

Европейский взгляд, выраженный А. Фрикселем, прямо противоположен русскому. Характеризуя действия рыбаков как предательские, он подразумевает, что Рябов с Борисовым поступили бы разумно и порядочно, если бы указали шведам слабые места русской обороны и, пересчитав добросовестно заработанные деньги, с низким поклоном удалились. Разные шкалы этических ценностей действуют на западной и восточной частях одного континента.

Петр попытался применить европейское понятие героизма к российской действительности, но, наверное, не был понят окружающими. Его подданные классического образования не имели, Тита Ливия не читали, а поэтому приняли Горация Коклеса скорее за одного из тех голландских капитанов, с которыми любил бражничать государь.

. . .

Вообще в нашей стране было неизвестно, что такое героизм в том смысле, как его понимали на Западе. Мост через реку Каланэбру в Эстляндии шведы успели облить горючей смесью и поджечь до подхода русских. По приказу Петра солдаты, бросив на горящие мостовые клетки бревна, ползком перебираются по ним на другую сторону и штыковым ударом выбивают шведов из предмостного укрепления. Первоисточник сухо сообщает об этом бое местного значения и не упоминает, были ли после него розданы награды: такое поведение солдат в порядке вещей. Было бы очень трудно растолковать прошедшим через огонь гренадерам сущность героического.

Героизм в его классическом понимании всегда есть исключение из правила. Герой, то есть сын бога, полубог, совершает непосильные простым смертным деяния. Он вышшеается над толпой, которая служит пьедесталом для его неповторимой личности. Долг, совесть, различие добра от зла — все это хорошо для низкой черни, не для него.

Цезарь Борджа, а потом Наполеон Бонапарт — любимые герои Европы, в них видела она апофеоз своего индивидуализма. Но такая компания вряд ли подходит скромному Ивану Рябову, и на пьедестале он должен чувствовать себя не слишком удобно.

Со времен Петра понятие героизма все же вошло в обиход русской мысли, но при этом оно обрусело, потеряло первоначальную исключительность. Антитеза между героем и толпой как-то незаметно стерлась, и на ее месте появилось маловразумительное для европейца словосочетание «массовый героизм», то есть что-то вроде исключения, которое одновременно является и правилом».

. . .

Значит ли это, что мы, русские (под этим я понимаю не национальность, а гражданство), такие уж очень-очень хорошие? В принципе — да. Но, к сожалению, «если в одном месте прибывает, то в другом убывает» — наша сила определяет и наши слабости. Оказалось, нас легко взять голыми руками, если «отца» во главе нашей семьи заменить подонком. Зная, что мы в семье не пропадем, мы не видим потребности в своей инициативе, типа, «ну не сделал я, ну и что — людей много, другие сделают».

Запад, при своей коллективной слабости и индивидуализме, в свое время имел и очень сильные стороны — инициативу и самоуважение. Русский привык гордиться всей своей семьей — своим государством, а западный человек должен иметь основания, чтобы гордиться собой лично, а для этого ой как много надо того, что средний русский считает лишним.

Вот и в 1941–1945 годах немцы проявили военный гений, а наши генералы оказались не на высоте, но, в конце концов, это немцы «уступили нам дорогу» и уступили потому что советский народ оказался прочнее немецкого, со-

ветская государственная идея оказалась прочнее немецкой, короче, победила не наша армия, а наше государство.

Давайте подсчитаем так. К лету 1942 года людские потери Советского Союза достигли 73 млн. человек вместе с теми, кто остался на оккупированных территориях, а до войны нас было 196 млн., т.е. наши максимальные людские потери достигли 37%, но мы, советские люди, не сдались, мы дрались и сломали-таки немцам хребет. А всего наши безвозвратные потери населения составили 26,6 млн. Или почти 14%, но мы устояли, и белые флаги не вывесили. А немцы из 80 млн. населения потеряли чуть более 7 млн., т.е. около 9%, но когда мы подошли к границам Германии, то немецкая армия еще отчаянно дралась, но сами немцы уже были не бойцы, они «сломались»...

И последнее. Иногда антисоветчики радостно утверждают, что мы, дескать, завалили немцев трупами. Были бы эти антисоветчики поумнее, то помалкивали бы, поскольку завалить противника трупами почетно для народа — это показатель того, что не было у советского народа власти более дорогой ему, чем власть Сталина и большевиков.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	5
Глава 1. Война как лекарство от глупости.	8
Глава 2. Генералы.	22
Глава 3. Творчество солдата_____	46
Глава 4. Военная честь.	68
Глава 5. Отвага.	81
Глава 6. Главная ударная сила.	104
Глава 7. Наша авиация.	131
Глава 8. Подвиги — выдуманные и настоящие.	144
Глава 9. Армия и мирное население.	182
Заключение.	207

Массово-политическое издание

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ

Мухин Юрий Игнатьевич

АРМИЯ ПОБЕДЫ

Редактор *О. Селин*
Художник *Б. Протопопов*
Художественный редактор *А. Финогорова*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*
Корректор *В. Авдеева*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825
Оптовая торговля: 617-0825, 617-0952
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>
Электронная почта: aigorm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politknga.ru>

Подписано в печать 07.12.2009. Формат 84x108¹/₃₂.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 3260

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-9265-0718-5

Готовое к войне государство – это готовое к победе в войне государство. Это государство, в котором максимально устранены все причины, ведущие к поражению, а обстоятельства, являющиеся причинами победы, усилены до нужной величины.

Надо ли доказывать, что всю эту работу необходимо делать в мирное время? Именно для того, чтобы это мирное время сохранить.

В этой книге последовательно разбираются все причины, приведшие к Победе в Великой Отечественной войне, и все причины, приведшие к поражениям на начальном ее этапе. По словам автора: «Читатель воскликнет – да сколько же можно? Уже все причины давно исследовали и описали. Как Сталин прятался под кроватью от известия о начале войны, что перед войной было убито НКВД 50 тысяч самых лучших генералов и 60 млн советских граждан в придачу.

И кто только этим не занимался – от подлого предателя Резуна (Суворова) до не менее подлого генерал-полковника Волкогонова... Хорошо! Все уже описано. Но значит ли это, что мы хотя бы чему-то научились?..»

ISBN 978-5-0055-0718-5

9 785920 507185 >